

952
543

ISSN 0321-0359

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Псіхалогія
Паліталогія
Сацыялогія
Эканоміка
Права

2/2002

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

<i>Дзянісава А.Р.</i> Праваслаўныя манастыры Турава-Пінскага рэгіёна.....	3
<i>Роцька Н.А.</i> Змены у становішчы чыноўніцтва Беларусі (60–90-я гг. XIX ст.).....	7
<i>Беляев А.В.</i> Местная вспомогательная администрация как составная часть немецко-фашистского оккупационного режима в Беларуси в 1941–1944 гг. (организация, структура, функции).....	12
<i>Гронский А.Д.</i> Политический сыск в Российской империи (1826–1880).....	19
<i>Лавринович Д.С.</i> Политическая деятельность военно-промышленных комитетов в Российской империи (1915 – март 1917 г.).....	23
<i>Меньковский В.И.</i> Англо-американская советология после распада СССР.....	29

ФІЛАСОФІЯ

<i>Павлова О.С.</i> Биоэтика и постнеклассические ориентации в динамике современного познания живого.....	35
<i>Бакуменко Т.А.</i> Философия Серебряного века в контексте русской духовной традиции.....	42
<i>Макаров И.В.</i> Проект «герменевтической» логики Г.Г. Шпета: генезис и основные проблемы.....	48
<i>Полонский П.</i> Религия и общественное развитие: сравнительный анализ социально-философских идей раввина А.-И. Кука и представителей русской религиозно-философской мысли конца XIX – начала XX в.	51

САЦЫЯЛОГІЯ

<i>Воскресенский Ю.В.</i> Рост влияния INTERNET как СМИ и доминирование в нем масс-медийных ресурсов.....	56
---	----

ПАЛІТАЛОГІЯ

<i>Старухина Н.К.</i> О политическом и административном аспектах государственного управления.....	61
<i>Ковалева И.В.</i> Коллективные права национальных меньшинств.....	67
<i>Гулюк А.Ф.</i> Проблема стану балканскіх перасяленцаў у аўстра-расійскіх адносінах у сярадзіне XVIII ст.	72

ЭКАНОМІКА

<i>Носацкая Н.В.</i> Человеческий потенциал как социально-экономическая категория.....	76
<i>Клюня В.Л., Королева Н.В.</i> Общая методология решения макроэкономических проблем большой степени неопределенности.....	79
<i>Чапкович Т.Р.</i> Перспективы Беларуси на пути эффективной интеграции в систему мирового хозяйства.....	85

ПРАВА

<i>Ч.П.</i> Развитие сельскохозяйственной производственной кооперации: правовые аспекты совершенствования законодательства о рассмотрении граждан в органах Прокуратуры Республики Беларусь.....	91
Право охраны права гражданина на пенсию.....	97
Обеспечение защиты прав и свобод личности в уголовном процессе.....	102
.....	109

РЭЦЭНЗІІ

Разованне на парогі III тысячагоддзя: Матэрыялы 2000 г.).....	115
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта: У 7 т. Т. 2. Гісторыя. Філалогія. Журналістыка. Адносіны.....	116
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта: У 7 т. Т. 2. Гісторыя. Філалогія. Журналістыка. Адносіны.....	117
..... 70–80-х гг. XX в.	118

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з сакавіка 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Псіхалогія
Паліталогія
Сацыялогія
Эканоміка
Права

2/2002

ЛІПЕНЬ

МІНСК
БДУ

БІБЛІЯТЭКА
БЕЛДЗЯРЖ-
УНІВЕРСІТЭТА

Галоўны рэдактар В.Р. РУДЗЬ

Рэдакцыйная калегія серыі:

А.А. ЯНОУСКІ (адказны рэдактар),
С.А. БАЛАШЭНКА, В.М. ГАДУНОУ, А.М. ДАՆІЛАУ, А.І. ЗЕЛЯНКОУ
(нам. адказнага рэдактара), М.М. КАВАЛЁУ (нам. адказнага
рэдактара), Ю.Л. КАЗАКОЎ (адказны сакратар), У.Л. КЛЮՆЯ,
С.В. РАШЭТНІКАЎ, А.С. СЛЯПОВІЧ, І.А. ФУРМАНАУ, С.М. ХОДЗІН,
У.М. ХОМІЧ, А.В. ШАРАПА

Заснавальнік:
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

Рэгістрацыйны № 805

ВЕСТНИК БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАУНАГА УНІВЕРСИТЕТА
Серыя 3: Гіст. Філас. Псіхал. Палітал. Сацыял. Экан. Права. 2002. № 2
На беларускай і рускай мовах

Адрас рэдакцыі: 220050, Мінск, вул. Бабруйская, 7, каб. 412, 413, тэл. 209-54-00
E-mail vestnikbsu@bsu.by

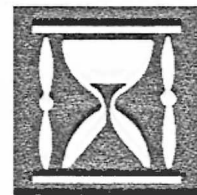
Рэдактар Л.К. Бацюшкава
Карэктар Л.А. Меркуль
Тэхнічны рэдактар Ю.І. Дзянісау

Набор і вёрстка выкананы ў рэдакцыі часопіса Р.Я. Аўсянікавым, Ю.І. Дзянісавым

Падпісана да друку 22.07.02. Фармат 70х108 1/16. Папера афсетная. Друк афсетны.
Гарнітура Arial. Ум. друк. арк. 10,08. Ум. фарб.-адб. 10,15. Уп.-выд. арк. 11,98.
Тыраж 390 экз. Заказ 962. Цана 2259 р.

Надрукавана з гатовых дыяпазітываў заказчыка ў РУП «Выдавецкі цэнтр БДУ»
220030, Мінск, вул. Чырвонаармейская, 6
ЛП № 461 ад 14.08.01.

Гісторыя

А.Р. ДЗЯНІСАВА

ПРАВАСЛАУНЫЯ МАНАСТЫРЫ ТУРАВА-ПІНСКАГА РЭГІЁНА

У XI–XIII ст. Тураў быў сталіцай удзельнага княства, найбольш уплывовымі гарадамі якога з’яўляліся Пінск і Слуцк. У непасрэднай блізкасці да Турава знаходзіўся Мазыр, які меў з ім агульныя палітычныя, эканамічныя і рэлігійныя стасункі. Усе згаданыя гарады уваходзілі ў Прыпрыпяцкі рэгіён, што спрыяла умацаванню іх адносін.

З распаўсюджаннем у X–XI ст. на беларускіх землях хрысціянства Тураў становіцца аплотам праваслаўнага веравызнання. Згодна з жаданнем вялікага князя Уладзіміра пры Святаполку I у гэтым горадзе засноўваецца епіскапская кафедра. Узнікае, такім чынам, епархія, у склад якой увайшлі гарады Пінск і Слуцк¹. З тых часоў у Турава-Пінскім рэгіёне існуюць праваслаўныя абіцелі. Гісторыя данесла да нас звесткі аб наступных манастырах: Пінскіх – Лешчанскім Успенскім і Богаяўленскім (мужчынскіх), Варварынскім (жаночым); Дзятлавіцкім Праабражэнскім, Дубайскім, Купяціцкім Увядзенскім, Навадворскім Успенскім (мужчынскіх); Слуцкіх – Троіцкім, Праабражэнскім (мужчынскіх), ільінскім, спачатку мужчынскім, а потым жаночым; Грозаўскіх – Мікалаеўскім і Іаана-Багаслоўскім, Старчыцкім Петра-Паўлаўскім і Цэпранскім Крыжаузвіжанскім (мужчынскіх); Мазырскіх – Яснагорскім Петра-Паўлаўскім (мужчынскім) і Параскевінскім (жаночым); Тураўскіх – Барыса-Глебскім (мужчынскім) і Варварынскім (жаночым); Морацкім Мікалаеўскім (мужчынскім).

Звесткі пра дакладны час узнікнення многіх з пералічаных манастыроў, асабліва найбольш старажытных, можна знайсці ў легендах, паданнях, летапісах. Верагодна, што першымі заснавальнікамі праваслаўных манастыроў на Беларусі былі вялікія ці мясцовыя князі, а таксама асобы, да іх набліжаныя, што прынялі хрысціянства. Так, напрыклад, адна з версій звязвае узнікненне Пінскага Лешчанскага манастыра з Уладзімірам, вялікім князем Кіеўскім; заснаванне Тураўскага Варварынскага манастыра – з імем Варвары, жонкі Святаполка Ізяславіча, якая жыла ў гэтым манастыры з дзяцём пасля смерці князя. Сказанне аб Марціне-мніху, якое датуецца XII ст., паведамляе аб існаванні ў Тураве Барыса-Глебскай абіцелі².

Праваслаўныя манастыры з цягам часу становяцца неад’емнай часткай жыцця краю, яго жыхароў. Павагу і пашану людзей яны заслужоўвалі дзякуючы сваёй дзейнасці па распаўсюджанню веры, адукацыі ў народзе, а таксама святыням, якія ў іх меліся. Самымі вядомымі былі іконы Маці Божай Купяціцкая, Навадворская, Старчыцкая, цудатворная Лешчанская драўляная выява Збавіцеля. Асабліва ўшаноўвалася ў Турава-Пінскім рэгіёне Уладзімірская ікона Багародзіцы як родавая святыня нашчадкаў Юрыя

Далгарукага, якую падараваў князю Канстанцінопальскі патрыярх Лука Хрысаверг. ікону напісаў Евангеліст Лука. Яна лічылася цудадзейнаю³.

Існавалі манастыры за кошт працы манахаў і шматлікіх ахвяраванняў, якія рабілі і простыя людзі, і прадстаўнікі вельмі заможных княжацкіх сем'яў. Праваслаўныя манастыры у Турава-Пінскім рэгіёне карысталіся падтрымкай і апекай Алелькавічаў і Яраславічаў, Радзівілаў, Далматаў, Войнаў. Запісы і падараванні на карысць манастырскай казне былі самыя разнастайныя: грошы, маёнткі, пляцы і многае іншае⁴.

Так, напрыклад, у 1401 г. воін Фёдар Калодка даў мазырскім манахам грошы з тым, каб была пабудавана Петра-Паўлаўская царква пад гарой. Каля 1520 г. пінскі князь Фёдар Іванавіч Яраславіч разам са сваёй жонкай Аленай Алелькаўнай запісаў Пінскаму Варварынскаму манастыру дворышча Піскалоўшчына у сяле Асабовічы. У 1521 г. тым жа пінскім князем Фёдарам Іванавічам былі пабудаваны пры Варварынскай царкве новыя драўляныя манастырскія будынкі. У 1689 г. княгіня Караліна Радзівіл запісала Слуцкаму Праабражэнскаму манастыру востраў Кочаў у Даманавічах. Гэтыя і шматлікія іншыя прыклады маёмасных падараванняў сведчаць аб павазе і падтрымцы праваслаўных абіцеляў з боку насельніцтва.

Накірункі дзейнасці манастыроў праваслаўнага веравызнання Турава-Пінскага рэгіёна былі рознабаковымі, галоўным сярод якіх стала распаўсюджанне ў народзе веры і адукацыі. У гэтым сэнсе паказальна асветніцкая дзейнасць Кірылы Тураўскага, які жыў і працаваў у Тураўскім Барыса-Глебскім манастыры. У Пінскім Лешчанскім у XIV ст. ствараў летапіс краю інак Мпрафан, праца якога да нашага часу не захавалася. Пры некаторых абіцелях меліся навучальныя установы. Так, напрыклад, дзейнічалі школы пры Пінскіх Лешчанскім і Богаяўленскім манастырах. Пры Богаяўленскім існавала вучылішча, у якім выкапаліся беларуская, польская, лацінская і грэчаская мовы, а таксама сем так званых "свабодных мастацтваў". Духовная школа існавала пры Слуцкім Праабражэнскім манастыры. У XVI ст. дзейнічала школа і ў Слуцкім Троіцкім мужчынскім манастыры, заснаваная ігуменам Арцеміем; у ёй вывучаліся граматыка (славянская і грэчаская), рыторыка, дыялектыка. Пры манастыры была заснавана і Духовная кансісторыя, якая дзейнічала да 1789 г., а з 1792 г. тут знаходзілася семінарыя, пераведзеная ў 1840 г. у Мінск⁵.

Розны лёс напаткаў праваслаўныя манастыры рэгіёна. Тураўскія Барыса-Глебскі і Варварынскі былі разрабаваны і знішчаны татарамі, верагодней за ўсё, у XIII ст. Пацярпелі ад войнаў і пажараў Пінскі Богаяўленскі, Слуцкія Праабражэнскі і Троіцкі, Грозаўскі Іаана-Багаслоўскі і іншыя манастыры.

Пэраломным у жыцці праваслаўных абіцеляў рэгіёна стала XVI ст., калі Беларусь, якая ўваходзіла ў склад Вялікага княства Літоўскага, падверглася рэфармацыйным уплывам. У прыватнасці, менавіта тады, напрыканцы стагоддзя, была заключана Брэсцкая царкоўная унія. Многія з вышэйазначаных манастыроў былі далучаны да уніі, іншыя сталі аб'ектамі бясконцых судовых спраў, прадметамі куплі-продажу. Нярэдка манастыры рабіліся ахвярамі ўзброеных нападаў з боку уніятаў і іх прыхільнікаў, калі рабавалася іх маёмасць, а манахаў праганялі прэч.

Пінскі Варварынскі жаночы манастыр з увядзеннем уніі стаў уніяцкім. Праваслаўных манахінь праганялі і згодна з каралеўскім указам Уладзіслава IV 1635 г. ім забаранілі жыць у Пінску⁶. У 1743 г. уніяцкі настояцель Цэпранскага манастыра Аляксей Кандратовіч спачатку не дазваляў сялянам маёнтка Новы Двор падпарадкоўвацца мясцоваму праваслаўнаму Успенскаму манастыру, потым паслаў да яго сваіх людзей, якія абражалі праваслаўнага ігумена, а потым і сам разам з узброенымі прыхільнікамі зрабіў напад на манастыр. Маёмасць манастыра разрабавалі, а манахаў пабілі і праганялі.

Але, нягледзячы на цяжкі час і складаныя ўмовы, у XVII ст. і пазней на тэрыторыі Турава-Пінскага рэгіёна узнікаюць праваслаўныя абіцелі, якія разам з існуючымі ўтвараюць аплот праваслаўя. Многія з іх засноўваюцца ўзнікшымі ў гэты час праваслаўнымі брацтвамі, а таксама заможнымі людзьмі.

Так, напрыклад, у 1622 г. каралеўскі дваранін Канстанцін Далмат запісаў на Дзятлавіцкую Праабражэнскую царкву свае маёнткі Дзятлавічы і Лунінец з тым, каб кіева-пячэрскія настаяцелі заснавалі тут манастыр і каб ён заўсёды падпарадкоўваўся Канстанцінопальскаму патрыярху і Кіеўскаму мітрапаліту. У 1629 г. Апалонія Валовіч Война, кашталянша Брэсцкая, маючы павагу да цудатворнай Купяціцкай іконы, пераканала свайго сына Васіля Копця купіць вёску Купяцічы і пабудаваць тут манастыр, першапачаткова ў якім пасялілася брація з Віленскага Свята-Духава манастыра. У 1600 г. пры старажытнай Праабражэнскай царкве Слуцка праваслаўным царкоўным брацтвам быў заснаваны манастыр, якому ў знак увагі і прыхільнасці ў 1620 г. Іерусалімскі патрыярх Феафан дараваў крыж і грамату, якая вызваляла манастыр ад падпарадкавання мясцовай іерархіі і ставіла ў залежнасць толькі ад Канстанцінопальскага патрыярха. У жніўні 1614 г. у Пінску ўпершыню з'яўляецца Богаяўленскі манастыр пасля таго, як на сродкі шляхцяні Яніны Галабурдзінай і Пінскага праваслаўнага брацтва была закладзена царква ў імя Богаяўлення, будаўніцтва якой было скончана 25 жніўня. Пры царкве пасяліліся манахі з Лешчанскага манастыра, аддадзенага уніятам.

Дзейнасць брацтва, якія сваёй мэтай ставілі захаванне і абарону праваслаўнай веры і нацыянальнай культуры, заснаванне новых і падтрымку старых праваслаўных абіцеляў, выклікала незадавальненне як з боку уніятаў і католікаў, так і з боку улад Рэчы Паспалітай, у склад якой уваходзіла ў тые часы Турава-Пінская зямля. Адметным тут з'яўляецца лёс ужо згаданага Пінскага Богаяўленскага манастыра, які адлюстроўваў становішча манастыроў і наогул праваслаўя ў дадзеным рэгіёне з часоў уніі.

Богаяўленскі манастыр у Пінску ўзнік у пачатку XVII ст. на сродкі праваслаўнага брацтва і шляхцяні Я. Галабурдзінай. Яго будаўніцтва выклікала вялікае незадавальненне уніяцкага епіскапа Паісія Сахоўскага. У верасні 1614 г., сабраўшы прыхільнікаў уніі, а таксама сваіх прыгонных, П. Сахоўскі ўчыняе напад на манастыр. Царкву разабралі па бярвенцу, іконы парубілі, манахаў пабілі, а каштоўнасці П. Сахоўскі забраў сабе. Акрамя таго, упэўнены ў сваёй беспакаранасці, ён падаў судовы іск супраць Я. Галабурдзінай. Справа цягнулася амаль чатыры гады. Замкавы суд і Галоўны Літоўскі Трыбунал падтрымалі Я. Галабурдзіну, але ж Варшаўскі сойм і кароль Жыгімонт III вырашылі справу на карысць епіскапа⁷.

І усё ж манастыр працягваў сваё існаванне. Першапачаткова манахі сяліліся па дамах у членаў Пінскага Богаяўленскага брацтва, якое мела свой статут і казну, кіравалася агульным сходам. У склад брацтва уваходзілі ўсе прадстаўнікі гарадскога самакіравання, значная частка пінскіх купцоў і багатых рамеснікаў. Ахвяраванні ад мяшчан і шляхты ў выглядзе зямельных надзелаў, дамоў, грашовых сум, падтрымка з боку гарадскога самакіравання – усё гэта надало яму значную грамадскую вагу. У 1633 г. члены брацтва дабіваюцца ад караля Уладзіслава IV дазволу на будаўніцтва манастыра, вучылішча, школы і шпіталю. Манастыр быў адбудаваны. У XVII–XVIII ст. яго ігумен пад вышэйшым кіраўніцтвам Кіеўскага мітрапаліта загадваў цэрквамі і праваслаўнымі абіцелямі Пінскай епархіі і карыстаўся тытуламі Тураўскага і Давыд-Гарадоцкага афіцыяла. Пры манастыры працавалі пачатковая школа, вучылішча і шпіталь.

1648 г. прынёс Богаяўленскаму манастыру новае выпрабаванне. У гэтым годзе ў Пінску пры ўдзеле казакаў успыхнуў бунт. Але хутка горад штурмам

узятлі польскія войскі, якія і падпалілі яго. У гэтыя дні згарэў і Богаяўленскі манастыр. Аднак ужо ў 1650 г. ён адбудоваецца, абносіцца новай агароджай. У ім, акрамя Богаяўленскай, з'яўляецца зімовая царква святога Мікалая Цудатворца. Адноўлены манастыр выклікаў незадавальненне уніятаў і католікаў, таму ён неаднаразова падвяргаўся нападам з іх боку, але змог адстаяць сваё права на існаванне.

Богаяўленскі манастыр не вылучаўся асабліва вялікім даходам. Так, у 1766 г. ён меў 17 дзесяцін зямлі, 13 дамоў у Пінску, 1740 злотых прыбытку ў год. І тым не менш ён быў дастаткова вядомым як у сваім рэгіёне, так і за яго межамі. Аб гэтым сведчыць і тая падзея, што адбылася тут у канцы XVIII ст. На Чатырохгадовым сейме (1788–1792 гг.) было прынята рашэнне аб скліканні генеральнай кангрэгацыі – сходу праваслаўнага духавенства і вернікаў Рэчы Паспалітай з мэтай стварыць у краіне аўтакефальную царкву, незалежную ад Сінода Расійскай імперыі. 31 сакавіка 1791 г. выйшлі ўніверсалы, якія запрашалі праваслаўных на кангрэгацыю ў Пінск. Пасяджэнні былі адкрыты 15 чэрвеня ў Богаяўленскім манастыры пад старшынствам каралеўскага камісара Міхаіла Корвін-Гансеўскага. На пасяджэннях кангрэгацыі былі прыняты наступныя асноўныя рашэнні: паставіць на чале праваслаўнай царквы Рэчы Паспалітай мітрапаліта з кафедрой у Бельску; устанавіць тры епархіі; мітрапаліт і епіскапы павінны былі абірацца веруючымі і падпарадкоўвацца Канстанцінопальскаму патрыярху. Гэтыя рашэнні кароль зацвердзіў 21 траўня 1792 г. Але яны так і не ажыццявіліся. У 1793 г. адбыўся другі падзел Рэчы Паспалітай. Богаяўленскі манастыр папаў пад пачатак Святога Сінода Расіі і атрымаў сродкі на рэстаўрацыю. Аднак 22 траўня 1799 г. страшэнны пажар спаліў яго і тры чвэрці горада.

Праз год 29 траўня 1800 г. Петра-Паўлаўскі манастыр пераязджае з Мінска ў Пінск, пераймяноўваецца ў Богаяўленскі і размяшчаецца ў будынках езуітаў. Гэты манастыр быў спачатку першакласным, потым другакласным, існаваў да 1848 г., калі ў яго перавялі духоўнае вучылішча. На месцы ж старой абіцелі доўгі час знаходзіліся могілкі і капліца.

Лёс Пінскага Богаяўленскага манастыра, як і усіх манастыроў Турава-Пінскага рэгіёна, быў непарыўна звязаны з гісторыяй краю, падзеямі палітычнага і эканамічнага характару. Нягледзячы на неспрыяльныя абставіны, праваслаўная вера знаходзіла прытулак у абіцелях рэгіёна і працягвала жыць у сэрцах людзей.

У канцы XVIII ст. пасля падзелаў Рэчы Паспалітай Беларусь адышла да Расійскай імперыі. Праваслаўныя манастыры Турава-Пінскага рэгіёна сталі падпарадкоўвацца Святому Сіноду. У гэты час, з аднаго боку, праваслаўе атрымлівае апору і падтрымку. Але ж у канцы XVIII ст. і на працягу XIX ст. амаль усе праваслаўныя манастыры акрэсленага рэгіёна былі закрыты. Адбывалася гэта ў наступным парадку:

- 1797 г. – Слуцкі Праабражэнскі манастыр;
- 1810 г. – Грозаўскі Мікалаеўскі;
- 1817 г. – Купяціцкі Увядзенскі, Навадворскі Успенскі, Старчыцкі Петра-Паўлаўскі і Морацкі Мікалаеўскі;
- 1828 г. – Цэпранскі Крыжаўзвіжанскі;
- 1839 г. – Пінскі Лешчанскі;
- 1848 г. – Пінскі Богаяўленскі;
- 1855 г. – Слуцкі Ільінскі і Дзятлавіцкі Праабражэнскі;
- 1860 г. – Грозаўскі Іаана-Багаслоўскі;
- 1874 г. – Пінскі Варварынскі.

І толькі Слуцкі Троіцкі манастыр быў закрыты невядома калі. Усе будынкі яго разам з галоўным храмам разбураны на працягу першай паловы XX ст.

Так слянілі сваю дзейнасць манастыры, якія на працягу амаль сямі стагоддзяў уяўлялі сабой аплот праваслаўя ў Турава-Пінскім рэгіёне. Пры-

чыны гэтаму былі розныя. Па-першае, дрэннае эканамічнае забеспячэнне і становішча як манастыроў, так і краю ў цэлым. Па-другое, палітыка царскіх улад, скіраваная на скасаванне нацыянальных асаблівасцей і абмежаванне развіцця беларускай культуры.

Не было спрыяльных умоў для узнікнення і дзейнасці праваслаўных абіцеляў і ў XX ст. Толькі за апошнія дзесяць гадоў змяніліся адносіны грамадства і ўлады да царквы і рэлігіі ў цэлым. Так, на Беларусі, у прыватнасці ў Турава-Пінскім рэгіёне, пачалі аднаўляць сваю дзейнасць праваслаўныя манастыры: у 1992 г. – у Хойніках, у 1993 г. – у Пінску і ў вёсцы Юравічы Калінкавіцкага раёна⁸. І трэба спадзявацца, што яны будуць не апошнімі ў Турава-Пінскім рэгіёне.

¹ Гл.: Мартос А. Беларусь в исторической государственной и церковной жизни. Мн., 1990. С. 69.

² Гл.: Сведки белоруской мінушчыны (зборнік дакументаў і матэрыялаў па гісторыі Беларусі VI–XV стст.). Мн., 1996. С. 54.

³ Гл.: Яскевіч А. Падзвіжнікі і іх святыні. Мн., 2001. С. 130.

⁴ Гл.: Историко-статистическое описание Минской епархии, составленное ректором Минской духовной семинарии архимандритом Николаем. СПб., 1864; Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском, с присовокуплением грамот и привилегий на входы в пущи и на земли. Вильно, 1867; Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей и по разным предметам. Мн., 1848.

⁵ Гл.: Кулагін А. М. Праваслаўныя храмы на Беларусі. Мн., 2001. С. 294.

⁶ Гл.: Чистович И. Очерк истории западно-русской церкви: В 2 ч. СПб., 1884. Ч. 2. С. 197.

⁷ Гл.: Товаров А. В. Историко-статистическая справочная книга Минской епархии. Мн., 1903. С. 113.

⁸ Гл.: Монастыри. Энциклопедический справочник. М., 2000. С. 267, 271–272.

Алена Рыгораўна Дзянісава – аспірантка кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў. Навуковы кіраўнік – кандыдат гістарычных навук, дацэнт Ю.Л. Казакоў.

Н.А. РОЦЬКА

ЗМЕНЫ У СТАНОВІШЧЫ ЧЫНОУНІЦТВА БЕЛАРУСІ (60–90-я гг. XIX ст.)

У беларускіх выданнях XIX ст. слова «чыноунік» азначала наступнае: «...той, хто меў які-небудзь чын на дзяржаўнай службе». Аднак у асобных творах другой паловы XIX ст., асабліва публіцыстычных, слова набывала больш выразны сэнс: «...чыноунік – гэта дзяржаўны служачы, які абараняў інтарэсы цара і самаўладдзя»¹ (тут і далей – пераклад Н. Р.).

Па закону 1856 г., які з невялікімі дапаўненнямі існаваў да канца XIX ст., былі уведзены тэрміны руху чыноунікаў па службовай лесвіцы. Прычым ніхто не мог быць павышаны цераз чын ці мінаючы ніжэйшыя чыны. Закон устанавіў рэгулятар – бездакорнае і пахвальнае выкананне сваіх абавязкаў, што было б пацверджана начальствам. Ужо з 1906 г. нават за выдатную службу нельга было прадстаўляць да чыну асобу, што праслужыла менш за дваццаць гадоў у класных чынах². Пры прызначэнні на дзяржаўную службу прымаліся да ўвагі не толькі узрост (з 16 гадоў), адукацыя, але і паходжанне. Такое правіла існавала да 1906 г., калі ўсе саслоўі, нават падатныя, былі ураўнованы ў правах на дзяржаўную службу.

У другім артыкуле «Статута аб службе грамадзянскай» 1857 г. падкрэслівалася, што дзеці расійскіх падданных маюць права паступлення на грамадзянскую службу, калі яны ва ўзросце з 10 па 18 гадоў выхоўваліся пераважна ў айчынных грамадскіх установах. У адваротным выпадку яны пазбаўляліся права на займанне пасадаў у дзяржаўных установах³. Анкета для паступаючага на службу утрымлівала наступныя пытанні: прыналеж-

насць да той ці іншай нацыянальнасці, веравызнання; з якога звання паходзіць; ці мае маёнтак сам, ці бацькі; ці падвяргаўся спагнанню і пакаранню, звязаным з абмежаваннямі у перавагах па службе; ці быў у падазрэнні і г. д.⁴ Для паступлення на дзяржаўную службу патрабавалася падаць прашэнне на імя імператара. Загады на прызначэнне друкаваліся у «Дзяржаўным Весніку», «Сенатарскіх Ведамасцях», «Губернскіх ведамасцях». Існавала правіла, па якому нельга было займаць адразу некалькі пасадаў у розных ведамствах, але строга гэта правіла выконвалася толькі у судовым ведамстве. На працягу службы на кожнага чыноўніка па месцы працы быў заведзены асобны паслужны спіс. Пры звальненні ў адстаўку служачы атрымліваў адпаведную атэстацыю.

У сярэдзіне XIX – пачатку XX ст. існавала палажэнне «Аб парадку атрымання дваранства службай». Першы грамадзянскі чын калейскага рэгістрара даваў званне асабістага ганаровага грамадзяніна, такое ж – чын X і XII класаў. Чын IX класа (тытулярнага саветніка) даваў асабістае дваранства, так як і VIII, VII, IV класы. Чын V класа (стацкага саветніка) даваў права патомнага дваранства⁶.

Змены ў палажэнні аб дваранстве пачаліся з 1856 г. і працягнуліся да канца XIX ст. Звязаны яны былі з Законам «Аб тэрмінах узвядзення ў чыны па службе грамадзянскай». Аляксандр II разгледзеў прапанову большасці Дзяржаўнага савета наконт узвядзення ў чыны да V класа ўключна, «але з тым, каб дваранства набывалася ў грамадзянскай службе толькі чынам сапраўднага стацкага саветніка, а на ваеннай службе – чынам палкоўніка»⁷. Ваеннаслужачыя таксама мелі іерархію чыноў і званняў. Яны атрымлівалі ганаровыя званні генерал-ад'ютанта, світы генерал-маёра, світы контр-адмірала. З кожным з гэтых ганаровых званняў была звязана магчымасць паскарэння руху ваеннай ці чыноўніцкай кар'еры.

Тытул чыноўніка залежаў ад класа і займаемай пасады, а таксама ад яго сацыяльнага паходжання. Чынам першых двух класаў надаваўся тытул «высокаправадзіцельства», трэцяга і чацвёртага – «правадзіцельства», пятага – «высакароддзе», шостага–восьмага – «высокаблагароддзе», дзевятага–чатырнаццатага – «благароддзе». Калі чыноўнік быў князем або графам, то да яго тытула дадаваўся тытул «сіяцельства», да тытула барона ці двараніна – «благароддзе», па асабліваму распараджэнню цара некаторыя князі атрымлівалі тытул «светласці»⁸.

Новыя тэрміны для ўзвядзення ў чыны ўстанаўліваліся у 1856 г. «Пры паступленні асоб, што скончылі вышэйшыя і сярэднія навучальныя установы, на грамадзянскую службу, яны зацвярджаюцца ў тым класным чыне, на які даюць права іх вучоная ступень, званне ці атэстат установы, у якой яны навучаліся»⁹. Для узвядзення ў наступны чын указваліся адзіныя тэрміны незалежна ад адукацыі і саслоўнай прыналежнасці. Пры гэтым захоўваліся два віды ўзвядзення – «за выслугу гадоў» і «за выдатную службу». Тэрміны ўзвядзення за выслугу ў класныя чыны назначаліся наступныя: тры гады (XIV кл.–XII кл., XII кл.–X кл., X–IX кл., IX кл.–VIII кл.); чатыры гады (VIII кл.–VII кл., VII кл.–VI кл., VI кл.–V кл.)¹⁰. Пры павышэнні «за выдатную службу» ўзгаданыя тэрміны скарачаліся на год. Як было запісана ў «Статуте аб службе грамадзянскай», узвядзенне заахвочвала паступленне на грамадзянскую службу асоб з вышэйшай адукацыяй. Выпускнікі універсітэта з вучонай ступенню кандыдата прымаліся на службу не ніжэй чына калейскага сакратара, гэта значыць становіліся чыноўнікамі X класа; выпускнікі універсітэта са ступенню магістра прымаліся ў дзяржаўныя установы чынам IX класа і пачыналі службу ў званні тытулярнага саветніка. Спецыялісты са ступенню доктара атрымлівалі чын VIII класа – калейскага асэсара. Такім чынам, узровень адукацыі, зафіксаваны ў дыплеме, адрозненні ў поспехах вучобы з'яўляліся важным фактарам для вызначэння пачатковай ступені

службовай лесвіцы і далейшага руху па службе. Такі парадак дзейнічаў да узнікнення неабходнасці яго змянення ў канцы XIX ст. Камісія для перагляду «Статута аб службе грамадзянскай» была створана ў 1895 г. пры Дзяржаўным савеце. Разам з пытаннямі чынаўзвышэння, руху па службовай лесвіцы, саслоўным цэнзе было разгледжана пытанне аб стане адукацыйнай падрыхтоўкі. Калі раней для паступлення на грамадзянскую службу было дастаткова скончыць павятовае вучылішча, то зараз па рашэнню камісіі быў устаноўлены мінімальны адукацыйны цэнз у аб'ёме шасці класаў сярэдняй вучэбнай установы. Паколькі павышэнне па службе здзяйснялася толькі пасля устаноўленай адпаведнай колькасці гадоў на кожнай пасадазе, важна адзначыць, што час знаходжання на класнай пасадазе быў пастаўлены ў залежнасць ад узроўню адукацыі, і калі асобам з вышэйшай адукацыяй дзеля атрымання пасады VII класа (надворнага саветніка) было дастаткова трох гадоў, то для чыноўніка з сярэдняй і ніжэйшай адукацыяй гэты тэрмін павялічваўся ў два, чатыры ці больш разоў. Такім чынам, службовы рост дзяржаўных чыноўнікаў быў пастаўлены ў залежнасць ад адукацыйнага узроўню.

Дадзеная сістэма выслугі гадоў праіснавала да 1917 г. Якім бы кампетэнтным і старанным ні быў чыноўнік, ён не мог заняць адпавядающую свайму узроўню пасаду, не прайшоўшы лесвіцу чыноўніцкай іерархіі¹¹. Табэль аб рангах стаў анахранізмам, таму пытанне аб рэфармаванні узнікала ў часы Аляксандра I, але ён не палічыў магчымым здзейсніць гэту рэформу.

Пытанне аб скасаванні чыноў зноў абмяркоўвалася ў пачатку 80-х гг. Асобая нарада, створаная 28 кастрычніка 1883 г., прызнала неабходным скасаванне грамадзянскіх чыноў, так як «суадносіны паміж чынам і службовым становішчам асобы, яго носячай, зрабіліся зараз амаль выпадковымі і з-за гэтага чыны канчаткова страцілі ўсялякае значэнне»¹². Аналіз, праведзены нарадай, паказаў, што розныя па чыну пасады займалі неаднолькавыя чыны. У выніку нарада прыняла рашэнне «замяніць існуючую сістэму грамадзянскіх чыноў асаблівай новай іерархіяй пасадак, прадставіўшы прысвоеныя чынам правы і перавагі пасадам адпаведных ступеней»¹³. Прапановалася адразу ж прыпыніць узвышэнне ў чыны асобна ад павышэння на пасадах. Рэкамендавалася «захаваць існуючыя чыны ў некаторых асоб да прызначэння на пасады вышэйшага ў параўнанні з цяперашнім іх чынам разраду»¹⁴. Гэта палажэнне, прапанаванае Асобай нарадай, было зацверджана Аляксандрам III 2 красавіка 1884 г., але яно разглядалася на працягу 1884–1885 гг. Народа ўнесла пытанне аб скасаванні чыноў на разгляд Дзяржаўнага савета. Асобая нарада, атрымаўшы больш адмоўных водзваў, вымушана была адступіць ад прынятага рашэння і чыны не адмяняць.

Пытанне аб адмене чыноў набыло асаблівую вострыню ў перафармлены перыяд, калі шэраг ведамстваў пачалі запаўняцца людзьмі, што пераходзілі з прыватнай службы на дзяржаўную, а як вынік – гэтыя асобы ці не мелі чыноў, ці знаходзіліся ў чынах, якія не адпавядалі займаемай імі пасадазе. Нягледзячы на неаднаразовыя абмеркаванні пытання аб адмене чыноў, яны праіснавалі да 1917 г.

Для упарадкавання функцыяніравання падраздзяленняў апарату нагляду за выкананнем указаў і распараджэнняў аб службе грамадзянскіх чыноўнікаў у ліку іх асабовага складу існаваў інспектарскі Дэпартамент, які займаўся прызначэннем на службу, узвышэннем у чыны, звальненнем са службы, меў фармулярныя спісы усіх класных чыноў, што былі на дзяржаўнай службе. Дэпартамент канцэнтравалі ў сваіх руках усе практычныя пытанні, звязаныя са службай чыноўнікаў. У яго абавязкі ўваходзіла складанне справаздач аб дзейнасці дзяржаўнай службы разам з дадзенымі аб колькасці

чыноўнікаў па класам і ведамствам, іх руху па службе, крыніцах даходаў. У другой палове XIX ст. ён то спыняў сваё існаванне, то аднаўляў зноў. З аднаго боку, урад быў зацікаўлены ў існаванні такога органа, які дазваляў трымаць пад кантролем дзяржаўную службу, але з іншага боку, такая жорсткая цензура ў кіраўніцтве чыноўніцкім апаратам рабіла машыну дзяржаўнай службы маларухомай. Яна адставала ад патрабаванняў усё больш удасканалёваўчага дзяржаўнага ўпраўлення. Расійская бюракратыя была непаваротлівай, нязграбнай. Даследчыкі пісалі пра бюракратычны апарат таго часу: «...цяжка і думаць аб памяншэнні колькасці чыноўнікаў, дзейнасць якіх звернута не столькі на пошукі лепшых мер кіравання, колькі на пісанне, перапісванне, чытанне і падпісванне бумаг; пісьмаводства, што пашыралася да крайніх памераў, запавольвала ўсе справы і забытвала рашэнне пытанняў, што патрабавалі хуткага рашэння»¹⁵. За службу чыноўнікі надзяляліся землямі да 1917 г. Атрымлівалася, што чыноўнік на Беларусі належаў да служылага класа, але па характару аплаты – да землеуласніцкай арыстакратыі.

Існавала сістэма заахвочвання службы чыноўніка з дапамогай узнагароджання за бездакорную службу. Калі ў дарэформенны перыяд дваранскае званне даваў любы расійскі ордэн, то ў другой палове XIX ст. (як аб гэтым гаворыцца ў Зводзе законаў выдання 1876 г.) гэта дасягалася толькі атрыманнем вышэйшых ступеней ордэнаў, за выключэннем двух: ордэна Уладзіміра IV ступені, які даваўся за 35-гадовую бездакорную службу, а ваенныя чыны узнагароджваліся ім за 25-гадовую службу. Але гэта магчымасць была моцна абмежавана: у жніўні 1887 г. быў выдадзены закон, па якому прадстаўленне да ордэна Уладзіміра IV ступені давала патомнае дваранства толькі тым асобам, якія праслужылі ў класных ці обер-афіцэрскіх чынах не менш за 20 гадоў, а таксама былі узнагароджаны ордэнам Ганны, які атрымлівалі чыноўнікі, што мелі не ніжэй IV класа ў чыноўніцкай іерархіі¹⁶.

З 1900 г. патомнае дваранства давала ўжо атрыманне ордэна Уладзіміра не IV, а III ступені, якімі узнагароджваліся чыны IV класа – сапраўдныя стацкія саветнікі.

Тым не менш бюракратычная сістэма была ахоплена карупцыяй і злоўжываннямі, нягледзячы на тое, што ў канцы XIX ст. губернатар атрымліваў прыкладна тры тысячы рублёў у год (для параўнання: міністр – прыкладна дванаццаць тысяч). Такім чынам, утрыманне вышэйшага эшалона чыноўнікаў каштавала ўладам прыкладна ў 30 разоў больш, чым канцылярскіх служачых¹⁷.

Пачатак 60-х гг. XIX ст. характарызуецца выцясненнем патомных дваран чыноўнікамі, выхадцамі з непрывілеяваных саслоўяў. Гэта адбылося не толькі ў апаратах кіравання цэнтральнымі губернямі Расіі, але і на Беларусі пасля адмены прыгоннага права, калі краіна ступіла на шлях капіталістычнага развіцця. Чыноўніцтва ператварылася ў бессаслоўную сацыяльную групу капіталістычнага грамадства. Менавіта пасля адмены прыгоннага права дваранства Беларусі як класавае саслоўе размывалася і злівалася з рознымі сляямі буржуазнага грамадства. З малазямельнага і беззямельнага дваранства фарміраваліся кадры бюракратычнага апарату, інтэлігенцыі. У Беларусі гэта адбылося і па прычыне замены чыноўнікаў мясцовага паходжання выхадцамі з цэнтральных губерняў Расіі, бо сярод мясцовых чыноўнікаў было больш выхадцаў з дваранства.

Асноўная стаўка ўрада на Беларусі рабілася на ўмацаванне пазіцый бюракратычнага апарату рускага дваранства пры адначасовым аслабленні польскага. Пасля падаўлення паўстання 1863 г. пачалася палітыка змяшчэння з пасадаў тых чыноўнікаў, у добранадзейнасці якіх урад сумняваўся.

Прадвядзіцеляу дваранства і міравых пасрэднікаў, што служылі па выбару дваранства, звальнялі, чыноўнікаў-каталікоў высылялі з краю. На іх месца запрашалі чыноўнікаў з цэнтральных губерняў Расійскай імперыі. Польскае дваранства зноў пачалі прымаць на дзяржаўную службу толькі ў 70-я гг. XIX ст. Зварот да старых парадкаў адчувалі чыноўнікі польскага паходжання і асобы каталіцкага веравызнання ўжо пры Аляксандры III, калі ў першай палове 1880-х гг. зноў была праведзена чыстка мясцовых дзяржаўных устаноў ад чыноўнікаў-палякаў. Усе прадвядзіцелі дваранства польскага паходжання былі заменены на рускіх дваран да 1888 г.¹⁸

Існавалі і пэўныя абмежаванні, уведзеныя «Статутам аб службе грамадзянскай» 1857 г., для асоб яўрэйскай нацыянальнасці (гэта асабліва тычылася беларускіх губерняў, бо там пражывала іх вялікая колькасць). Яўрэі, што не мелі вышэйшай адукацыі, не дапускаліся на дзяржаўную службу, але на практыцы нават з вышэйшай адукацыяй яны, за рэдкім выключэннем, не маглі стаць чыноўнікамі¹⁹. У пункце аб праве паступлення на службу гаварылася толькі аб дзецях святароў праваслаўнага і грэка-уніяцкага веравызнання, а таксама аб дзецях евангельскіх і рэфарматарскіх пастыраў.

Такім чынам, на працягу 60–90-х гг. XIX ст. урад прадпрымаў шэраг мер для змен у становішчы чыноўніцтва, якія тычыліся павышэння іх адукацыйнага узроўню, тэрмінаў узвядзення ў чыны, рэгламентацыі парадку паступлення на службу. Менавіта дзякуючы гэтым мерам з'явілася магчымасць правядзення судовай, ваеннай і іншых рэформ на тэрыторыі Беларусі.

Разам з гэтым існавалі і адмоўныя тэндэнцыі, якія былі прадыхтаваны ўнутрыпалітычнымі падзеямі таго часу – заменай мясцовых чыноўнікаў выхадцамі з цэнтральных губерняў Расійскай імперыі. Даволі часта пасады займалі тыя расійскія чыноўнікі, якія або дрэнна зарэкамендавалі сябе на папярэднім месцы працы, або прыезджалі на Беларусь з мэтай атрымання прывілей і пераваг. У выніку часта яны не вызначаліся добрымі маральнымі і службовымі якасцямі і, зразумела, не прыносілі карысці дзяржаўнай службе.

¹ Дабрыян М. В. Да ўжывання слоў «чыноўнік», «чын» у беларускіх выданнях XIX ст. // Письменник, мова, стиль. Мн., 1996. С. 26.

² Гл.: Купель М. Табель о рангах военных, гражданских и придворных чинов Российской империи. Мн., 1995. С. 6.

³ Гл.: Государственная служба в России: проблема становления: Сб. ст. М., 1993. С. 24.

⁴ Гл.: Там жа. С. 28.

⁵ Гл.: Энциклопедия Брокгауза и Эфрона: В 86 т. СПб., 1900. Т. 30. С. 440.

⁶ Гл.: Государственная служба... С. 44.

⁷ Там жа. С. 42.

⁸ Купель М. Указ. тв. С. 6.

⁹ Ерошкин Н. П. История государственных учреждений России. М., 1983. С. 218.

¹⁰ Гл.: Там жа. С. 239.

¹¹ Гл.: Гомон-Голутвина О., Комаровский В. Польза не доказана, а вред возможен // Российская Федерация. 1999. № 1. С. 58.

¹² Дворжецкий-Богданович А. Воспоминания о Дене // Киевская старина. 1889. № 7. С. 275.

¹³ Русский архив. 1885. № 12. С. 545.

¹⁴ Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978. С. 45.

¹⁵ Бобровский П. О. Материалы для географии и статистики, собранные офицерами Генерального штаба Гродненской губернии: В 2 ч. СПб., 1863. Ч. 2. С. 634.

¹⁶ Гл.: Государственная служба... С. 38.

¹⁷ Гл.: Гомон-Голутвина О., Комаровский В. Указ. тв. С. 62.

¹⁸ Гл.: Самбук С. М. Политика царизма в Белоруссии во в. п. XIX века. Мн., 1980. С. 18.

¹⁹ Гл.: Энциклопедия... Указ. тв. С. 440.

Ніна Аляксандраўна Роцька – аспірантка кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу. Навуковы кіраўнік – кандыдат гістарычных навук, дацэнт А. Г. Кахановіч.

**МЕСТНАЯ ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ КАК
СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОГО ОККУПАЦИОННОГО
РЕЖИМА В БЕЛАРУСИ В 1941–1944 гг.
(ОРГАНИЗАЦИЯ, СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ)**

Некоторые аспекты установления немецко-фашистского оккупационного режима в СССР и в Беларуси сегодня требуют дальнейшего и более глубокого исследования, несмотря на то, что на протяжении всех послевоенных лет эти вопросы тщательно изучались. В частности, необходимо более детально проанализировать вопросы создания и функционирования в Беларуси местной коллаборационной администрации (областных, районных, городских и волостных управ), ее место и роль как составной части немецко-фашистских оккупационных органов власти.

Проблемным представляется уже сам термин, используемый для обозначения данного явления. В большинстве немецких и коллаборационных документов и периодических изданий управы фигурируют как «местное самоуправление», «русское гражданское управление» и т. п. В советской же историографии наличие какой-либо самостоятельности у этих административных органов полностью отрицалось, и их деятельность практически не исследовалась. Архивные документы тем не менее свидетельствуют о большой активности местных управ. Но были ли они в реальности органами самоуправления, насколько велики были их полномочия, каковы обязанности по отношению к германской оккупационной администрации, – эти и другие вопросы требуют специального исследования.

Факты свидетельствуют, что использование термина «самоуправление» немецко-фашистскими оккупантами имело в первую очередь пропагандистскую направленность. С их точки зрения, это должно было вызвать у местного населения иллюзию определенной «свободы», подтолкнуть жителей «Восточных областей» к добровольному участию в осуществлении оккупационных мероприятий. Однако теоретические представления верховного руководства Рейха об участии покоренного населения в каких-либо органах власти расходились с действиями военной и гражданской оккупационных администраций на местах. Гитлер на первом этапе войны (до конца 1941 г.) не желал и слышать ни о каком самостоятельном государственном или административном устройстве покоренных народов; единственное, что он допускал, это «...общинное управление, да и то лишь в той мере, в какой оно необходимо для содержания рабочей силы...»¹. Только позже он стал склоняться к возможности большего сотрудничества с местным населением.

В реальности же органы местной администрации создавались на захваченных территориях с первых дней оккупации. Военные коменданты назначали старост деревень, волостных бургомистров, руководителей районных управлений из числа местных жителей, а также из эмигрантов, еще перед войной вставших на путь сотрудничества с фашистским режимом. В дальнейшем при передаче власти в оккупированных районах в руки гражданской немецкой администрации местное «самоуправление» просто переводилось в ее подчинение без существенного кадрового и организационного изменения. Специфика работы этого звена оккупационного аппарата состояла в осуществлении непосредственной связи с населением. Однако данные учреждения не носили характера собственно белорусской политической администрации, являясь составной частью немецко-фашистского оккупационного режима. Они действовали независимо от создававшихся в различные периоды оккупации марионеточных политических организаций, таких как Белорусская народная самопомощь, Белорусская Рада доверия, Белорусская Центральная Рада и т. п. Представляется наиболее правильным ис-

пользовать для обозначения этого звена оккупационного аппарата термин «вспомогательная местная администрация», чтобы отделить его как от немецких оккупационных органов, так и от политических коллаборантов. Некоторые работники местной вспомогательной администрации (в основном руководители), безусловно, принимали участие и в политической коллаборации, однако основными сферами их деятельности были хозяйственно-экономическая и социальная, относящиеся к гражданской коллаборации².

При создании управ и местной вспомогательной полиции в первые месяцы войны фашистские оккупационные власти столкнулись с определенными трудностями: излишней активностью польского населения на западе Беларуси и повсеместной пассивностью белорусов, особенно явно проявлявшейся на востоке³. Отметим, что опасения по поводу возможности именно такого развития событий немецким руководством высказывались еще до начала военной кампании против СССР («Зеленая папка») указывал: «В Белоруссии будет, вероятно, нелегко в ближайшее время найти руководящий состав, который бы лояльно работал на нас, потому что белорусы в интеллектуальном отношении далеко отстают от живущих там великорусов, евреев и поляков»⁴. На самом деле причиной сотрудничества поляков с немецкой оккупационной властью было стремление превратить Беларусь, особенно ее западную часть, в польскую провинцию. Белорусское же население с самого начала оккупации настороженно отнеслось к новому порядку. Через небольшой промежуток времени из-за жестокости немецко-фашистских захватчиков эта настороженность переросла в открытое сопротивление. Для исправления ситуации на восток было направлено около 50 белорусов-эмигрантов, завербованных еще до начала войны (в их числе В. Тумаш, В. Ивановский, А. Демидецкий-Демидович, В. Родько, Р. Островский и др.). Все они заняли руководящие посты в органах местной вспомогательной администрации (30 человек в Минске, остальные большей частью попали в Центральную и Восточную Беларусь)⁵. Поскольку руководство Третьего рейха на тот момент полностью отрицало возможность политического сотрудничества с населением оккупированных территорий, то функции «местного самоуправления» ограничились рамками решения хозяйственных и социально-культурных вопросов, хотя белорусские эмигранты стремились к политической самостоятельности.

Как известно, территория БССР была искусственно разделена фашистами между несколькими административными единицами: тыловой зоной группы армий «Центр», Генеральными округами «Беларусь», «Литва» (оба входили в состав Рейхскомиссариата «Остланд»), «Житомир», «Волынь и Подолия» (относились к Рейхскомиссариату «Украина»), Генерал-губернаторством «Восточная Пруссия». При этом большая часть республики оказалась в составе тыловой зоны группы армий «Центр» и Генерального округа «Беларусь». В этих административных единицах можно условно выделить по два уровня руководящих органов: собственно немецкие (верхнее управленческое звено) и коллаборационные (нижнее звено). Начальствующий состав первых состоял исключительно из подданных Рейха, однако среди сотрудников и технического персонала могли оказаться и представители белорусского населения. Коллаборационные же органы комплектовались исключительно из коренного населения, но во главе их чаще всего стояли белорусские эмигранты, уже давно сотрудничавшие с фашистами.

В тыловой зоне группы армий «Центр», непосредственно примыкавшей к театру военных действий, вся полнота власти была сосредоточена в руках военного командования. Возглавлял администрацию командующий тыла группы армий «Центр» генерал М. фон Шенкендорф. Для поддержания порядка на оккупированной территории в его распоряжении находились 59

армейский корпус (штаб в Витебске) и четыре охранные дивизии (201 – штаб в Лепеле, 203 – в Бобруйске, 221 – в Гомеле, 286 – в Орше). В качестве оккупационных исполнительных органов власти выступали полевые комендатуры (фельдкомендатуры) и подчиненные им местные комендатуры (ортскомендатуры). В 1942 г. в тыловой зоне группы армий «Центр» насчитывалось 11 полевых и 23 местные комендатуры⁶. Им, в свою очередь, подчинялись органы вспомогательной местной администрации: областные (окружные), городские, районные, волостные управления и общины (деревни). В некоторых городах для удобства управления и усиления контроля за населением по инициативе городских бургомистров в 1943 г. стали вводиться должности старост улиц, которые отвечали за порядок в своем микрорайоне (например, в Могилеве, Борисове, Ново-Борисове и др.)⁷.

В Генеральном округе «Беларусь», с сентября 1941 г. находившемся под управлением немецкой гражданской администрации, руководящим органом являлся Генеральный комиссариат Беларуси (Минск), который первоначально возглавлял В. Кубе, а после его гибели от рук подпольщиков – Карл фон Готтберг. Генеральному комиссариату подчинялись два гаупткомиссариата (главных комиссариата) в Минске и Барановичах. После полной передачи территории Беларуси в ведение гражданского управления администрации планировалось также создать главные комиссариаты в Могилеве, Витебске и Смоленске⁸. Генеральному комиссариату и гаупткомиссариатам подчинялись 11 гебитскомиссариатов (окружных комиссариатов), им, в свою очередь, – штатскомиссариаты (городские комиссариаты) и ортскомиссариаты (районные комиссариаты). В сельской местности большими полномочиями обладали специально назначенные чиновники, контролировавшие проведение аграрных оккупационных мероприятий: на уровне районов – крайсляндвирты, волостей – зондерфюреры. Местная вспомогательная администрация была представлена городскими и районными управами. Последним непосредственно подчинялись волостные (поветовые) управы, а им, в свою очередь, – деревни (общины) или колхозы, сохранявшиеся до проведения весной 1942 г. фашистской аграрной реформы. Во главе районных, городских и волостных управ стояли бургомистры (с 1942 г. – начальники, или старшины соответствующего ранга), колхозов – председатели, деревень – старосты.

До начала сентября 1941 г. на всю территорию Минского гебитскомиссариата распространялась власть созданного еще вермахтом Наместничества Минского округа, возглавлявшегося Р. Островским. Это был самый крупный орган вспомогательной администрации, укомплектованный белорусами, который обладал достаточно большими полномочиями в хозяйственной сфере. По мнению польского историка Ю. Турёнка, на базе Наместничества коллаборанты планировали создать центральный орган белорусской администрации, но этому помешала нерешенность вопроса о политическом будущем Беларуси в кругах высшего руководства Рейха⁹. В результате Наместничество было преобразовано в параллельное бюро (Небенбюро) при Генеральном комиссариате Беларуси с совещательными и исследовательскими полномочиями¹⁰. В дальнейшем аналогом Наместничества стали создававшиеся только в тыловой зоне группы армий «Центр» окружные (областные) управления. Однако фашистское руководство стремилось к максимальному ограничению полномочий этих органов, чтобы не допустить получения реальной исполнительной власти в масштабах области. Поэтому функции окружных управлений сводились к наблюдению за районными властями, координации их работы и проверке исполнения указаний собственнo германских оккупационных учреждений¹¹.

Порядок подчиненности органов местной администрации был крайне запутанным, что мешало их нормальному функционированию. Например, в

Генеральном комиссариате «Беларусь», помимо гражданских властей, отдельно продолжали действовать и полевые комендатуры вермахта, подчинявшиеся военному командованию, а также полицейские силы и карательные отряды СС. Каждое немецкое учреждение, как военное, так и гражданское, вправе было давать указания вспомогательной администрации, но зачастую они носили противоречивый характер.

Местные органы власти, судя по документам, создавались спонтанно и без четкого предварительного плана. Они проводили свою деятельность, руководствуясь указаниями и инструкциями немецкого военного командования, в которых определялся лишь примерный объем полномочий и функций «самоуправлений». Причем первые официальные приказы на этот счет были изданы только в начале июля 1941 г., хотя бургомистры городов и волостей назначались сразу после занятия территории немецко-фашистскими войсками¹². Позже, к началу августа, стали формироваться районные и областные управы¹³.

Фактически организация вспомогательной администрации летом 1941 г. была предоставлена местным комендантам. Тем не менее назначенные военными властями бургомистры имели право самостоятельно формировать собственный аппарат при сохранении контроля со стороны немцев. Оккупанты определяли, что для «самоуправлений» «главной задачей является обеспечение продовольствием»¹⁴. Для этого предписывалось сохранять существующие колхозы и совхозы, а в случаях уже проведенного делажа колхозного имущества бургомистры вместе с председателями колхозов должны были «восстановить все по-старому в течение 24 часов»¹⁵. Сущность колхозов и совхозов, однако, изменилась, поскольку немецко-фашистские захватчики объявили их имущество собственностью Рейха. К первоочередным задачам местной вспомогательной администрации также относились: регистрация всего населения и выдача удостоверений личности; учет собственности и имущества района (города, волости, колхоза); составление списков имущества, реквизированного немецкими военными частями; сбор у населения и сдача в комендатуры оружия и боеприпасов; организация ремонта дорог и мостов; возобновление сбора налогов и коммунальных платежей; поддержание связи между немецким командованием и населением. В дальнейшем полномочия местной вспомогательной администрации расширились: в ее ведение были переданы руководство восстанавливаемыми для нужд вермахта средними и мелкими промышленными предприятиями, организация ремесленного производства, вопросы социальной опеки, здравоохранения, культурной жизни населения. Деятельность местной администрации, разумеется, проходила под бдительным и неусыпным контролем со стороны германских военных и гражданских учреждений, на основании немецких распоряжений и инструкций, однако «самоуправления» обладали определенной самостоятельностью в социально-хозяйственной сфере, в чем были заинтересованы и местные оккупационные власти. «Главной задачей Германского управления в занятых областях является наблюдение. Выполнение работы управления должно проводиться... местными служебными учреждениями. Задача русского коммунального управления – по возможности быстро и самостоятельно работать», – указывалось в одной из немецких инструкций¹⁶.

Германскими военными властями была предложена примерная структура городских и районных управлений, включавшая отделы регистрации; трудоустройства; промышленности, торговли и ремесла; городских предприятий; хозяйственный; квартирный; санитарный и городскую кассу. Однако фактический объем полномочий местной администрации оказался гораздо большим, в связи с чем в составе управ были созданы также отделы,

ведавшие вопросами образования и культуры, социального обеспечения населения, охраны порядка и др. Отметим, что деятельность местной вспомогательной администрации в социально-культурной сфере носила весьма ограниченный и избирательный характер, а рекламирование этой деятельности в оккупационной прессе имело лишь пропагандистский характер, не опиравшийся на реальные основания. В районных управах имелись земельные отделы, ведавшие распределением сельскохозяйственных участков и осуществлением аграрных мероприятий. Причем состав отделов местной вспомогательной администрации был различным в зависимости от региона и определялся насущными потребностями.

Наиболее крупным органом в системе «самоуправлений» в начальный период оккупации было Наместничество Минского округа. Оно состояло из 16 отделов (административно-хозяйственный, дорожно-транспортный, строительный, финансовый, торгово-промышленный, правовой, лесной, народного просвещения, охраны здоровья, ветеринарный, заготовок, окружная милиция, статистическое бюро, земельно-хозяйственное руководство, гараж, лесхоз), в которых в общей сложности было задействовано около 320 человек¹⁷. В состав Минской городской управы входили отделы: общий, промышленности, хозяйственный, жилищный, опеки, охраны здоровья, образования, культуры и др.¹⁸ Витебская городская управа на 1 января 1942 г. состояла из президиума и 12 отделов: продовольственно-торгового, городского хозяйства, жилищного, охраны здоровья, городской охраны, культуры и просвещения, ветеринарного, транспортного, труда, финансового, общественного обеспечения, общего¹⁹. Могилевское городское управление осенью 1941 г. состояло из руководства (Городской голова-бургомистр, его заместитель и 2 секретаря) и 9 отделов (общий, финансовый, общетехнический, медико-санитарный, промышленный, земельный, торговый, жилищный, отдел труда)²⁰. Численность работников Могилевского горуправления составляла в 1943 г. около 230 человек²¹.

Аппарат районных управ первоначально был значительно меньшим, чем городских, как по количеству отделов (и соответственно решаемых ими задач), так и по численности служащих. В составе Минской районной управы в августе 1941 г. имелось всего три структурных подразделения: административная группа, земельный и финансово-налоговый отделы, где работали 39 человек²². К середине сентября 1941 г. Минская районная управа имела в своем составе общий, земельный, дорожный и финансовый отделы, а также службу порядка и инспекторат, ведавший вопросами промышленности и торговли, обеспечения, просвещения и охраны здоровья²³, хотя количество работников было утверждено почти на прежнем уровне – 43 человека²⁴. Расширение полномочий органов местной вспомогательной администрации привело к увеличению как числа отделов, так и количества работников в районных «самоуправлениях». Это было необходимо, поскольку районные управы обслуживали не меньшее, а зачастую и большее количество населения, чем в городах. Уже в декабре 1941 г. Минская райуправа состояла из 14 отделов (руководство района в лице бургомистра, общий отдел, земельный, финансово-налоговый, отдел охраны порядка, секции судебная, народного просвещения, охраны здоровья, промышленности и торговли, социального обеспечения, дорожная, лесная, строительства, заготовок), где по штату должен был работать 131 человек²⁵. По похожей схеме строились и совмещенные районно-городские управы, например Борисовская, включавшая в свой состав в сентябре 1941 г. 14 отделов со 116 работниками²⁶.

Аппарат волостных управ был представлен бургомистром, его заместителем и писарем, кое-где предусматривался и обслуживающий персонал

(уборщик, конюх, сторож); также в состав волостной администрации включались местные полицейские. Эти люди считались чиновниками и получали зарплату. Жалованье городских и районных бургомистров составляло 1500–2000 р. в месяц, волостные начальники получали по 600–750 р. Должность старосты деревни первоначально была объявлена оккупантами «почетной», и за нее не предусматривалось какой-либо денежной компенсации. Однако к 1943 г., когда большая часть населения Беларуси отказалась от добровольного сотрудничества с немцами и многие старосты не соглашались работать даже под угрозой наказания, в Генеральном округе «Беларусь» для них была введена оплата – 250 р.; при этом волостям разрешалось увеличивать или уменьшать зарплату в пределах бюджетного фонда в зависимости от числа обслуживаемого старостой сельского населения²⁷. На территории тыловой зоны группы армий «Центр» содержание аппарата общины в лице старосты и писаря-счетовода первоначально осуществлялось за счет самой общины, причем часть оплаты производилась деньгами, а часть – натурой (продуктами). В марте 1943 г. по указанию военных комендантов содержание сельских старост было возложено на районные управы, которые, однако, не имели необходимых средств²⁸. Поэтому для снижения расходов аппарат волостных управ был сокращен до 3 человек, а в деревнях остались только старосты (без писарей)²⁹. В мае 1944 г. в тыловой зоне по примеру Генерального комиссариата в некоторых местностях были введены дифференцированные оклады (от 200 до 400 р.) для старост, обслуживающих различное количество дворов, причем инициатива этого распоряжения исходила от местных бургомистров³⁰.

Интерес представляет вопрос о численности сотрудников местных «самоуправлений». Вспомогательная администрация была создана в 78 городах и 192 районных центрах, а также в нескольких тысячах деревень и сел Беларуси³¹. Если считать, что число служащих районных и городских управ колебалось в пределах от 100 до 130 человек (а в крупных городах превышала 200), то получается, что только в этих учреждениях на службе у немецко-фашистского режима находилось 27–35 тыс. человек. Сюда же надо прибавить работников волостных управ (около 2000–2500 волостей по всей оккупированной Беларуси при штате 3–6 человек) и сельских старост (по 100–200 на район, что дает не менее 20 тыс. человек). Таким образом, на службе у фашистов в органах местной вспомогательной администрации состояло не менее 50–55 тыс. сотрудников. На протяжении всего периода оккупации немецкие военные и гражданские власти стремились к ограничению и сокращению аппарата «самоуправлений». Мотивировалось это необходимостью экономии расходов на их содержание. Не последнюю роль при этом, на наш взгляд, играли также и опасения, что местная администрация может превратиться в опору белорусского национального движения и выйти из-под контроля. Кроме того, большим препятствием в создании и деятельности местной вспомогательной администрации явилось партизанское и подпольное движение. Вследствие этого функционирование «самоуправления» в сельской местности к концу 1942 г. стало практически невозможным на 2/3 оккупированной территории Беларуси. В управах всех уровней имелись агенты подпольщиков и партизан, проводившие активную разведывательную и подрывную деятельность.

Таким образом, областные, районные, городские и волостные управы, а также деревенские старосты были составной частью немецко-фашистского оккупационного аппарата, но при этом комплектовались из числа местных жителей. Они являлись связующим звеном между собственно немецкой администрацией и населением. В то же время политика фашистских властей по отношению к местной вспомогательной администрации была двой-

ственной. С одной стороны, от нее требовалась эффективная, быстрая и «самостоятельная» работа по проведению в жизнь немецких распоряжений в экономической, социальной и культурной сферах. С другой стороны, опасаясь превращения местной вспомогательной администрации в органы реальной власти и не желая, чтобы она стала опорой белорусского национального движения, немецкое руководство постоянно сокращало местный аппарат, мелочно регламентировало его работу, что в итоге приводило к неэффективности его деятельности и срыву выполнения немецких распоряжений. Во многом этому способствовало и сопротивление белорусского народа, наиболее ярко выразившееся в партизанской и подпольной борьбе.

¹ Выдержки из стенографической записи высказываний Гитлера о завоевательных планах фашистской Германии // Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Ист. очерки, док. и материалы: В 2 т. / Отв. ред. чл.-кор. АН СССР А.М. Самсонов: М., 1973. Т. 1. С. 66.

² См.: Беляев А.В. Гражданская коллаборация и проблема «наши» – «чужие» (на примере Белоруссии в годы Великой Отечественной войны) // «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании: Материалы междунар. науч. конф. / Под ред. д-ра ист. наук, проф. С.Н. Полторака. СПб., 2001. С. 261–264.

³ См.: Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Мн., 1993. С. 51–58.

⁴ Директива Геринга по экономическому разграблению оккупированных территорий СССР // Нюрнбергский процесс: Сборник материалов в 8-ми т. М., 1990. Т. 4. С. 383.

⁵ См.: Раманоускі В.П. Саудзельнікі ў злачынствах. Мн., 1964. С. 77.

⁶ См.: Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: В 3 т. / Гл. ред. А.Т. Кузьмин. Мн., 1983–1985. 1983. Т. 1. С. 172–173.

⁷ См.: Государственный архив Могилевской области (ГАМГО). Ф. 260, оп. 1, д. 58, л. 149; Государственный архив Минской области (ГАМО). Ф. 622, оп. 1, д. 5, л. 17–18.

⁸ См.: Найдзюк Я., Касяк І. Беларусь учора і сёння: Папулярны нарыс з гісторыі Беларусі. Мн., 1993. С. 267.

⁹ См.: Туронак Ю. Указ. пр. С. 57–58.

¹⁰ См.: Там же. С. 84; Найдзюк Я., Касяк І. Указ. тв. С. 269.

¹¹ См.: ГАМО. Ф. 622, оп. 1, д. 1, л. 178–180; Государственный архив Витебской области (ГАВО). Ф. 2088, оп. 2, д. 4, л. 114–119.

¹² См.: Козак К.И. Установление германского оккупационного режима на Беларуси в 1941 г. // Беларусь, 22 июня 1941 года: Говорят архивы... Материалы к заседанию «круглого стола», посвящ. 60-летию начала Великой Отечественной войны (июнь 2001 г.) / Отв. ред.-сост. Р.П. Платонов, В.В. Федосов. Мн., 2001. С. 106; Указания для бургомистров порайонных городов. ГАМО. Ф. 623, оп. 1, д. 1, л. 183–185; Инструкция для начальника райёна і валасных упраў (сельсаветаў). ГАМО. Ф. 623, оп. 1, д. 29, л. 1–2.

¹³ См.: ГАМО. Ф. 623, оп. 1, д. 29, л. 115.

¹⁴ Там же. Д. 1, л. 183 об.

¹⁵ Там же. Л. 184.

¹⁶ См.: ГАМГО. Ф. 259, оп. 1, д. 22, л. 83.

¹⁷ См.: ГАМО. Ф. 1050, оп. 1, д. 13, л. 20–35.

¹⁸ См.: Атрошчанка У., Талкачоў В. Фарміраванне і дзейнасць нямецкай акупацыйнай улады ў Мінску // Беларусь у гады другой сусветнай вайны: урокі гісторыі і сучаснасць. Матэрыялы Рэсп. навук. канф., прысвеч. 50-годдзю Перамогі (Мінск, 26–27 крас. 1995 г.). Мн., 1995. С. 107.

¹⁹ См.: ГАВО. Ф. 2073, оп. 1, д. 185, л. 35.

²⁰ См.: ГАМГО. Ф. 260, оп. 1, д. 8, л. 5.

²¹ См.: Там же. Д. 79, л. 8.

²² См.: ГАМО. Ф. 623, оп. 1, д. 1, л. 202.

²³ См.: Там же. Д. 19, л. 3–4.

²⁴ См.: Там же. Д. 4, л. 267.

²⁵ См.: Там же. Д. 1, л. 23–26.

²⁶ См.: Там же. Ф. 622, оп. 1, д. 1, л. 1–4.

²⁷ См.: Там же. Ф. 1566, оп. 1, д. 6, л. 21.

²⁸ См.: ГАМГО. Ф. 261, оп. 1, д. 3, л. 22.

²⁹ См.: Там же. Д. 8, л. 10.

³⁰ См.: Там же. Д. 1, л. 12.

³¹ См.: Залесский А.И., Кобринцев П.Н. О национальных отношениях в Советской Белоруссии. Исторические очерки. Гродно, 1992. С. 138.

Алексей Викторович Беляев – аспирант кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор В.К. Коршук.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СЫСК В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1826–1880)

Учреждения, занимавшиеся политическим сыском, в России впервые появились еще в период правления Алексея Михайловича, но они оказались недолговечными, быстро ликвидировались, потом создавались вновь, но уже под другими названиями. Только после декабристского восстания при вступившем на престол Николае I была создана система политического сыска, которая постоянно совершенствовалась, подстраиваясь под новые реалии политической жизни, и просуществовала без перерывов до последних дней Российской империи. Однако почти все реформы тайной полиции были связаны с невозможностью противостоять старыми методами работы все более радикализирующейся оппозиции.

В функции высшей полиции, появившейся во второй половине 20-х гг. XIX в., изначально входила обязанность наблюдения за настроениями общества. На тот момент в России не существовало революционных организаций, ставивших своей задачей проведение радикальных действий с целью изменения государственного устройства. Такие организации возникли во второй половине XIX в. Кроме того, стали появляться и лица, действовавшие в одиночку или представлявшие различные мелкие революционно настроенные группы, следить за которыми было труднее, чем за крупными объединениями или известными личностями. Поэтому через четыре десятилетия лет высшая полиция уже не смогла уберечь от покушений высших сановников и даже самого императора. Последовавшая в 1867 г. реорганизация корпуса жандармов смогла достаточно успешно противостоять хождению разночинной интеллигенции в народ, но к борьбе с радикалами, совершающими покушения, она опять оказалась не готова. Упразднение в 1880 г. Третьего отделения и создание Департамента полиции не обеспечило безопасности Александра II.

Третье отделение Собственной его императорского величества канцелярии, созданное 3 июля 1826 г., стало учреждением, предназначенным для контроля практически за всем происходящим в империи. Хотя толчком к его созданию было все-таки выступление декабристов (дворян), новый орган должен был собирать информацию не только о верхах общества, но и о сектах, фальшивомонетчиках, иностранцах, всех без исключения происшествиях и т. п.¹ Правительство осознало угрозу государственности и, желая предупредить выступления не только дворян, решило следить за любыми потенциальными противниками самодержавия, а также контролировать все процессы, которые могли бы вылиться в противостояние с властями. С воцарением Николая I правительство перестало стесняться попыток обеспечения безопасности государства².

Однако Третье отделение отнюдь не стало учреждением-монстром с огромным чиновничьим аппаратом. Изначально государственную безопасность огромной империи охраняло всего 16 человек. Правда, число служащих постоянно увеличивалось, но этот процесс проходил небесконтрольно. К моменту упразднения Третьего отделения оно насчитывало всего 72 человека, включая сверхштатных и вольнонаемных³.

При создании нового органа политического сыска было решено привлечь к делу профессионалов, поэтому в него включили Особенную канцелярию, ранее подчинявшуюся МВД. Функции Третьего отделения частично пересекались с функциями Министерства внутренних дел, причем местная власть, сообщавшая ранее информацию, связанную с безопасностью государства в МВД, теперь предпочитала обращаться в Третье отделение. В связи с появившимся недостатком сведений стали поступать просьбы министра о на-

правлении в его ведомство хотя бы копий, так как без подобной информации страдала работа министерства⁴.

Дублирование функций двумя структурами должно было привести к повышению качества их работы в связи с возникшей конкуренцией. Однако на практике все оказалось иначе. В задачи Третьего отделения, созданного как наблюдательная структура, должно было входить вскрытие фактов нарушения законности, после чего дела следовало передавать в руки полиции. На самом же деле оно само стало вести расследования и даже выносить приговоры, что, естественно, вызвало недовольство МВД. Министерство внутренних дел, в свою очередь, пыталось контролировать деятельность Третьего отделения и даже вело надзор за его сотрудниками, что вызвало недовольство А.Х. Бенкендорфа, и позже такие попытки не предпринимались⁵.

Для более эффективного контроля за общественными настроениями на местах в 1827 г. был образован Корпус жандармов, который стал исполнительным органом Третьего отделения. До его возникновения в империи существовали различные жандармские подразделения в армии, выполнявшие функции военной полиции, и в составе корпуса внутренней стражи, где они выполняли роль мобильных подразделений, обязанности которых не выходили за рамки обычной полицейской службы. В отличие от них корпус жандармов был призван выполнять другие функции – наблюдательные. Представители корпуса направлялись в различные города империи и войска. Территория страны делилась на округа по 8–11 губерний в каждом, при этом учитывались экономические, географические и политические традиции губерний. Округ, в свою очередь, состоял из 4–6 отделений, каждым из которых заведовал жандармский штаб-офицер. Вскоре стало ясно, что один офицер не может контролировать несколько губерний сразу, в связи с чем возникла необходимость направлять их в каждую губернию. При этом с 1831 г. стало правилом не назначать жандармских офицеров в те губернии, где находились их имения (ранее эта мера была применена к губернаторам). Такое нововведение позволило сделать политическую полицию на местах более объективной. Причем представители корпуса должны были контролировать все, в том числе и массовые мероприятия. Жандармские офицеры на период проведения ярмарок назначались временными комендантами городов и местечек, в которых ярмарки проводились. Все офицеры, находящиеся в этот момент в таких населенных пунктах, должны были сообщать жандармам о своем прибытии⁶.

С момента образования Корпус жандармов был связан с Третьим отделением, начальник которого А.Х. Бенкендорф был назначен шефом жандармов еще до создания корпуса. Однако жандармские подразделения, входившие в состав внутренней стражи, а также состоящие в войсках, не подчинялись ему напрямую. А.Х. Бенкендорф начал борьбу с другими ведомствами, стараясь взять под свой контроль всех жандармов. Этот процесс затянулся на десятилетия, но так и не был завершен до конца.

В годы царствования Николая I большое развитие получила слежка за иностранцами, прибывающими в Россию и потенциально способными распространять европейские идеи в своем русском окружении⁷. Особенно насущным это беспокойство стало после польского восстания 1830–1831 гг. Именно тогда российский политический сыск начал развивать зарубежную агентуру. Она не была обличена в форму какого-либо института, а состояла из командированных за границу чиновников Третьего отделения и даже из добровольно предлагавших свои услуги «романтиков сыска»⁸. Например, чтобы выследить и арестовать сбежавшего за границу С.Г. Нечаева, были привлечены и сотрудники Третьего отделения, и добровольные агенты, а

непосредственно арестом революционера в Швейцарии руководил специально командированный туда жандармский офицер⁹.

В конце 40-х гг. XIX в. у жандармских команд появилась еще одна специфическая функция – охрана железных дорог. Власти, видя в железнодорожных магистралях важную часть инфраструктуры государства, решили учредить на них полицейский надзор, состоящий из жандармов. Последние подчинялись Министерству путей сообщения и поэтому, опасаясь потерять место службы, иногда закрывали глаза на "грехи" своего гражданского начальства¹⁰. Естественно, такое положение вещей не устраивало правительство. Однако после неудачного покушения Д.В. Каракозова было решено усилить охрану императора. Например, на Царскосельско-Петергофской железной дороге было создано полицейское жандармское управление, которое подчинялось шефу жандармов. О его появлении не было сообщено даже министру путей сообщения, в чьем подчинении состояли все остальные полицейские управления железных дорог¹¹, но этот случай был единственным. Видимо, четкое исполнение жандармами своих функций, в том числе и на железной дороге, давало чиновникам повод отрицательно относиться к ним, что создавало в обществе негативный образ жандармской службы. Простые же обыватели относились к жандармам без ненависти и даже обращались к ним как к последней инстанции в спорах со стоящими выше на социальной лестнице¹². Также защиту у них находили раскольники, староверы и различные национальные меньшинства, например евреи¹³.

Однако, наблюдая практически за всем и тем самым расплывая свое внимание, политический сыск не смог предотвратить в 1866 г. покушение Д.В. Каракозова на самого императора. Власти напрямую столкнулись с необходимостью реформирования тайной полиции. Оказывалось, что ни Третье отделение, ни Корпус жандармов не смогли противостоять заговору одиночки, стрелявшему среди бела дня в главу государства в собственной столице. Начальник Третьего отделения и шеф жандармов В.А. Долгоруков ушел в отставку. Его место занял П.А. Шувалов, называемый некоторыми современниками Аракчеевым^{*}. П.А. Шувалов представил императору проект, по которому все жандармские части и подразделения должны были перейти под контроль шефа жандармов, что должно было обеспечить возможность более эффективной работы корпуса. Кроме того, для более успешной деятельности происходила реорганизация его структуры на местах. Жандармские округа были оставлены лишь в Сибири, Царстве Польском и на Кавказе. На всей остальной территории империи их функции переходили к более мелким структурным единицам – губернским жандармским управлениям. Управление контролировало территорию одной губернии, что должно было повысить качество и оперативность работы жандармов. Проект был одобрен императором и в 1867 г. воплощен в жизнь.

Однако реформы на этом не закончились. В 1871 г. Корпус жандармов совместно с министерством юстиции подготовил проект, по которому жандармы при расследовании преступлений политического характера должны были руководствоваться судебными уставами 1864 г., а не прежними инструкциями. Отныне все дознания по политическим преступлениям проводились исключительно представителями Корпуса жандармов по предложению лиц прокурорского надзора¹⁴.

^{*} Современники называли Шувалова не его собственным именем-отчеством Петр Андреевич, а Алексей Андреевич, делая намек на Аракчеева. Тютчев даже написал на нового шефа жандармов эпиграмму:

Над Россией распростертой
Встал внезапно грозой
Петр, по прозвищу четвертый,
Аракчеев же второй.

Согласно "Высочайшему повелению об особых мерах к ограждению общественного спокойствия и безопасности", появившемуся 8 августа 1878 г., жандармы получили право арестовывать лиц, подозреваемых в совершении преступлений и в причастности к ним, а также лиц, подозреваемых в участии в "противозаконных сообществах" или участвовавших в беспорядках и сходках политического характера. Если было собрано достаточно сведений о политической неблагонадежности подозреваемых, то их могли подвергнуть административной высылке по соглашению шефа жандармов с министром внутренних дел¹⁵.

В октябре 1878 г. жандармские чины получили право при расследовании государственных преступлений производить выемку и просмотр почтовой и телеграфной корреспонденции подозреваемого. Однако, чтобы получить разрешение на это, они должны были обращаться к шефу жандармов, который в свою очередь давал его только по согласованию с министрами внутренних дел и юстиции¹⁶.

Подобные изменения проводились не случайно. 60-е гг. XIX в. принесли России рождение новой оппозиционной правительству социальной группы – разночинцев, которые, оттеснив дворянских вольнодумцев, заняли в нем лидирующее положение. Старая система контроля за настроениями общества стала неэффективной. Тем более, что некоторые особо радикальные оппозиционеры перешли от теоретических размышлений о судьбах народа к практике покушений на представителей власти.

Первым большим столкновением политического сыска и разночинного движения стала борьба с "хождением в народ". В первой половине 70-х гг. XIX в. интеллигенция решила заняться просвещением русского крестьянства и привитием ему европейских идей. "Хождение в народ" стало достаточно массовым явлением, однако жандармские структуры, успевшие научиться работать в пореформенных условиях, сумели относительно быстро пресечь распространение этого движения. Подобный успех объясняется не только проведенной в 1867 г. жандармской реформой, но еще и непониманием крестьянством "передовых" идей разночинной молодежи. Не видя в ходах "своих", крестьяне не только относились к ним индифферентно, но зачастую помогали политической полиции выявлять и арестовывать разночинцев. Именно эта народная поддержка и помогла властям справиться с распространением в среде крестьянства революционных идей.

Однако, если среди народных масс политический сыск воспринимался как нечто, не мешающее их жизни и поэтому положительное, то среди "мыслящих" классов – либерального дворянства и разночинной интеллигенции – сыск представлялся сугубо отрицательным явлением. К тому же Третье отделение, не знавшее на протяжении всего своего существования сколько-нибудь значимых реформ, к началу 80-х гг. XIX в. уже практически полностью исчерпало свой ресурс. Жандармы на время реформы корпуса действовали по инструкциям, написанным еще А.Х. Бенкендорфом¹⁷. Однако М.Т. Лорис-Меликов, ставший в 1880 г. министром внутренних дел, решил не реформировать Третье отделение, а упразднить его, передав дела в ведение Департамента полиции МВД.

¹ См.: Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России. М., 1982. С. 23.

² См.: Севастьянов Ф. Ура! Теперь все можно!? // Родина. 1999. № 9. С. 56.

³ См.: Оржеховский И.В. Указ. соч. С. 176.

⁴ См.: Национальный исторический архив Республики Беларусь. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 80. Т. 1. Л. 367.

⁵ См.: Оржеховский И.В. Указ. соч. С. 26.

⁶ См.: Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1-е. Т. VIII. Отделение 1-е. № 6410.

⁷ См.: Головкин Г., Бурин С. Канцелярия непроницаемой тьмы. Политический сыск и революционеры. М., 1994. С. 16.

⁸ История сыска в России: В 2 т. Мн., 1996. Т. 1. С. 190.

⁹ См.: Кантор Р. М. В погоне за Нечаевым. К характеристике секретной агентуры Третьего отделения на рубеже 70-х годов. Л.; М., 1925. С. 136.

¹⁰ См.: Гронский А. Д. Жандармы на железных дорогах // Милютинские чтения, 1999. Череповец, 1999. С. 38.

¹¹ См.: Оржеховский И. В. Реорганизация жандармского управления в связи с правительственной реакцией 60–70-х гг. XIX в. // Вопросы истории общественно-политической мысли и внутренней политики России в XIX в. Ученые записки. Сер. ист. Горький, 1971. Вып. 151. С. 49.

¹² Ломачевский А. И. Из воспоминаний жандарма 30–40-х годов. СПб., 1880. С. 14, 19.

¹³ Герасимова И. "Мстиславское буйство" 1844 г. в произведениях С. Дубнова, Ю. Гессена, С. Анского // Дубновские чтения: Материалы 1-й Междунар. науч. конф. "Наследие Семена Дубнова и изучение истории евреев в странах СНГ и Балтии", посвящ. 140-летию: Сб. ст. Мн., 2001. С. 99; Ломачевский А. И. Указ. соч. С. 19.

¹⁴ См.: Оржеховский И. В. Из истории внутренней политики самодержавия в 60–70-х годах XIX в. // Лекции по спецкурсу. Горький, 1974. С. 122.

¹⁵ См.: Там же. С. 129.

¹⁶ См.: Там же. С. 131.

¹⁷ См.: Оржеховский И. В. Самодержавие... Указ. соч. С. 159.

Александр Дмитриевич Гронский – аспирант кафедры истории России. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор И. В. Оржеховский.

Д. С. ЛАВРИНОВИЧ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫХ КОМИТЕТОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1915 – март 1917 г.)

Вопросы, связанные с политической борьбой в России накануне и во время Февральской революции 1917 г., всегда привлекали внимание историков. Среди общественных организаций особый интерес представляет деятельность военно-промышленных комитетов (ВПК) – объединений либерально-консервативного направления, созданных во время Первой мировой войны для помощи фронту.

Первые, пусть не совсем удачные, попытки рассмотрения обозначенной выше темы были предприняты еще в 1920–1940-е гг.¹ Образование и деятельность ВПК в той или иной степени были проанализированы в обобщающих монографиях В. С. Дякина, В. Я. Лаверычева, В. И. Старцева и других историков, а также в коллективных трудах². В центре внимания исследователей были главным образом экономические и социальные аспекты истории военно-промышленных комитетов. Мало внимания, к сожалению, обращалось на политическую сторону их деятельности. Данная статья является попыткой современного взгляда на проблему.

Начало Первой мировой войны российское либерально-консервативное общество встретило в атмосфере "патриотического единения". В то же время буржуазная общественность решила использовать момент для мобилизации своих сил. В июле – августе 1914 г. были образованы Всероссийский земский союз (ВЗС) и Всероссийский союз городов (ВСГ), которые поставили перед собой цель объединить земские и городские органы местного самоуправления для помощи лицам, пострадавшим от военных действий. Наконец, весной 1915 г. о своей готовности помочь фронту заявили представители крупной буржуазии. По предложению московского предпринимателя прогрессиста П. П. Рябушинского на IX торгово-промышленном съезде, состоявшемся 26–29 мая, для упорядочения работы отдельных предприятий, выпускающих оборонную продукцию, было решено создать на всей территории страны военно-промышленные комитеты³. В Наказе о порядке образования ВПК говорилось: "Целью военно-промышленных комитетов и их съездов является содействие правительственным учреждениям в деле снабжения армии и флота всеми необходимыми предметами снаряжения и довольствия"⁴.

Летом был образован Центральный военно-промышленный комитет (ЦВПК). Его возглавил октябрист А.И. Гучков, но преобладали в руководстве данной организации прогрессисты. Так, П.П. Рябушинский стал председателем крупнейшего в стране областного ВПК – Московского, а заместителем А.И. Гучкова был избран депутат IV Государственной думы прогрессист А.И. Коновалов.

Николай II официально утвердил "Положение о военно-промышленных комитетах" 27 августа 1915 г., следствием чего пошел процесс образования ВПК разных уровней (до 240). К марту 1917 г. они приняли к исполнению заказы на 600 млн р. и выполнили их в размере 300 млн р.⁵

Формированием ВПК завершился процесс образования крупнейших общественных организаций помощи фронту, которые летом 1915 г. активно заявили о своей политической позиции. Отступление российской армии, сложное внутреннее положение, подъем рабочего движения способствовали укреплению недовольства царским правительством. Атмосфера "патриотического единения" сменилась атмосферой "патриотической тревоги".

25–27 июля собрался I Всероссийский съезд представителей военно-промышленных комитетов. На первом же заседании П.П. Рябушинский объявил о претензиях русской буржуазии на власть: "Мы, промышленные силы России, имеем должный опыт, знания... мы уже переросли свои ученические годы и теперь ясно чувствуем ту страшную опасность, которая стоит перед Россией"⁶.

Одновременно на съезде столкнулись три точки зрения по поводу политического положения в стране. Радикально настроенные делегаты выступили с требованием "ответственного министерства". Лидер прогрессистов Государственной думе и участник прений И.Н. Ефремов заявил: "Пока не будет ответственно правительство перед народными представителями (депутатами Государственной думы. – Д. Л.), у нас не может быть уверенности, что дело станет лучше"⁷. Кадеты и А.И. Гучков, председательствовавший на съезде, агитировали за формулу "министерства доверия". Часть делегатов вообще высказались против обсуждения политических вопросов, настаивая на деловой работе. Представитель Кузнецкого ВПК Ф.И. Бобылев говорил: "Зачем нам власть? Какая власть? Нам нужно работать, нам нужно дело делать"⁸. Победила центристская линия. По предложению А.И. Гучкова от имени съезда Николаю II была послана телеграмма, в которой наряду с выражением верноподданнических чувств указывалось на невозможность победы без единения народа "с правительством, которое будет пользоваться общественным доверием"⁹.

На роль координационного центра либерально-консервативной оппозиции в конце лета 1915 г. выдвинулся сформированный из членов законодательных палат Прогрессивный блок, программа которого также предусматривала образование "министерства доверия"¹⁰.

Программные требования думского большинства поддерживали и общественные организации. Наибольшую активность проявляла группа либеральных промышленников во главе с П.П. Рябушинским. На экстренный съезд представителей военно-промышленных комитетов Московского региона, состоявшийся 25 августа 1915 г., кроме членов областного ВПК, прибыли и делегаты 34 местных комитетов. Всего присутствовало около 100 человек¹¹. Собрание открылось речью П.П. Рябушинского, в которой он заявил: "...наша задача – теперь – давлением на центральную власть добиться о власти исполнения соответствующего направления". Оратор призвал участников съезда обратить внимание на "устройство правительственной власти", указав, что "сейчас у власти стоят люди, которые не в состоянии руководить сложным делом обороны". Собравшиеся единогласно приняли предложенную П.П. Рябушинским резолюцию с требованием немедленного

призвания "облеченных общественным доверием лиц в Совет министров"¹². Но царизм не пошел на уступки.

Образованные в конце 1915 г. при ЦВПК, а также при ряде областных комитетов рабочие группы по замыслу А.И. Гучкова и А.И. Коновалова должны были придать видимость единства между предпринимателями и рабочими в оборонном деле. Оппозиционные деятели в то же время думали таким образом приобщить представителей пролетариата к борьбе с правительством под своими лозунгами. Рабочие, однако, разгадали уловку промышленников, и первые выборы в рабочую группу при Центральном военно-промышленном комитете закончились провалом: пролетарские делегаты большинством голосов высказались против участия трудящихся в организациях крупной буржуазии¹³. Тогда А.И. Гучков и его соратники пошли на соглашение с социалистами-оборонцами и провели повторные выборы, состоявшиеся только тогда, когда пробольшевистски настроенные рабочие покинули место их проведения. В итоге в выборах приняли участие 109 делегатов из намечавшихся первоначально 218, т. е. половина¹⁴. Данный факт позволил впоследствии большевикам утверждать, что вторые выборы были незаконными и рабочая группа не может считаться выразителем интересов петроградского пролетариата.

В начале 1916 г. ЦВПК занял по отношению к царскому кабинету критическую линию. 26–29 февраля 1916 г. состоялся II Всероссийский съезд представителей военно-промышленных комитетов. О своих политических требованиях делегаты заявили в резолюции по продовольственному вопросу. По их мнению, единственным выходом из кризиса являлась "немедленная реорганизация власти на началах ответственности ее перед народным представительством"¹⁵. Таким образом радикальной группе – прогрессистам и левым кадетам – удалось навязать съезду свою политическую платформу.

Собрание приняло и некоторые поправки к резолюции, предложенные делегатами рабочих групп. Одна из них требовала "реорганизации народного представительства (*Государственной думы*. – Д. Л.) на началах всеобщего и равного избирательного права с тайной подачей голосов", другая призывала к реформированию органов местного самоуправления на тех же принципах, а также распространению их на всю территорию империи¹⁶.

Съезд послал телеграмму председателю Государственной думы М.В. Родзянко, в которой призвал депутатов добиваться образования "ответственного министерства, способного в единении и сотрудничестве с организованными творческими силами народа довести войну до победы"¹⁷.

Обсуждение проблем, поднятых на форуме ВПК, продолжилось на съездах ВЗС и ВСГ, где был одобрен проект единого руководящего центра общественных организаций по "продовольственному делу". Так, либералы хотели возродить "Союз союзов" образца 1905 г. – общероссийское объединение профессиональных организаций для борьбы с царским правительством¹⁸. Для этого было решено также воспользоваться идеей рабочей группы Центрального ВПК о созыве рабочего съезда для учреждения Рабочего союза. Планировалось создание также Торгово-промышленного союза.

Для подготовки созыва рабочего съезда при рабочей группе ЦВПК была учреждена специальная комиссия, которая наметила программу предполагаемого форума и его устав. Планировалось вынести на обсуждение следующие вопросы: о политическом положении, дороговизне жизни, продовольственном кризисе и т. п. Кроме представителей провинциальных рабочих групп, профсоюзов и кооперативов, на съезд могли быть допущены по приглашению организационного комитета все лица, "могущие оказать содействие в работе"¹⁹. Тем самым по замечанию Департамента полиции "качественный состав участников съезда зависел бы исключительно от усмот-

рения революционно настроенной группы, стремящейся к ниспровержению установленного в России основными законами государственного строя"²⁰. Опасаясь роста революционных настроений, правительство запретило дальнейшую подготовку рабочего форума.

Избегая непосредственных революционных действий, рабочая группа при Центральном военно-промышленном комитете направила обращение к Государственной думе с требованием свободы рабочих организаций, в котором говорилось: "...свобода рабочих организаций, объединяя массы, без сомнения, способна будет уничтожить наблюдающийся теперь стачечный хаос и введет конфликт между предпринимателями и рабочими в определенное русло"²¹. Однако деятельность рабочей группы вызвала большие нарекания не только со стороны правительства, но и со стороны предпринимателей. Так, она стала одним из препятствий на пути образования Торгово-промышленного союза.

Инициатива создания всероссийского объединения предпринимателей принадлежала представителям радикальной части крупной московской буржуазии и ЦВПК, который и ранее пытался подчинить себе всю мобилизованную промышленность. По сведениям полицейских источников известно, что в конце марта – начале апреля 1916 г. в Москве и Петрограде состоялось несколько совещаний по вышеупомянутому вопросу. Одно из них происходило на квартире товарища председателя Московского военно-промышленного комитета С.Н. Третьякова. В ответ на 120 разосланных ранее приглашений явилось всего 25–30 человек, главным образом представлявших среднюю буржуазию²². План создания Торгово-промышленного союза, выработанный общественными деятелями, пришедшие не поддерживали. Позицию средних предпринимателей хорошо обосновал присутствовавший на собрании издатель газеты "Русское слово" И.Д. Сытин, отметивший, что российские промышленники и торговцы не прочь "сложиться в мощную всероссийскую организацию", но они не желают идти на поводу у "интеллигентов и политических теоретиков" из руководства ВПК. По его мнению, оппозиция хотела "оседлать" предпринимателей и навязать чуждые им цели, в т. ч. пойти на уступки в рабочем вопросе. "И выйдет объединение на свою же голову, объединение против своих же интересов", – заявлял И.Д. Сытин²³. Средняя буржуазия не была готова отказаться от части прибыли ради изменения политического режима в стране. Проект образования Торгово-промышленного союза на данном этапе оказался неосуществимым.

На резолюции съездов общественных организаций и попытку восстановления "Союза союзов" Совет Министров ответил репрессиями: 7 апреля 1916 г. на заседании кабинета было решено впредь не допускать созыва каких-либо неправительственных форумов.

Руководящие круги ЦВПК попытались найти опору среди высшего командного состава российской армии. В августе 1916 г. А.И. Гучков направил несколько писем начальнику штаба верховного главнокомандующего М.В. Алексееву с критикой царского правительства, которое, по мнению главы Центрального ВПК, мешало общественным организациям наращивать помощь фронту. Особенно нападал А.И. Гучков на председателя Совета Министров и министра иностранных дел Б.В. Штюрмера, у которого, по его словам, в обществе была репутация "если не готового уже предателя, то готового предать"²⁴. Руководитель ЦВПК не предлагал М.В. Алексееву конкретного плана действий, однако предупреждал его, что политика кабинета может свести к нулю все усилия России в войне. Таким образом, он как бы подталкивал высшее командование армии к решительным действиям против правительства, обещая последующую поддержку со стороны военно-промышленных комитетов.

К сентябрю 1916 г. спад политической активности общественных организаций сменился новым подъемом. А.И. Коновалов снова попытался привлечь на сторону оппозиции торгово-промышленные круги, стараясь примирить их с рабочими организациями ради совместного давления на правительство. В середине сентября он выступил с речью перед московскими предпринимателями. Лидер прогрессистов в самых мрачных красках обрисовал ситуацию в империи и "на основании сведений, якобы имеющихся в Центральном военно-промышленном комитете", заявил о неизбежности революционного движения после войны. "На правительство надеяться нечего, мы окажемся лицом к лицу с рабочими, – говорил А.И. Коновалов, – не лучше ли в таком случае путь соглашения, путь трезвых уступок как с одной, так и с другой стороны"²⁵. Посредническую роль между предпринимателями и пролетариатом, по его мнению, смогли бы сыграть ВПК, которые после окончания военных действий должны были приступить к демобилизации промышленности. По донесению начальника Московского охранного отделения данное выступление произвело сильное впечатление.

Кратковременное совещание уполномоченных областных и Центрального ВПК состоялось в Петрограде 14 декабря 1916 г. Представители военно-промышленных комитетов повторили заявленное ими ранее требование "ответственного правительства", после чего разъехались по настоянию полиции²⁶.

На определение тактики оппозиции сильно влияло также усилившееся рабочее движение. В записке, составленной петроградской полицией в начале 1917 г., отмечалось, что "идея всеобщей забастовки со дня на день приобретает новых сторонников и становится популярной, какой была и в 1905 году"²⁷. Стремясь предотвратить возможность активизации стачечной борьбы, правительство усилило репрессии против легальных рабочих организаций. В ночь на 27 января 1917 г. была арестована рабочая группа при ЦВПК.

Отметим, что проявлению левых настроений части рабочих способствовало руководство военно-промышленных комитетов. В частности, А.И. Гучков и его соратники, по сведениям полиции, высказывали перед ними свою уверенность в неизбежности дворцового переворота, утверждая при этом, что "армия – по их проверенным сведениям и данным – уже приготовилась и выражает намерение поддержать все выступления и требования негодующего народа". Данное поведение лидеров одной из крупнейших общественных организаций диктовалось, по мнению полицейских чиновников, боязнью остаться не у дел в случае революции, а также желанием возглавить постреволюционную власть²⁸.

Бюро ЦВПК в специальном разъяснении, утвержденном 31 января 1917 г., по поводу правительственного сообщения об аресте рабочей группы отметило, что те самые условия, которые толкали в политическую сферу представителей пролетариата, продолжают оказывать влияние на все общественные организации. "Расходясь подчас с рабочей группой в ее политических и социальных воззрениях, – говорилось в разъяснении, – Комитет в то же время согласен с этой группой в оценке нынешнего политического режима и правительственного курса и признает существующую власть неспособной обеспечить победу России над внешним врагом"²⁹.

После Февральской революции военно-промышленные комитеты поспешили признать Временное правительство. Так, Центральный ВПК 2 марта 1917 г. выпустил обращение к населению, в котором говорилось, что "для защиты страны необходимо создание единой временной власти, сильной доверием населения и армии". По мнению комитетчиков, такая власть могла исходить только от Государственной думы, так как только она

могла рассчитывать на авторитет в глазах "всей свободной страны, всей армии и доблестных союзников"³⁰.

Свержение царизма ускорило сближение руководящей элиты общественных объединений с напуганными революцией торгово-промышленными кругами. Сначала московские, а затем и все остальные предприниматели консолидировались во Всероссийский союз торговли и промышленности (ВСТП). 27 февраля был сформирован организационный комитет, который 1 марта от имени Московской купеческой управы издал свое воззвание, в котором подчеркивалась необходимость объединения средних и мелких предпринимателей "как в целях экономических..., так и в целях политического самоопределения и занятия торгово-промышленным классом в реформированной государственной жизни подобающего ему положения". Далее сообщалось о создании Московского торгово-промышленного союза, который по замыслу его творцов должен был являться "постоянным звеном между всеми существующими торгово-промышленными организациями, союзами и т. п.", чтобы подготовить консолидированное выступление российской буржуазии на Учредительном собрании³¹.

Завершилось формирование объединения торгово-промышленных деятелей 19–22 марта 1917 г., когда в Москве прошел учредительный съезд ВСТП, на котором был избран его Совет во главе с П.П. Рябушинским, а также политический отдел. В последний наряду с предпринимателями вошли представители либеральной, преимущественно кадетской, интеллигенции: Н.А. Бердяев, С.В. Лурье, С.А. Котляревский и др.³²

Однако сложившееся в России в ходе революции двоевластие поставило предпринимателей в сложное положение. Временное правительство не смогло стать действенной общественной силой, и в октября 1917 г. к власти пришли большевики. В условиях начинавшейся гражданской войны военно-промышленные комитеты были вынуждены прекратить свое существование.

¹ См.: Граве Б.Б. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. Июль 1914 – февраль 1917 г. Пролетариат и буржуазия. М.; Л., 1926; Самойлов Л. Буржуазные и буржуазно-дворянские организации России по обслуживанию империалистической войны // Пропагандист. 1938. № 11; Погребинский А.П. Военно-промышленные комитеты // Исторические записки. 1941. Т. 2.

² См.: Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914 – 1917). Л., 1967; Лаврычев В.Я. По ту сторону баррикад: Из истории борьбы московской буржуазии против революции. М., 1976; Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Борьба вокруг "ответственного министерства" и "правительства доверия". Л., 1977; Кризис самодержавия в России, 1895–1917 / Отв. ред. В.С. Дякин. Л., 1984.

³ Гутерц А.В. Военно-промышленные комитеты // Отечественная история: Энциклопедия: В 5 т. / Гл. ред. В.Л. Янин. М., 1994. Т. 1. С. 425.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 45. Оп. 1. Д. 22. Л. 11.

⁵ Барышников М.Н. Деловой мир России: Историко-биографический справочник. СПб., 1998. С. 96.

⁶ ЦВПК. Труды Съезда Представителей Военно-Промышленных Комитетов. 25–27-го июля 1915 года. Пг., 1915. С. 36.

⁷ Там же. С. 67.

⁸ Там же. С. 43.

⁹ Там же. С. 82.

¹⁰ Российские либералы: кадеты и октябристы / Сост. Д.Б. Павлов, В.В. Шелохаев. М., 1996. С. 76–77.

¹¹ Буржуазия накануне Февральской революции / Под общ. ред. Б.Б. Граве. М.; Л., 1927. С. 24.

¹² Там же. С. 26.

¹³ РГИА. Ф. 45. Оп. 1. Д. 92. Л. 4.

¹⁴ Там же. Л. 4–5.

¹⁵ РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2015. Л. 71.

¹⁶ Там же. Л. 72.

¹⁷ Там же. Л. 83.

¹⁸ Буржуазия... Указ. пр. С. 95–96.

- ¹⁹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 569. Оп. 13. Д. 22а. Л. 112–113 об.
- ²⁰ Лемке М. 250 дней в царской Ставке (25 сентября 1915 – 2 июля 1916 г.). Пг., 1920. С. 781.
- ²¹ РГИА. Ф. 45. Оп. 1. Д. 92. Л. 59.
- ²² Буржуазия... Указ. пр. С. 99.
- ²³ Там же. С. 100.
- ²⁴ Дом Плеханова Российской Национальной библиотеки. Ф. 482. Оп. 1. Д. 64. Л. 3.
- ²⁵ Буржуазия... Указ. пр. С. 140.
- ²⁶ РГИА. Ф. 45. Оп. 1. Д. 110. Л. 14.
- ²⁷ Буржуазия... Указ. пр. С. 172.
- ²⁸ Там же. С. 174.
- ²⁹ РГИА. Ф. 45. Оп. 1. Д. 92. Л. 93–94.
- ³⁰ Февральская революция 1917 года: Сб. док. и материалов / Сост. О.А. Шашкова. М., 1996. С. 190.
- ³¹ РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 205. Л. 1.
- ³² Барышников М. Н. Указ. соч. С. 103.

Дмитрий Сергеевич Лавринович – аспирант кафедры истории России. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент С.В. Позняк.

В.И. МЕНЬКОВСКИЙ

АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ СОВЕТОЛОГИЯ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР

Интерес к советской истории сохранился в англо-американском академическом сообществе и после глобальных изменений, происшедших в СССР. Курсы, связанные с изучением Советского Союза и Восточной Европы, были организованы в 1990 г. более чем в 250 университетах и колледжах США¹. В Американскую ассоциацию углубленных славянских исследований (American Association for the Advancement of Slavic Studies – AAASS), включая все секции и филиалы, в 2000 г. входили около 5000 членов из США и других стран². Ассоциация имела девять филиалов в различных регионах США, проводивших академические встречи, научную и образовательную деятельность, и двадцать восемь филиалов, специализирующихся на определенных темах и областях в рамках предмета исследований. Секции были представлены, например, Американской ассоциацией украинских исследований, Ассоциацией женщин в славянских исследованиях, Ассоциацией исследований славянской древности, Ассоциацией славянского и восточноевропейского фольклора; Обществом историков-исследователей восточноевропейского и российского искусства и архитектуры. В Канадскую ассоциацию славистов (Canadian Association of Slavists – CAS) входили преподаватели славистики и родственных дисциплин, которые занимались исследованиями в одном из образовательных учреждений Канады³.

В Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии Британская университетская ассоциация славистов (British University Association of Slavists) и Национальная ассоциация советских и восточноевропейских исследований (National Association for Soviet and East European Studies), созданные в 1989 г., объединились в Британскую ассоциацию славянских и восточноевропейских исследований (British Association for Slavonic and East European Studies – BASEES). Шотландское общество российских и восточноевропейских исследований было создано в 1994 г. Британская ассоциация славянских и восточноевропейских исследований, организованная в 2000 г. и включавшая около 600 человек⁴, активно сотрудничала с правительством, другими ассоциациями и отдельными университетами.

Крупный вклад в изучение России и СССР внесли англо-американские исследовательские центры, которые привлекли к работе известных ученых из многих стран, в том числе из бывшего Советского Союза, и создали соб-

ственную структуру подготовки кадров. Они существовали в 1990-е гг. во всех четырех странах англо-американского сообщества, ведущую роль среди них играли американские центры славянских и российских исследований. Это объясняется прежде всего отлаженной системой подготовки кадров, большим количеством специалистов и благоприятными условиями, в которых они работали. Все центры получали значительную материальную поддержку как со стороны государства, так и от различных частных фондов, без чего их деятельность была бы практически невозможна. В США в 2000 г. действовали более 30 центров российских и славянских исследований, в Австралии и Канаде – по 2, в Великобритании – 9.

Создание научно-исследовательских центров, образование американской, британской и канадской ассоциаций славистов потребовали развития и расширения библиотечной и архивной базы. Англо-американские библиотеки после Второй мировой войны собрали богатейшие коллекции литературы и документов, относящихся к российской и советской истории. Коллекции Публичной библиотеки в Нью-Йорке и библиотеки Конгресса США в Вашингтоне являются крупнейшими собраниями материалов для изучения России и СССР за пределами Российской Федерации и доступны каждому исследователю. Межбиблиотечные связи обеспечивают ученым доступ к любым материалам в США и в части Западной Европы.

В Великобритании осуществляется с 1999 г. трехгодичный проект сотрудничества библиотек по приобретению материалов славянских и восточноевропейских исследований. В Интернете создается единая поисковая система для работы с базой данных научных российских и восточноевропейских исследований; составляются «онлайновые» списки материалов, находящиеся в библиотеках Соединенного Королевства, европейская библиография славянских и восточноевропейских исследований⁷.

В 1990-е гг. многие библиотеки начали координировать свою деятельность на более высоком уровне, было создано несколько консорциумов, объединивших книжные хранилища США и Канады. Так, в 1993 г. был основан Консорциум славянских коллекций библиотек Восточного побережья (East Coast Consortium of Slavic Library Collections), а в 1995 г. – Консорциум славянских и восточноевропейских библиотек Тихоокеанского побережья (Pacific Coast Slavic and East European Library Consortium).

Консорциум славянских коллекций библиотек Восточного побережья был основан для координации деятельности библиотек Колумбийского, Гарвардского, Корнельского, Йельского, Принстонского университетов и Публичной библиотеки Нью-Йорка. Усилия учредителей были направлены на формирование и расширение коллекций; проведение новых закупок без неоправданного дублирования материалов; подготовку справочной литературы и составление описаний коллекций; совместный поиск источников финансирования; идентификацию электронных ресурсов славянских и восточноевропейских исследований. Координационный центр консорциума находится в Принстонском университете.

Членами Консорциума славянских и восточноевропейских библиотек Тихоокеанского побережья являются библиотеки Гавайского университета и университетов Стэнфорда, Аризоны, Калифорнии, Орегона, Сиэтла, Британской Колумбии. Консорциум был создан для содействия славянским исследованиям в Северной Америке и расширения их научной базы, обеспечения прямого доступа преподавателям и студентам каждого университета к его библиотечным ресурсам, обмена профессиональной информацией. Области сотрудничества включают формирование коллекций, новые приобретения, составления каталогов, хранение документов, библиографический контроль и другие технические услуги. Консорциум координирует со-

вместное приобретение и создание баз данных, дорогих коллекций микроформ, микрофильмов и репринтных материалов.

Однако в 1990-е гг., несмотря на серьезное упрочение институциональной базы, особое внимание было привлечено к советологии как научной дисциплине. Распад СССР и связанные с этим события вызвали бурную полемику в академической среде, породили очень разные оценки состояния науки, изучающей СССР, ее прошлого, настоящего и будущего. Центральной проблемой споров о заслугах и неудачах советологии стал вопрос о том, можно ли было применять к СССР методологические принципы, используемые в западном обществоведении. Был ли Советский Союз уникальным явлением и, следовательно, требовал собственных методов исследования? Ученые также дискутировали вопрос о том, насколько был применим дисциплинарный подход или требовалось междисциплинарное изучение региона.

Вопрос о будущем советологии также вызвал очень разные ответы. Для некоторых исследователей ответ представлялся простым: советология потеряла свой объект и ее история закончилась вместе с исчезновением Советского Союза⁶. А. Ноув задавался вопросом: «Что же дальше? Невозможно быть советологами при отсутствии Советского Союза. Невозможно заниматься сравнением двух систем, если одна из этих систем исчезла. Как переименовать наш журнал «Советские исследования» и различные научные центры? Люди моего поколения (я родился в 1915 г.) сходят со сцены. А что будут делать наши аспиранты последних лет? Это уже не будет советология»⁷. (Здесь и далее – перевод с английского В. М.)

Многие авторы оценили состояние советологии как кризисное, раздавались голоса о ее бесперспективности, даже предлагалось использование нового термина «постсоветология». Р. Тарас в предисловии к редактируемому им сборнику «Справочник политологических исследований Советского Союза и Восточной Европы» пишет, что в книге «будет предпринята попытка дать критическую оценку советологии – дисциплине, которая существовала, но теперь исчезла»⁸. В данном случае сказалось влияние советологов-политологов, поскольку для этой категории исследователей СССР стал «бывшим», в то время как для историков Советский Союз остается предметом исследования, который из истории не может исчезнуть никогда.

Наиболее резкой критической оценке советология была подвергнута М. Малиа, чья критическая статья «Из-под руин, что?» послужила объектом длительных споров в академических кругах⁹. Основным объектом критики стало ревизионистское течение советологии, в адрес представителей которого звучали упреки в переоценке потенциала Советского Союза, прочности его политической системы. На советологов-ревизионистов возлагалась ответственность за подверженность влиянию советской пропаганды и «розовое» представление о Советском Союзе. Говорилось о том, что они были более критичны по отношению к собственным (западным) странам, чем по отношению к СССР. Р. Дэниэлс, выступая в защиту ревизионистов, даже говорил о том, что если раньше западные советологи видели свою миссию в том, чтобы отстоять реальное освещение советской истории от коммунистических фальсификаций, то сегодня, кажется – в недопущении искажений, создаваемых сторонниками противоположного политического направления¹⁰.

Сторонники «жесткой линии» в советологии считали, что путч 1991 г. преподал Западу ценный урок – Советский Союз нельзя было сравнивать с западными демократиями. Чрезвычайно резкий тон по отношению к своим

⁶ Следует отметить, что эта полемическая статья оказалась в числе нескольких переведенных на русский язык среди множества англоязычных публикаций начала 1990-х гг., посвященных проблемам советологии. Малиа М. Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии // Отечественная история. 1997. № 5. С. 93–109.

предшественникам избрали молодые авторы сборника «После советологии: политические и исторические эссе»¹¹. С иронией отзывался о ситуации в советских исследованиях А. Брумберг, писавший, что «с распадом Советского Союза и всей советской империи некоторое время казалось, что проби́л час и для советологии... К счастью, страхи оказались необоснованными. Многие советологи в США и за рубежом перевооружились, став "постсоветологами". Появились новые журналы, например "Постсоветские события", были переименованы академические институты. И старая профессия получила новую путевку в жизнь»¹².

Поток критицизма по отношению к ученым, оказавшимся неспособными предсказать падение СССР (именно это звучало как главное доказательство недееспособности советологии), имел и положительные, и отрицательные стороны. Тезис о том, что летопись «советских и российских исследований» содержит полезные уроки для научного мира, должен послужить отправной точкой для некоторого методологического ревизионизма в общественных науках и в целом представляется справедливым. Но «главное обвинение», с нашей точки зрения, с советологии можно снять. Предсказательную функцию научной дисциплины можно вывести за рамки этой дискуссии. Это предмет особого анализа, связанного как с предсказательными возможностями обществоведения в целом, так и с конкретной советской ситуацией начала 1990-х гг. С нашей точки зрения, Г. Сани справедливо подчеркивал, что исследователи СССР должны быть более снисходительны к собственной неспособности предсказать события, о которых они имели недостаточную информацию, и должны ценить предшествующие успехи в изучении СССР, вместо того чтобы впадать в неконструктивный критицизм¹³. Распад Советского Союза оказался неожиданностью как для большинства советских политиков и ученых, так и для англо-американских специалистов.

Новым направлением западной историографии 1990-х гг. стало изучение сталинской репрессивной политики в отдельных регионах Советского Союза, что отражало общую тенденцию развития исторической науки, во все большей степени переходившей от изучения общего к частному. Советологи отставали от этой всемирной тенденции, поскольку не имели доступа к необходимым архивным материалам. В последнее десятилетие были опубликованы исследования о финских иммигрантах в Карелии, депортации корейцев с Дальнего Востока, лагерях ГУЛАГа на Урале¹⁴. Работы такого рода позволяли достичь более глубокого и детального анализа функционирования системы, разрушали представление о советском обществе как о монолите и стали важной составляющей изучения локальной истории сталинского периода.

Одними из первых исследований сталинизма «на местах» стали книги А. Рассвейлер «Генерация власти: История Днепростроя» и К. Меридейл «Московская политика и усиление Сталина: Коммунистическая партия в столице»¹⁵. На примере Днепростроя А. Рассвейлер иллюстрировала эволюцию партийных целей и политики модернизации, трудности практической реализации этих плохо продуманных задач и хаотичный характер советской модернизации. К. Меридейл показала, что даже в столице большевики оказались неспособны создать эффективную администрацию. Хотя во время написания работ партийные архивы были в основном недоступны, авторы показали, как много может быть найдено в местной периодике, стенограммах региональных партийных конференций и государственных архивах.

Примером значимости изучения отдельных составляющих для выработки общей концепции понимания сталинизма может служить монография Е. Риса «Сталинизм и советский железнодорожный транспорт. 1928–1941 гг.»¹⁶. Автор, используя архивный материал, рассмотрел роль народ-

ных комиссариатов и их руководителей в выработке политических вопросов, что позволило ему дать оценку советологическим концепциям изучения сталинизма.

Серьезный резонанс в англо-американской советологии вызвала работа С. Коткина «Магнитка: Сталинизм как цивилизация»¹⁷, в которой дан анализ сталинизма как «цивилизации», сложной общественной системы с «новыми отношениями собственности, социальной структурой, организацией экономики, политической практикой и языком», сознательно созданной как антипод капиталистической системы. С его точки зрения, сталинская система поддерживалась не только государственной машиной, но и более тонкими механизмами власти, регулировавшими повседневную жизнь. Выходя за узкие рамки политического понимания власти, С. Коткин использовал лингвистический подход для анализа взаимоотношений власти и общества. Концепция тесной связи языка и власти, так называемый «лингвистический поворот», составляла основу его методологии. Автор писал, что «сталинизм должен рассматриваться не просто как сочетание институтов, персоналий и идеологии, а как совокупность властных символов, отношений, языка и новых форм речи, новых форм поведения в обществе и частной жизни, даже нового стиля одежды, т. е. всего, что дает возможность понять новую цивилизацию, называемую социализмом»¹⁸.

В первой части книги «Строящийся социализм» С. Коткин описывал Магнитогорск как модель большевистских планов по преобразованию общества. Во второй части «Реальный социализм» анализировал реакцию строителей и жителей города на планы руководства, пути выполнения этих планов и сопротивления им. Хотя реальные результаты зачастую оказывались весьма далеки от намеченных, С. Коткин считал, что действия населения Магнитогорска в основном укладывались в рамки, предписываемые большевистской идеологией. В наиболее важной главе монографии «Язык большевиков» автор показывал процесс советизации различных общественных групп, участвовавших в строительстве города, их приспособление к «большевистскому языку». Полностью зависимые от государства жители Магнитогорска, как и всей страны, были вынуждены соблюдать навязанные сверху «правила игры» для улучшения или сохранения своего социального статуса. С. Коткин был убежден, что, за исключением небольшой группы искренних сторонников коммунистической партии, основная масса населения соблюдала «правила игры» из чисто прагматических соображений, приобретая навыки «двоемыслия» (по выражению Дж. Оруэлла), без которого невозможно было существовать в условиях сталинизма.

В исследованиях, опубликованных в последние годы, отразился и широкий спектр взглядов на будущее советологии в англо-американской академической среде. Следует обратить внимание на ряд коллективных работ 1990-х гг., таких как «После советологии: политические и исторические эссе», «Посткоммунистические исследования и политическая наука: методология и эмпирическая теория в советологии», «После советских исследований», «Переосмысливая советский крах: советология, смерть коммунизма и новая Россия»¹⁹. В сборнике «После советских исследований», например, для редактора Д. Орловски область изучения имеет прошлое и будущее, но с точки зрения одного из авторов М. Левина, «совершенно очевидно – СССР больше нет, следовательно, нет и советологии, речь может идти только о бывшей советологии»²⁰. А. Буравой, в целом разделяя такую точку зрения, высказывал мнение, что советология может сохранить за собой функции изучения прошлого. «Советология по определению имела дело с Советским Союзом... Его исчезновение означает, что советология может изучать только прошлое»²¹. Нам представляется, что такая позиция точнее всего отражает реальную ситуацию сегодняшнего дня и позволяет оставить

в прошлом споры о приоритете той или иной общественной науки в рамках советологии.

Исторические дисциплины во всем их многообразии составляют сегодня основу советологии. Интеграция с общественными и политическими науками в методологических вопросах необходима, междисциплинарные подходы, безусловно, могут обогатить проводимые исследования, но изучение комплекса советских проблем будет вестись в рамках исторической науки. Использование в последние годы целого ряда недоступных ранее источников позволяет говорить о реальных перспективах советологии как исторической дисциплины в англо-американском академическом сообществе.

¹ См.: Major Research Centers, Institutes and Programs in Soviet, Russian and East European Studies // Handbook of Political Science Research on the USSR and Eastern Europe: Trends from the 1950's to the 1990's. Westport, 1992. P. 318.

² См.: AAASS Website. <http://www.fas.harvard.edu/~aaass/>

³ См.: Canadian Association of Slavists. <http://www.utoronto.ca/slavic/cas/>

⁴ См.: BASEES. <http://www.gla.ac.uk/External/basees/index.html>

⁵ См.: <http://carousel.lis.uiuc.edu/%7Eebsees/search.htm>

⁶ См.: Sakwa R. Russian Studies: The Fractured Mirror // Politics. 1996. № 16. P. 175–176.

⁷ Ноув А. Экономическая советология в Великобритании и Америке // <http://www.ise.spb.ru/science/Nove/sovology.html>

⁸ Handbook of Political Science Research on the USSR and Eastern Europe: Trends from the 1950's to the 1990's. Westport, 1992. P. 4.

⁹ См.: Malia M. From Under the Rubble, What? // Problems of Communism. 1992 January–April. Vol. 41. Is. 1–2. P. 89–106.

¹⁰ См.: Daniels R. Lenin, Trotsky and Stalin: The Intelligentsia in Power // The Russian Review. 1994. № 7.

¹¹ См.: Beyond Sovietology: Essays in Politics and History. Armonk, 1993.

¹² Brumberg A. Sic Transit Post-Sovietology // The Nation. 1996. Jan. 29.

¹³ См.: Suny R. A Second Look at Sovietology and the National Question // AASS Newsletter. 1993. Vol. 33. Is. 3. P. 1–2.

¹⁴ См.: Gelb M. Karelian Fever: The Finnish Immigrant Community During Stalin's Purges // Europe-Asia Studies. 1993. Vol. 45. Is. 6. P. 1091–1016; Gelb M. An Early Ethnic Deportation: The Far-Eastern Koreans // The Russian Review. 1995. Vol. 54. Is. 7; Harris J. The Growth of the Gulag: Forced Labour in the Urals Region, 1929–31 // Ibid. 1997. Vol. 56. Is. 2. P. 265–280.

¹⁵ Rassweiler A. The Generation of Power: The History of Dneprostroi. New York, 1988; Merridale C. Moscow Politics and the Rise of Stalin: The Communist Party in the Capital, 1925–1932. New York, 1990.

¹⁶ См.: Rees E. Stalinism and Soviet Rail Transport, 1928–1941. New York, 1995.

¹⁷ См.: Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995.

¹⁸ См.: Ibid. P. 14.

¹⁹ См.: Beyond Sovietology: Essays in Politics and History. Armonk, 1993; Post-Communist Studies and Political Science: Methodology and Empirical Theory in Sovietology. Boulder, 1993; Beyond Soviet Studies. Washington; Baltimore, 1995; Rethinking the Soviet Collapse: Sovietology, the Death of Communism and the New Russia. London; New York, 1998.

²⁰ Beyond Soviet Studies. Washington; Baltimore, 1995. P. 56.

²¹ Ibid. P. 78.

Вячеслав Иванович Меньковский – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России.

О.С. ПАВЛОВА

БИОЭТИКА И ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ В ДИНАМИКЕ СОВРЕМЕННОГО ПОЗНАНИЯ ЖИВОГО

Бурное развитие наук во второй половине XX в. способствовало появлению фундаментальных открытий в области биологии: обнаружение и расшифровка генетического кода, основных звеньев синтеза белка, многих метаболических процессов в живой клетке. Была начата интенсивная работа по расшифровке генома человека, растений и животных. Динамическое развитие современного биологического познания позволило установить молекулярные основы живого и подойти к решению трех основных проблем биологии: раскрытию сущности и механизмов происхождения жизни, ее изменчивости и эволюции.

Вместе с тем происходит и радикальное изменение самого облика биологии как науки, ее места и роли в системе научного знания, углубление взаимосвязи теории биологии и практики, смыкание теоретико-биологической проблематики с философской. Анализ специфики современного биологического познания, его прямых и обратных связей с «точными» и гуманитарными дисциплинами позволяет сделать вывод о глубокой разносторонней социализации целей современных биологических исследований, о всевозрастающей роли потребностей интеграции знания в общественную практику, в апробации стратегических направлений деятельности человека в сфере живой природы. В отечественной философско-методологической литературе последней трети XX в. показано, что естествознание вступает в новую историческую фазу своего развития – переходит от неклассической на уровень постнеклассической науки (В.С. Степин). Если соотнести все вышесказанное с конкретными процессами развития, происходящими в биологии в конце XX ст., то можно заметить, что именно биология становится лидером естествознания, изменяя при этом свою динамику развития. Выражением эволюционной тенденции от неклассической к постнеклассической биологии являются следующие процессы:

1. Укрепление взаимосвязи биологии с точными и гуманитарными науками.
2. Развитие комплексных и междисциплинарных исследований.
3. Объединение информационных каналов теоретического познания живого с прикладной сферой деятельности, прежде всего с глобальными проблемами современности. Таким образом, непосредственным основанием исследовательской деятельности в биологии все в большей степени выступают практические потребности, интересы и запросы общества.
4. Приоритетная роль биологии по отношению к аграрной, медицинской, фармакологической деятельности.
5. Проявление гуманистического начала биологического познания, широкое внедрение ценностных подходов и возрастание ответственности уче-

ных-биологов за судьбы человечества в связи с углублением медико-биологических и биотехнологических исследований.

На современном этапе развития биологии научные открытия, в отличие от прошлого, активно находят свое применение на практике, быстро реализуются, что свидетельствует о необходимости обращения исследователей к конкретным нравственным вопросам, которые возникают часто при решении специфических проблем медико-биологической направленности. *"Этос науки" приобретает в рамках постнеклассицизма особое значение – познание живого должно быть ориентировано не только на благо людей, но и на благо всего живого.* Таким образом, одним из основных параметров развития постнеклассической биологии становится изменение ее социально-нравственного статуса. Большинство ученых осознают возрастание роли нравственного фактора в естествознании. Они подчеркивают необходимость решения социально-нравственных задач для внутреннего развития биологии. Удивительно разносторонний ученый-биолог А.А. Любищев отмечал: "Сегодня в биологии невозможно нигилистическое отношение к этическим ценностям... Этические, ценностные проблемы биологии и философии тесно переплелись и перестали быть уделом удалившихся от жизни чудачков. Эти проблемы сегодня затрагивают такие стороны нашей жизни, которые не могут быть безразличны даже самым крайним прагматикам"¹.

Учитывая тот факт, что современная постнеклассическая биология оказывает существенное воздействие на этическое мышление и трактовку этических ценностей, вылившееся в создание специфической научной отрасли – *биоэтики*, можно констатировать, что идет процесс преобразования мировоззренческой функции биологии в целом. Усиление роли мировоззренческой направленности непосредственно связано с изменением места биологии в системе наук, преодолением ценностно-нейтрального статуса и с появлением социально значимых тенденций в рамках биологического исследования. "Социальный заказ" (к примеру, генетика человека) потребовал от биологии сращивания с философскими дисциплинами и более детального исследования социальных параметров жизнедеятельности человека. Буквально на глазах одного поколения появляются такие дисциплины, как: биоэтика, экологическая этика, социобиология, социогенетика и многие другие. Данные процессы, по нашему мнению, могут свидетельствовать о появлении необходимости глубокого философского анализа междисциплинарных тенденций в развитии биологического знания и создания целостной исследовательской стратегии с учетом включения моральных и социально значимых норм в биологическую науку. Основы такого научно-практического и теоретического осмысления постнеклассических динамик в биологии закладываются в рамках биологической этики. Тридцатилетний опыт развития этого междисциплинарного направления позволяет констатировать тот факт, что возникновение биоэтики как самостоятельной отрасли знания не было случайным. Прежде всего оно обусловлено общими динамическими процессами в развитии естествознания, смыканием его с социогуманитарными дисциплинами, а также назревшим нравственным переворотом в научном познании.

Главным вектором эволюционных изменений можно считать сближение интересов науки и потребностей человека. Б.Г. Юдин использует для характеристики данной тенденции емкий термин "обволакивание человека наукой", погружения в мир, проектируемый и обустриваемый наукой и техникой. Научно-технический прогресс не только "приближается к человеку извне, но и как бы изнутри, делая человека своим производением, ... <...> ... проектируя и, собственно, его (генетические, эмбриологические, клональ-

ные исследования)². Сам человек становится объектом исследовательской деятельности в различных естественнонаучных областях.

По мере того как биология вырабатывает все более тонкие и эффективные средства воздействия человека на окружающую среду, усиливается опасность разрыва человечества с биотой, вырождения и даже его гибели, а также нарушения стабильности в самой биосфере. Именно эта опасность гибели живого на Земле задает и усиливает необходимость выработки новой этики науки. В расширенном понимании биоэтика связывается не только с новыми технологиями, правами человека, прогностикой развития человечества, но также и с концепцией целостности и самоценности Жизни. А.И. Зеленков и П.А. Водопьянов констатируют, что "человечество находится в начале нового этапа своего развития, когда возможности расширения ойкумены исчерпаны и адаптация человека к новым условиям требует новых ценностей, перестройки традиционных нравственных принципов отношения к природе"³. Таким образом, кризис мировоззренческой парадигмы антропоцентризма, породивший глубинные сдвиги в общественном сознании, его эволюцию к биоцентристским началам, можно признать одним из важнейших оснований биологической этики.

Обращаясь к вопросу целостных оснований биоэтики, отметим, что в литературе до настоящего момента не существует единого мнения по данной проблеме. Поскольку сфера морали безбрежна, в качестве источников биологической этики можно рассматривать множество феноменов. Согласно нашему методологическому подходу моральное сознание формируется на базе развитой культуры и сложившихся этических ценностей. Это позволяет выделить **три группы** источников биологической этики:

1. Основания аксиологического содержания, к которым отнесем: обычаи, мифы, протомораль, преобразующуюся постепенно в естественное право, которое в сфере биоэтики находит свое выражение в виде естественного права человека на здоровую жизнь, естественного права распоряжаться по своему желанию собственным организмом (моральные проблемы трансплантологии, клонирования и т. д.), даже права на достойный уход из жизни (этические затруднения в эвтаназии).

2. Гносеологические основания, в которые включается анализ этических феноменов и систем, предшествующих в историческом плане современной биоэтике (философские учения И. Канта, Г. Плеснера, К. Поппера, отчасти направления в русской философии космизма: И.А. Ильин, Н.А. Умов, П.В. Бадмаев, В.С. Соловьев, Н.Ф. Федоров, Н.О. Лосский, А.А. Любичев и др.).

3. Практиологические основания, куда отнесем анализ реальных тенденций общественных изменений в социокультурных областях, в науке, в частности, в медико-биологическом исследовании, в здравоохранении в целом.

Биоэтика служит ярчайшим примером со-творчества, областью соединения науки, философии и права. Отметим, что влияние права, правовой системы, правового сознания на науку и ее ценности является малоизученной областью как в отечественной, так и в зарубежной традициях. В динамике современного биоэтического дискурса наблюдается устойчивая тенденция дополнения моральных регуляций правовыми. Современный этос биоэтики сформирован парадигмой этико-правового контроля, причем сфера действия юридических аргументов биологической этики значительно расширена. С момента утверждения Советом Европы "Конвенции о правах человека и биомедицине" (19.11.1996) юридические основания биоэтики получили закрепление в международном праве. Современная наука опережает жизнь, ритм которой определяется традициями права, морали, повседневности.

Генетическая, хромосомная, эмбриональная инженерия, алло-и-ксено-трансплантации, клонирование совершают кардинальные изменения в нашей жизни. Возникающие в ходе их развития проблемы выходят за рамки науки, затрагивая сферы не только морали, но и права, законные устои социума. Глубинные исследования человеческого бытия должны базироваться не только на моральной интуиции ученого-естествоиспытателя, но также они должны проводиться на разработанной и широко применимой правовой основе. Поэтому в более точном смысле речь уже должна идти не просто об этике науки, а о едином междисциплинарном подходе, вырабатывающем морально-правовые критерии исследования социоприродных комплексов. Разработка начал подобного научного направления уже ведется в рамках таких дисциплин, как экологическая этика, биологическая этика, биомедицинская этика, экологическое право и др. Очевидно, что задать научно-практической деятельности не только моральную регуляцию, но и формально определенную юридическими нормами – задача достаточно сложная. По всей видимости, дальнейшее совершенствование научных знаний и общественных отношений приведет к реализации данного требования. Хотя многие современные естествоиспытатели высказывают серьезные опасения в том, что правовой контроль резко ограничит и затормозит развитие научных исследований, тем самым будет нанесен ущерб последующим поколениям людей в их правах на здоровую жизнь^{4, 5}.

К. Лабрюс-Риу, профессор права в парижском университете, пишет: «Право – удивительное зеркало, отражающее общество со всем его злом и со всеми добродетелями. Хорошо, если бы создаваемое нынче право сумело бы отразить не ту жизнь, которую наши аппетиты превратили в средство эксплуатации и управления! Человек как "властелин и повелитель природы" – далеко не все, что есть человек на самом деле. Праву надлежит подготовить пути к другой судьбе»⁶.

С момента своего возникновения биоэтика формировалась как этико-правовое движение среди медиков и широкой общественности Запада. Сегодня биоэтическими ориентирами руководствуются в реальной практике здравоохранения США, Европы, Японии, Греции, Австралии и многих других стран. Фундаментальными основами биоэтического подхода являются ценности либерализма: автономия индивида, свобода воли и выбора, информированного согласия, которые находят свое выражение в том, что в биоэтике западного толка господствует юридическая парадигма с присущим ей индивидуальным акцентом, ориентация на права пациента и т. д. Как отмечает Б. Дженнингс, юридическая парадигма в биоэтике предполагает некий "всеобщий юридический разум" – гарант истинности и объективности принимаемых моральных решений⁷. Б. Дженнингс предлагает новую модель для биоэтики – *гражданскую*, исходящую из демократических ценностей, в основе которой должны быть положены солидарность людей, их равенство в получении медицинских услуг и социальных благ, идея коммуналистических интересов и целей. Конкретным выражением работоспособности и приемлемости данной модели служат созданные для решения моральных коллизий и конфликтов биомедицинские комитеты. По нашему мнению, подобный подход позволяет расширить ценностные ориентации медико-биологического сообщества, рассматривать их в социокультурном контексте, содействовать согласованности в научном, практическом и общественном диспутах о состоянии и развитии системы медико-биологических исследований, здравоохранения и т. д. Но в то же время подобная парадигма мышления таит в себе определенные опасности. Мнимая коллегиальность в принятии того или иного ответственного решения по проблемам биоэтики может вести к бюрократизации, завышению полномочий и функций членами этических комитетов.

Интересную позицию высказывает П.Д. Тищенко в статье “К началам биоэтики”: “Смысл биоэтики как особой разновидности интеллектуальной деятельности и социальной практики заключается в попытке обнаружить возможности диалога и солидарности граждан в защите добра и противостоянии злу... Возникает насущный для граждан правового государства навыв достижения со-гласия в различении добра и зла”⁸. Отсюда можно сделать вывод о том, что в государстве, основанном на власти права, истинное этически сопряженное знание должно вписываться в рамки, задаваемые законом. И наоборот, устанавливаемый закон не должен создавать провокационные ситуации для науки, допускающие, к примеру, внеэтические манипуляции с человеческим организмом. При решении сложнейших биоэтических проблем, очевидно, не может быть, да и, наверное, не должно быть единой точки зрения. Каждый из участвующих в решении моральных коллизий сохраняет за собой право на инакомыслие, на собственное убеждение в том, что есть истина, благо, добро или зло. Такая общность, формальное объединение взаимодействующих сторон в биоэтике должны возникать на правовой основе, на универсальности прав каждого человека, живого существа вообще. Таким образом, современное развитие биоэтики требует введения *юридической парадигмы*. Правовой контроль должен иметь место прежде всего в “проблемных ситуациях”, возникающих в рамках биомедицинских исследований, и базироваться на принципе уважения человека как личности. Сердцевиной биоэтики признается защита человека от возможных негативных воздействий медицины и биологии на его здоровье и жизнь, действительным инструментом которой могут послужить этические декларации, нормативные акты, законы и иные правовые документы.

Учитывая расширенное толкование предмета биоэтики, которое в последние годы все больше привлекает к себе внимание, центральной идеей данного междисциплинарного направления становится разработка и юридическое оформление *концепции прав биоса*, выраженное в создании международного законодательства по правам биоса⁹. Основной задачей данной концепции является разработка единой системы законов на международном уровне для всех государств, обеспечивающей предотвращение дальнейшего разрушения био-окружения в любой форме и любыми средствами, а также компенсацию того ущерба, который уже был причинен биосу в результате человеческой деятельности. Таким образом, биоэтика является ведущим звеном в формировании единой планетарной био-политики и био-законодательства. В современной философской и юридической литературе продолжается дискуссия по вопросу: “Можно ли наделять окружающую среду самостоятельными правами?” Сторонники “концепции прав биоса” (К. Стоун, А.В. Арванидис) полагают, что окружающая среда и все природные объекты, а не только человек, обладают неотъемлемыми правами в силу присущей им изначальной внутренней ценности. *Традиционная концепция прав* трактует право на окружающую среду как право человека предъявлять требования на здоровую окружающую среду. При этом подходе сохраняется ряд нерешенных проблем: какие аспекты окружающей среды должны быть защищены и какая степень изменений в ней допустима? Должны ли правом на здоровую природную среду обладать ныне живущие люди либо оно распространяется и на будущие поколения? Резонно ли в данном контексте говорить о праве народов либо об индивидуальном праве человека? Современные экологические законодательства многих стран соответствуют традиционной трактовке концепции прав человека на окружающую среду, служат лишь интересам человека, а не самой природы. Хотя в международном праве начинают появляться документы, закрепляющие внутреннюю ценность биоса (Всемирная Хартия природы, 1990). Но

одно дело требовать морального, уважительного отношения к окружающей среде и совсем другое – наделять животных, микроорганизмов, растения юридическими правами. По нашему мнению, термин “право” соотносить с природными объектами недостаточно корректно. Право – это продукт взаимоотношений между личностью и социумом, следовательно, не имеет оснований применение данного термина к сущностям, находящимся вне общества, хотя неоспорим тот факт, что живые существа должны являться частью нравственного ландшафта. Нельзя забывать и о том, что человечество вовлечено в единую социоприродную систему, взаимозависимо с компонентами биоса. Следовательно, сохранение модели прав человека в ее традиционной антропоцентристской трактовке недопустимо. Сегодня уже очевидно, что кризисность экологической ситуации в немалой степени сопряжена с кризисом смысложизненных и этических ориентиров современного человека. А это означает, что социум имеет возможность сохранения и развития лишь в том случае, если произойдет парадигмальный поворот в общественном сознании: включение природных объектов в сферу этических регуляций и принятие диалогических, вопрошающих взаимоотношений с биосом.

Обращаясь к вопросу становления биоэтики в Республике Беларусь, необходимо отметить, что в настоящий момент происходит поиск и адаптация наиболее приемлемой для нашего общества модели биоэтического дискурса. Складывается противоречивая ситуация: актуальность такого рода проблем очевидна, но медленный поиск биоэтических аргументов и слабое институциональное оформление этого научно-практического направления сопряжены со сложной социально-экономической ситуацией в республике. Традиционная модель биоэтики базируется на ценностях американской культуры, не соответствует в полной мере запросам и ментальным установкам белорусского общества. По нашему мнению, принятая на Западе модель “автономии пациента” существенно расширяет его права, способствует тому, что больной становится равноправным партнером в диалоге “врач-пациент” и имеет возможность сделать самостоятельный выбор методов и средств лечения, достойно распорядиться своим правом на жизнь (закончить работу, составить завещание, высказать просьбы родным и т. д.). Но в действительности прямое перенесение на отечественную почву и культивирование западной модели не всегда дают положительные результаты. Прежде всего это связано с неподготовленностью самого общества к восприятию и решению биомедицинских затруднений: недостаточное распространение современных научных знаний по биологии и медицине; профессиональная и моральная неготовность медицинских работников к принятию новых идей и новых биомедицинских технологий; общая слабость развития правовой культуры в нашей стране. А.С. Майхрович отмечает, что “следует учитывать достаточно прочную укорененность в социальной жизни и общественном сознании старых структур и тенденций – сохранение тенденции к всеобщему подчинению государством жизни общества, моноидеологизации общественного сознания, возобновлению патерналистских ожиданий, нивелировке индивида, престижности власти и силы, гипертрофированного представления о роли высшего авторитета”¹⁰. К тому же необходимо учитывать мировоззренческую разницу, существующую между нашими обществами. Во-первых, биоэтика является порождением американского узкопрагматического подхода к решению жизненных проблем. Во-вторых, рефлексия в сфере моральных дилемм биомедицины – это постфактум, следствие экономического и социального развития демократии в Америке и Европе. А Беларусь лишь впитывает идеи правового строительства государства, ищет пути создания цивилизованного рынка и обеспечения

народовластия. Поэтому, на наш взгляд, в республике сегодня нет адекватных возможностей и условий для восприятия биоэтики в ее западном образце. Гораздо более перспективной и конструктивной, по нашему мнению, является внедрение и культивирование биоэтики в ее расширенной трактовке как особого междисциплинарного поиска в сфере фундаментальных смысловых проблем и основы для создания новых мировоззренческих экофильных парадигм. В современном белорусском обществе растет понимание того, что система ценностей, связанная лишь с потребительством, неизбежно ведет к экологической и нравственной катастрофе, печальное подтверждение тому – Чернобыльская трагедия (1986). Отечественные философы, экологи, медики активно исследуют проблемы человека в условиях новой единой социоприродной посткатастрофной реальности. Накоплена значительная научная база для теоретического и практического решения проблем биоэтического дискурса. Серьезный недостаток, по нашему мнению, имеется в сфере правового регулирования отношений в системе "Наука – Общество – Природа". Актуализируется необходимость изменений в области социально-гуманитарного блока биологического и медико-фармакологического образования, а также преподавания основ естествознания для юристов, менеджеров, социальных работников, сопряженная с введением в планы высших учебных заведений республики курсов "Биомедицинская этика", "Биоэтика", "Экологическая этика", "Концепции современного естествознания". Таким образом, в рамках современной модели биоэтики, адаптируемой отечественной наукой, имеет место поиск новой программы гуманизации и гуманитаризации естественнонаучного знания. Причем гуманизация должна коснуться не только внешнего инструментария биоэтики, но и основ человеческой культуры, мировоззрения, изменения самой структуры человеческих потребностей.

Подводя итог, отметим, что процесс возникновения, становления и современного оформления биологической этики – яркий пример коренных изменений в науке конца XX – начала XXI в. Биоэтическая рефлексия соответствует критериям открытого типа научной рациональности, который учитывает соотношенность знаний об объекте не только со средствами, но и ценностно-целевыми структурами деятельности¹¹. Требование сегодняшнего дня в науке – органическое соединение ценностей научно-технологического мышления с теми ценностями, которые предоставлены нравственностью, философией, религией.

¹ Любичев А. А. Сборник трудов / Под ред. П. Г. Светлова. Л., 1982. С. 115.

² Юдин Б. Г. Этика науки и биомедицинские исследования в контексте этики науки // Биомедицинская этика: проблемы и перспективы: Материалы междунар. конф. Мн., 2000. С. 5.

³ Зеленков А. И., Водопьянов П. А. Динамика биосферы и социокультурные традиции. Мн., 1987. С. 220.

⁴ См.: Агацци Э. Моральное измерение науки и техники. М., 1998.

⁵ См.: Хилькевич А. П. Решение проблем в науке, технике, практической деятельности. М., 1999.

⁶ Право быть человеком. Понимание прав человека: Сб. переводов / Науч. ред. С. Ф. Сокол. Мн., 2000. С. 75.

⁷ См.: Jennings B. Bioethics and Democracy // Centennial Review. 1990. Vol. XXXIV. № 2. P. 208.

⁸ Тищенко П. Д. К началам биоэтики // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 62–67.

⁹ См.: Влавианос-Арванидис А., Олескин А. Био-политика. Био-окружение. На пути к биоэтическим ценностям. М., 1993.

¹⁰ Майхрович А. С. Духовно-культурные предпосылки становления правового государства // Чалавек. Грамадства. Свет. 1999. № 4. С. 10.

¹¹ Степин В. С. Философская антропология и философия науки. М., 1992. С. 187–188.

Ольга Сергеевна Павлова – преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин.

ФИЛОСОФИЯ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ

Катастрофичность нашего времени, его кризисность и рубежность обязывают к рефлексии над судьбами мира и культуры, заставляют обратиться к опыту прошедших эпох. В этом отношении Серебряный век близок нам не только хронологической рубежностью (конец XIX – начало XX в.), чувством "кануна", но и остро вставшей в то время проблемой сохранения культуры.

Нас с этим периодом объединяет также очередной виток "цивилизаторства". Говоря о "чрезвычайно быстром процессе приобщения масс к цивилизации" в конце XIX в., Г. Федотов отмечал, что "процесс рационализации русского сознания... протекал сперва очень медленно, ускорялся в геометрической прогрессии, пока, наконец, в годы революции не обрушился настоящей лавиной и не похоронил всего, что сохранилось в душе от московского православного наследия"¹. И сегодня на подвергаемые испытанию и разрушению проявления духовности вновь обрушиваются "ценности", в которых преобладают индивидуализм и накопительство. Если даже согласиться с позитивным их значением, то следует учесть: потребуется долгое время, чтобы чуждые ценности стали "своими", вошли в культуру, сознание, традицию, быт. Да и что несет вживание в чужое при забвении своего богатейшего опыта, накопленного веками, осмысленного соборным сознанием, органичного, целостного, тем более, что чужеродный опыт по-другому срабатывает в иной культуре. Такое положение порождает потребность "вернуться к тому, на чем все оборвалось" (С. Хоружий), ко времени, которое рождало предощущение того, "...что Россия летит в бездну, что старая Россия кончается и должна возникнуть новая Россия, еще неизвестная"².

Серебряный век – один из самых трагических периодов в истории русской культуры. Точкой отсчета его можно считать бессмысленное и жестокое убийство царя-освободителя, Александра II. Сопряжен этот период с тяжелейшими событиями в русской истории: война с Японией, Первая мировая война, революции. Неудивительно, что эта эпоха была пронизана апокалиптическими настроениями и эсхатологическими ожиданиями, переполнена не только событиями-вехами, но и тревогами, пророчествами.

Серебряный век – это островок в океане утилитаризма и нигилизма. Начавшись в 80-е гг. с кризиса позитивизма и его неприятия, он в конечном итоге был поглощен новой волной материализма и прагматизма, пришедших с революцией. Рубежность этой эпохи – не только пограничье двух столетий, но и "рубежность сознания". Придя на смену позитивистской эпохе с ее рациональностью и идеологизированностью, обличительным пафосом, с культом безрадостного, с отрицанием ценности красоты, с пренебрежительноснисходительным отношением к народной культуре, Серебряный век провозглашает Абсолютное, Высшее, духовное, иррациональное и интуитивное, реабилитирует красоту и обращается к народной традиции.

Совпавший с "духовным и культурным ренессансом" (Н. Бердяев), этот век был периодом напряженной философской рефлексии над проблемами культуры. Философия Серебряного века – это прежде всего философия религиозная, христианская, рассматривавшая тайны бытия не столько критически и рационалистически, сколько мистически.

Мыслители на рубеже XIX–XX ст. в предчувствии социальной и духовной катастрофы считали необходимым напомнить о задачах культуры, о высокой ее миссии по преобразению человека и преодолению "тяжести этого мира", искали пути и средства освящения и преобразования самой культуры. Движимые, с одной стороны, чувством ответственности перед народом, с другой – желанием удержать равновесие в разрушавшемся мире, они стремились

подвести своеобразный итог всему лучшему, созданному прежними эпохами, напомнить о великих истоках и традициях. Мыслители видели миссию России во всеобщем примирении распадающегося мира, чему должны были способствовать всевосприимчивость, а отсюда и всепонимание русского национального характера (эта идея высказывалась Н. Федоровым, Вл. Соловьевым, Вяч. Ивановым, С. Франком вслед за А. Пушкиным, Н. Гоголем и др.), исключительная способность русских "вместить в себя идею всечеловеческого единения" (Ф. Достоевский).

В рассматриваемую эпоху, когда считалось, что Россия является вместилищем и оплотом мировой культуры, были популярны темы о связи русской культуры с традициями Эллады и Рима, что нашло отражение в теоретических работах Вяч. Иванова, И. Анненского, Ф. Зелинского, в творчестве поэтов-символистов и художников-миристов. Открытие Серебряным веком древнерусской иконы вызвало огромный интерес к культуре Византии, к изучению ее влияния на эстетическую традицию Древней Руси.

Мыслители осознали культуру Серебряного века как наследницу мировой культуры, видя ее корни в Древней Греции, Древнем Риме, Византии, Древней Руси, европейском Возрождении и, конечно же, в Золотом веке русской культуры. Культура Серебряного века искала пути гармонического единства и всеобщего примирения между Востоком и Западом, между прошлым и будущим, христианским и языческим, национальным и мировым, народным и аристократическим. В стремлении к всеобщей гармонии и примирению необходимо было определить приоритеты, на которые опиралась бы культура в движении к главной цели – своему освящению и преображению, от града земного к Граду Небесному. Приоритеты эти были выбраны удивительно верно: духовные, национальные, объединенные православной традицией, – как раз те, на которых веками держалась русская культура. Не противопоставляя русскую культуру европейской, напротив, подчеркивая коренную связь с ней в античности, мыслители Серебряного века призывали не забывать того, что было возвращено на национальной почве. В частности, Г. Федотов считал: "Единственный смысл существования нации – в ее творчестве: в открытой ею истине, в созданной красоте, в осуществленной или зреющей ею правде"³.

Творческий мир в своем стремлении сохранить и развить традиции национальной культуры обратился в эпоху Серебряного века к древнерусскому высокодуховному эстетическому сознанию, отличавшемуся обостренной нравственной ориентацией. Ставился вопрос о сохранении культурных традиций и ценностей, живого, а не мертвого (музейного) пребывания произведений искусства в пространстве культуры. И в этом направлении было сделано очень многое. Один из ярких примеров – открытие древнерусской иконы. Только этого было бы достаточно Серебряному веку, чтобы считаться состоявшимся, выполнившим великую миссию перед мировой культурой. Это был настоящий духовный подвиг, потребовавший не только огромного напряжения сил, но и подлинного "соборного делания" меценатов, искусствоведов, художников, иконников и большого числа подвижников, преданных великому делу. Именно культуре Серебряного века, напряженно искавшей духовность, раскрывается древнерусская икона, что, в свою очередь, способствовало одухотворению этой культуры, получившей подтверждение древности и благородства своих корней, своей самобытности. Открытие иконы убедительно доказало, что Древняя Русь не просто восприняла эллинистическую традицию, но и блистательно развила ее на своей национальной почве.

Православие было тем объединяющим началом, на котором строилось здание русской культуры, определялось ее развитие. Традиционно в России все рассматривалось сквозь призму религиозности: это находит свое подтверждение и в том, что даже революция была оценена религиозно (собст-

венно, революционная идея и была возможна в России прежде всего как религиозная – как очищение и в конечном итоге как наказание). Сама культура понималась религиозно – она должна была преодолеть себя на пути к Богу.

Эсхатологическая устремленность не была прерогативой только Серебряного века – она искони присуща природе русской души, православному мировосприятию. Эсхатологические ожидания – это ожидание Царства Божьего, преображения мира, причем православное сознание чаяло преображения соборного, преображения для всех и во всем. Эсхатологическая сторона христианства, по утверждению Н. Бердяева, была сильнее всего выражена именно в православии, которому было "свойственно отрицание величия и славы этого мира... Величие и слава мира остаются соблазном и грехом, а не высшей ценностью, как у западных людей"⁴. Объясняя причину неприятия православным сознанием земных благ, Н. Бердяев говорил: "Устраивают Землю и земную жизнь злые силы, отступившие от правды Христовой, добрые же силы ждут града Грядущего, Царства Божьего"⁵. Потому в традиции православной культуры устройство земной жизни не имело абсолютной ценности, не могло быть самоцелью; успокаиваться, довольствоваться земным считалось греховным. Поиск правды устремлял сознание за пределы этого мира, несовершенного и ложного, приспособленного к греховному. Если в западной культуре накопление возводилось в степень добродетели, то в русской – накопительство считалось грехом, а деньги и богатство ассоциировались со злом, вызывали чувство вины и потому требовали искупления. С чувством вины связана традиция меценатства, особенно широко развернувшегося в период "духовного ренессанса" (число построенных на пожертвования церквей, школ, больниц, библиотек, картинных галерей исчислялось сотнями). "Русская болезнь совести", "примат морального критерия" (Н. Бердяев) не позволяли успокаиваться на личном благополучии, обязывали сострадать, сопереживать, жалеть.

"Русская жажда всеобщего спасения" (Н. Бердяев), устремленность к преображению всего человечества и всего мира могли возникнуть только в культуре, где индивидуализм был неприемлемым, только соборность и соборное сознание могли воспитать подобное отношение к миру. "Запад, вместо любви, лежащей в основе соборности, проявил гордыню индивидуального разума... Напротив, восточная церковь осуществила начало соборности в любви. Только соборное тело церкви, живой организм ее сохраняет корни религиозной жизни и обладает целостной истиной, не ограниченной рационалистической абстрактностью западной философии"⁶.

Соборность – это свободное единение людей, основанное на христианской любви, верности духовным традициям, это гармоническое единение общего и индивидуального при сохранении самостоятельности последнего, не поглощение всеобщим личностного, а их сосуществование, взаимодополнение, взаимопомощь; это единство, основанное на свободе, а не на насилии. Соборное сознание зиждется на целостном мировосприятии, на интуитивном прозрении гармонии и единства бытия, которые могли дать только вера и духовный опыт. Идея соборности положена в основание русской культуры, она повлияла на развитие русской духовности, это категория прежде всего моральная, нравственная. "Если есть у нас что-нибудь особенное и поистине святое в преданиях народной мысли, то это именно – смирение, жажда духовного равенства, идея соборности сознания"⁷. Соборная идея, идея единства Бога, человека и природы, единства Истины, Добра и Красоты – краеугольный камень философии всеединства, которая разрабатывалась Серебряным веком.

Собор – храм, где все в любви, единстве и гармонии обращено к Высшему. Соборное сознание невозможно без любви к людям, миру, природе, Богу. Воспитываемое веками, оно нашло выражение в русской общине, в

русском мессианстве – идее всеобщего спасения, в чувстве ответственности за весь мир, за все земное. Соборное сознание, стремление сострадать, обо-стренное чувство добра, повышенная чуткость к красоте – все это нераздел-лимые части единого целого, называемого "загадочной русской душой", рус-ской духовностью. Все это – плоды "духовного делания" русской культуры в ее напряженном поиске правды-истины. Духовность же не является нацио-нальной чертой, это результат усилий народа на его долгом пути к Богу.

Мыслители Серебряного века считали, что идея соборности наиболее о-щутимо проявляется именно в храме. Е. Трубецкой, разъясняя идею право-славного храма, отмечал, что храм – "это целый мир, не тот греховный, хао-тический и распавшийся на части мир, который мы наблюдаем, а мир, соб-ранный воедино благодатью, таинственно преображенный в соборное тело Христово"⁸. Цельный и гармоничный мир будущего, который должен стать тождественным Церкви, уже воплощен "во всем строении нашего храма и во всей иконописи". По мнению Е. Трубецкого, в Соборе будущего должны слиться воедино человечество, ангелы и "вся низшая тварь".

Православное сознание, напряженно искавшее правду и духовность, уст-ремленное к грядущему свету, преисполненное мессианского упования, ожи-дало конца "мира неправды и уродства" и начала "...мира правды и красоты. Когда Достоевский говорил, что красота спасет мир, он имел в виду преобра-жение мира, наступление Царства Божьего"⁹. Ипостась Красоты (в триедин-стве – Истина, Добро, Красота) в русской культуре имела особое значение: в православном миропонимании эта категория не только эстетическая, но пре-жде всего этическая, духовно-нравственная. Как воплощение божественного присутствия красота православного богослужения сыграла решающую роль в выборе веры в X в. послами Киевской Руси. Согласно философии Вл. Со-ловьева, красота является главным признаком воплощения всемирной идеи, основным показателем реальности "положительного всеединства". Красоташла абсолютное выражение в соборе (в храме), в православном богослу-жении, церковном пении, иконе – в синтезе храмового действия. Служение красоте, воплощенное в чувстве нравственной ответственности за ее сохра-нение и пронесенное традицией православной духовной жизни, стало осла-бевать в период кризиса культуры, и мыслители Серебряного века вы-сказывали свою тревогу: "Исчезает чувство важной ответственности перед красотой и сознание вины перед уродством как некоем преступлении..."¹¹.

Ощущение трагичности эпохи было связано с осознанием кризиса куль-туры, с приходом на смену ей цивилизации – бездушной, механистичной, усугубляющей индивидуализм и эгоизм, уничтожающей соборное сознание, обесценивающей нравственные начала и соборный уклад жизни, основанный на человеколюбии. "Царство культуры... начинает разлагаться и кончается. Существует страшный суд над культурой..., изживание имманентных путей человеческого, и только человеческого. И обнаруживается переход к пути бо-го-человеческому или бого-звериному"¹². Наступил период, когда смысл су-ществования человека в служении самому себе достиг предела. Что будет за ним? Куда последует человечество – через преображение культуры к "бого-человеческому" или через удовлетворение и насыщение благами цивили-зации – к "бого-звериному"?

Веруя в спасительную силу религиозности и преображающую силу твор-чества, русская религиозная философия приняла оппозицию "культура – ци-вилизация", что, в частности, объединяло философов Н. Бердяева, П. Фло-ренского, Г. Федотова. "Совет Шпенглера – решительно отказаться от непо-сылной больше культуры ради легкой, дающейся в руки цивилизации – есть отступничество"¹³. Русские мыслители указывали на внутренние силы, кото-рые могут удерживать культуру от разрушения: "Хотели верить, что Россия не пойдет путем цивилизации, что у нее будет свой путь, своя судьба, что в Рос-

сии только и возможна культура на религиозной основе, подлинная духовная культура"¹⁴.

В культуре Н. Бердяев видел "культуру духа", считал, что она всегда аристократична, священна, религиозна, бескорыстна, проявляется в духовности, в потребности преодоления, является свободным прорывом в истинное божественное бытие, она должна вывести человека к Царствию Божию. Выход этот – в творчестве, благодаря которому возможно "преодоление мира" и через которое человек может уподобиться Богу-творцу. Смысл человеческой жизни заключается именно в творчестве, через которое человек создает культуру и себя; в творчестве и со-творчестве преображается созданный человеком греховный мир. Н. Бердяев считал, что культура происходит из культа и неразрывно связана с верой; она духовна, символизирует подлинное бытие духа и, исполнив свою миссию, достигнув Царства Святого Духа, завершится в Нем. Говоря о правде культуры, Н. Бердяев указывал на "условную ложь цивилизации", на ее безбожность, утилитарность, "хамизм" и прагматизм, в то же время философ противопоставлял органичности культуры организованность цивилизации. И это действительно так: организация и контроль – прерогативы цивилизации, в которой философ видел смерть культуры, "смерть духа культур".

П. Флоренский, отстаивая идею христианизации культуры, утверждал, что природа ее религиозна и большинство культур осуществлялось "прорастанием зерна религии". Связывая культуру с культом, философ считал, что "культура есть упорядочение всего мира по категориям культа. Вера определяет культ, а культ – миропонимание, из которого далее следует культура"¹⁵. П. Флоренский также видел задачу человека в творчестве, в котором обнаруживается трансцендентный божественный мир. Объединившись в собор, люди должны соединить искусственно разделившиеся миры – небесный и земной, духовный и материальный. Это возможно только в Храме, где "все сплетается во всем", где "все подчинено единой цели... и поэтому все, соподчиненное тут друг другу, не существует или по крайней мере ложно существует взятое порознь"¹⁶.

Г. Федотов, принимая различие культуры и цивилизации, считал, что первая построена на началах философско-эстетических элементов, а вторая – научно-технических. Культуру он рассматривал как неотъемлемую часть религии: "Культура должна быть понята религиозно, иначе она будет растоптана сапогами демагога"¹⁷. Веру он считал источником культуры, которая понимается, с одной стороны, как призыв Бога к человеку, а с другой – как ответ человека на этот призыв. Культура мыслилась философом как дело человека, Богом вдохновленного на творчество.

Отождествляя Запад с разрушительной силой цивилизации, мыслители Серебряного века видели миссию России в сохранении культуры – и не только православной, но и всей европейской. "Культуру Европы придумали русские; на западе есть цивилизация; западной культуры в нашем смысле слова нет; такая культура в зачаточном виде есть только в России"¹⁷. Европа не пала, как Россия, от напора цивилизации, она плавно, гораздо менее болезненно вошла в цивилизацию благодаря не только ratio, но и тому, что в западной культуре преобладала форма, а русская культура – это в первую очередь культура духа и менее всего культура формы. Цивилизация же приемлет форму, не приемля духа.

Приход цивилизации для России оказался трагичным: воцарился самый страшный враг культуры – "тьма, мнящая себя просвещением, суеверие цивилизации, поднявшее руку на культуру"¹⁸. Русская культура, отказавшись от религиозной идеи или, быть может, предав ее, потерпела катастрофу, не смогла благополучно выйти из-под гнета цивилизации, так как утратила главное – свою силу и свою основу. Культура, которая должна была преодолеть

себя на пути к Богу, не удержавшись на этой высокой и трудной стезе, была поглощена цивилизацией.

Октябрьская революция, осмысленная в духе православного миропонимания как наказание за грехи, была не просто социальной катастрофой – она знаменовала собой приход ("дуновение") цивилизации, которая отменяла национальную традицию, народную память и заменяла все новым, универсальным, лишенным почвенного, национального, копившегося веками соборным сознанием, духовным опытом. Эта революция была лишь частью тотального переустройства, переосмысления мира, ломки мирового сознания.

Н. Данилевский в свое время назвал "европейничаньем" униженное стремление приспособиться к европейскому, сегодня это же болезненное состояние потери культурной памяти можно было бы назвать "американичаньем" – желанием забыть свое духовное наследие и вновь принять соблазн цивилизации (прежде всего цивилизации Нового Света). Нести груз ответственности за свою культуру всегда труднее поверхностного приобщения к "чужой" культуре, так как сохранение национальной традиции требует не только знания, понимания, "проживания" культурного наследия, но и напряжения духовных сил по его осмыслению, сохранению и передаче поколениям, требует той работы, которая называется "соборным духовным деланием". Сегодняшний культурный нигилизм, отказ от своего – традиционного, национального – в силу якобы его приниженности ("свое всегда хуже заморского") оправдывает лень духовную. И потому возникает почва для различных сект, чужеродных традиций.

Серебряный век с его полифонизмом тоже пытался принять все, но принять примиряя. Это был полифонизм, а не эклектика, так как все творчески осмысливалось и ложилось на культурную почву. Сегодняшняя эклектика – принятие всего без разбора, без духовного осмысления – ложится уже на новую варварскую, "цивилизованную" почву, почву культурного беспамятства – тем она и опасна. Возвращение же памяти, культурной в частности, позволит сохранить достоинство нации, независимость народа, свободу личности в ситуации глобализации и сверхпрагматизма.

Сегодня в мире, балансирующем между бытием и небытием, актуальность религиозной философии Серебряного века объясняется не только тем, что она предупреждала о гибели культуры, – она видела в эсхатологической перспективе путь очищения, преображения и религиозного освящения культуры, которая должна пройти чистилище-цивилизацию, чтобы воскреснуть в новом качестве.

¹ Федотов Г. П. Судьба и грехи России: В 2 т. СПб., 1992. Т. 2. С. 167.

² Бердяев Н. А. Русская идея. М., 1997. С. 199.

³ Федотов Г. П. Указ. пр. С. 216.

⁴ Бердяев Н. А. Указ. пр. С. 170.

⁵ Там же. С. 168.

⁶ Миллюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. М., 1994. Т. 2. Ч. 1. С. 187.

⁷ Соловьев Вл. Избранные произведения. М., 1991. С. 113.

⁸ Трубецкой Е. Избранные произведения. Ростов н/Д., 1998. С. 429.

⁹ Бердяев Н. А. Указ. пр. С. 170.

¹⁰ Щербатов С. Художник в ушедшей России. М., 2000. С. 385.

¹¹ Бердяев Н. А. Указ. пр. С. 170.

¹² Федотов Г. П. Указ. пр. С. 203.

¹³ Бердяев Н. А. Воля к жизни и воля к культуре // Смысл истории. М., 1990. С. 162.

¹⁴ Флоренский П. Автореферат // Соч.: В 4 т. М., 1994. Т. 1. С. 39.

¹⁵ Священник Павел Флоренский. Избранные труды по искусству. М., 1996. С. 210.

¹⁶ Федотов Г. П. Указ. пр. С. 225.

¹⁷ Воспоминания об Андрее Белом. М., 1995. С. 46.

¹⁸ Федотов Г. П. Указ. пр. С. 210.

Татьяна Алексеевна Бакуменко – аспирантка кафедры философии и культурологии РИВШ БГУ. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент В.С. Вязовкин.

**ПРОЕКТ «ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ» ЛОГИКИ Г.Г. ШПЕТА:
ГЕНЕЗИС И ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

В данной работе осуществляется попытка выхода за рамки стереотипной трактовки русской философии как преимущественно религиозно-мистической. Дело даже не в том, что фигура Г.Г. Шпета с этой точки зрения является маргинальной: один из немногих русских философов, имевших базовое философское образование, убежденный в том, что философия есть прежде всего рациональное знание. Если акцентировать внимание на «самобытности» русской православно-мистической философии, то окажется, что русская философская традиция представляет собой завершенный (после смерти А.Ф. Лосева) корпус текстов, основная часть которого была создана во второй половине XIX – первой половине XX в. Изучение этой традиции как эпохального культурно-исторического феномена необходимо, но включение ее в современный философский дискурс существенно затруднено в силу изначальной и перманентно подчеркиваемой «инаковости» этого направления русской философской мысли по отношению к западно-европейской философской традиции.

В то же время рационалистические направления в русской философии до недавних пор оставались в тени навешенного на них ярлыка «заимствования». Данная работа свидетельствует, что исследования российских приверженцев рационализма (у Г.Г. Шпета были как учителя, так и последователи) направлялись теми насущными проблемами, которые были поставлены перед мировым философским сообществом кризисным состоянием философского знания, связанного со сменой парадигм «классика – современность».

Целью исследований Г.Г. Шпета в области методологии научного познания являлось создание «герменевтической» логики, которая могла бы служить основой методологий гуманитарных наук. В рамках эволюции Шпет-философа в целом разработка основоположений «герменевтической» логики была частной, конкретной задачей на пути нового обоснования рационального знания, ставшего необходимым вследствие кризиса сциентистских идеалов позитивизма во второй половине XIX – начале XX в.

Выстраивая свою полемику с позитивизмом, Г.Г. Шпет пришел к необходимости уточнения роли и места логики в познавательном процессе. Генезис проблемы выглядит следующим образом. Логическое знание Аристотеля имело онтологический характер, т. е. вопросы о вещах, словах и мыслях (вещи, имени вещи и идеальном прообразе вещи) были единой проблемой. Претерпевая различные модификации, эта связь сохранялась и в схоластической философии средневековья. Она была утрачена онтологией Нового времени в силу редукции онтологического вопрошания к противопоставлению мыслящей и протяженной субстанций, вследствие чего на первый план вышло противостояние разума и вещи. Кант выдвинул проект трансцендентальной логики с целью снять это противостояние, заменив вопрос о том, что есть, как оно есть, вопросом о том, как мы познаем то, что есть, т. е. подменив онтологию гносеологией¹. Отказывая в существовании идей как таковых, вне субъекта сознания, редуцируя все многообразие бытия к эмпирическому миру, Кант, в сущности, легитимировал господство математического естествознания как образца научного познания. Позитивизм XIX в. можно считать логическим завершением такой позиции (социология О. Конта). Главный упрек Г.Г. Шпета Канту – кантовский сенсуализм, «убеждение, будто содержание познания доставляется только чувственным материалом, ...отвлечение от слова как действительного орудия познания»².

Отметим, что несоизмеримость авторитетов в противостоянии «Шпет contra Кант» восполняется принципиальным характером этого противостояния: «русская философия contra Кант». Уже самое общее ознакомление с историей русской философии позволяет заметить «неадекватную» реакцию большинства русских философов в отношении так называемой «коперниканской революции» Канта в истории западной философии. Другими словами, если критика западного типа философствования была одним из основных факторов самоопределения русской философской традиции, то вывод Канта о том, что разум предписывает законы природы, стал центральным пунктом этой критики. К слову, в современной западной философии (социальной теории) на первый план выходит «вторая коперниканская революция» Канта, т. е. при оценке его вклада в историю западной философии акценты переносятся с исследований классиком способностей человеческого познания на его телеологическую философию истории, ставшую трансцендентальным основанием самоопределения субъекта современной философии³.

Исходя из вышеизложенного, реконструкцию проекта «герменевтической» логики Г.Г. Шпета можно осуществлять в двух направлениях: разработка проблематики смыслоозначения применительно к языковым выражениям (поиск словесной «материальности» смысла) и концепция логического плюрализма. Первое направление проходит красной нитью через все творчество этого разносторонне одаренного человека и становится характерным для «позднего» Г.Г. Шпета, что обусловило его известность как ученого-лингвиста. Детальный анализ данной проблематики не входит в задачи этой работы, поэтому здесь будут приведены лишь некоторые промежуточные результаты исследований Г.Г. Шпета в этой области.

Человек понимает обращенную к нему речь на нескольких уровнях. Разворачивая этот мгновенный процесс во времени, можно выделить несколько этапов. Вначале он слышит эмпирический звуковой ряд (фонемы), который затем разбивается на эмпирический же ряд чувственно воспринимаемых имен, называющих вещи, свойства, отношения (морфемы). Последние расположены в определенном синтаксическом порядке (синтагмы), формирующем смысл высказывания. Исследуя качественный скачок от чувственно воспринимаемой морфемы к осмысливаемой синтагме, от номинативной к «семасиологической» (термин Г.Г. Шпета) функциям слова, Г.Г. Шпет выделяет промежуточный уровень в структуре слова – предметный. Предмет есть единство потенциально называемых вещей, т. е. общий термин. Собеседники могут оперировать разными именами вещей, подразумевая под ними один и тот же предмет, который суть идеальное бытие вещей. Предмет в разговоре схватывается, «конципируется», но еще не понимается, поскольку он является лишь формальным образующим началом смысла. Таким образом, переход от чувственно-эмпирической к смысловой данности слова опосредуется формально-логической предметностью. Г.Г. Шпет акцентирует внимание на том, что сфера применения логики – не просто «логистическое» конципирование, но универсальное установление отношений между языковой эмпирической формой слова и идеальным смыслом посредством терминирующего изложения, выстраивающего весь корпус человеческого знания. «Настоящие логические формы суть отношения между морфемами как формами вечно называемого содержания и онтическими формами как формами предметного подразумеваемого содержания. ...Логические формы суть внутренние формы как формы идеального смысла, выражаемого и сообщаемого; онтические формы суть чистые формы сущего и возможного вечно называемого содержания. Отсюда и возникает такое тонкое соответствие логических и онтологических форм, что его делают критерием истинности высказываний, с одной стороны, и что оно при-

водит к сбивчивому распределению задач логики и онтологии»⁴. Утверждая, что между логикой и онтологией существует строгое соответствие, обеспечивающее перевод с одного языка на другой, Г.Г. Шпет приводит примеры подобных переводов-соответствий: предмет в онтологии – термин в логике, свойство – признак, порядок – метод и т. п. Такая корреляция между логикой и онтологией, выявленная Г.Г. Шпетом при экспликации «органической» структуры слова (вглубь, от плоскости чувственно воспринимаемой «слововещи» (фонема, морфема) к идеальному смыслу), получает свое уточнение при обосновании Г.Г. Шпетом своих убеждений в принципиальной множественности наук и их методов.

Сущность концепции логического плюрализма заключается в признании внутренней автономии каждой отдельно взятой науки вследствие специфических особенностей ее предмета, выявленных в результате тщательного онтологического описания и логико-методологического анализа ее предметной области. Только на этом пути философское знание, конституирующее предметные области частных наук, подтверждает свой статус основания любого объективного знания.

По Г.Г. Шпету, та часть феноменологии Э. Гуссерля, которая ориентирована на чистое описание вещей как таковых без каких-либо теоретических привнесений, т. е. без использования гипотетических причинных связей, является лишь одной из частей такой онтологии. Ее необходимо дополнить теоретической (рациональной) онтологией, непосредственно примыкающей к формальной логике и использующей ее дискурсивные понятия в качестве орудий обозначения «индифферентных» отношений вещей и предметов.

Формальная логика базируется на онтологии, поскольку онтологическое обоснование понятий формальной логики позволяет им сохранять свой объективный предметный характер в составе общего учения о понятии, где они выступают уже в роли «заместителей» предметов и объектов (функция констатирования отношений между вещами и предметами отходит на второй план). Когда же общее учение о понятии получает применение в специальных науках (т. е. по мере того, как чистая, формальная логика превращается в прикладную логику, методологию), понятие вновь становится орудием обозначения отношений между явлениями повседневной практики и объектами специально-научного исследования. Но эти отношения устанавливаются уже не в результате «индифферентного» онтологического описания-констатации, а задаются целями и задачами специальных наук.

Г.Г. Шпет акцентирует внимание на таком различии задач онтологического описания и логического анализа, поскольку оно требует существенного уточнения в определении научного знания как такового. Помимо того что это есть логически оформленное объективное знание, адекватно описывающее систему отношений между объектами той или иной предметной области, научное познание должно включать в себя экспликацию методов образования понятий, с помощью которых описывается эта предметная область.

Итак, по Г.Г. Шпету, путь любой частной науки можно схематически описать следующим образом: выделенная из мира с помощью онтологического описания вещь превращается в объект исследования; из объектов, объединенных общей задачей исследования, формируется предмет (предметная область) науки; исходя из предмета науки, устанавливаются ее категориальный и методологический аппараты, система причин и объяснений.

Подобная схема демонстрирует двухуровневый характер формирующегося научного знания: *уровень исследования* (эвристический) и *уровень изложения* (методологический), *уровень постижения знания* и *уровень передачи его другим*. Учитывая тот факт, что постигают уже в сформулированных выражениях (бессловесного знания не существует по крайней мере в

науке), четкой границы между этими уровнями нет. Но различие это существенно, поскольку позволяет уточнить сферу применения прикладной логики (методологии) – изложение, закрепление знания. Эвристический же процесс, как утверждает Г.Г. Шпет, направляется определенными предметными принципами познания, совокупность которых в каждой специальной науке составляет ее методик. Так, например, в математическом естествознании логика идет вслед за наблюдением и экспериментом, руководимыми гипотезой, или за математическим умозрением с его методикой аналитического исследования. Соответственно в гуманитарных науках логика идет вслед за пониманием. Если для математических и естественных наук прикладная логика есть логика анализа и предвидения, то для филологических и исторических наук таковой является логика интерпретации, или герменевтическая логика. Таким образом, Г.Г. Шпет вписывает понимание в ряд таких универсальных компонентов познавательной деятельности, как рассмотрение, слушание, внимание, память⁵. Принципиальный анализ понимания как такого компонента, выполняющего роль усмотрения идеального смысла на «эвристическом» уровне формирования научного знания, анализ, требующий также отличия понимания и от различных исследовательских методик интерпретации, является следующей фундаментальной проблемой, формулируемой Г.Г. Шпетом в рамках исследования специфики методологий социогуманитарных наук.

Итак, занимаясь вопросами методологии исторической науки, Г.Г. Шпет эксплицировал исходную проблему: нарушение генетической связи онтологии и логики вследствие потери онтологического статуса слова, что в конечном счете привело к господству методологии математического естествознания. Отстаивая тезис о том, что слово является действительным орудием познания, Г.Г. Шпет разработал «органическую» структуру слова, вскрывающую идеальную предметность смысла на уровне корреляции онтологических и логических форм слова. Та же связь логики и онтологии, рассматриваемая Г.Г. Шпетом в контексте оформления научного знания как такового, позволяет уточнить структуру этого процесса. В частности, дифференциация методического и методологического уровней научного познания приводит Г.Г. Шпета к определению статуса понимания как универсального компонента познавательной деятельности, требующего своего принципиального анализа с целью обоснования «герменевтической» логики как основы методологий социогуманитарных наук.

¹ См.: Шпет Г.Г. Введение. История как проблема логики: В 3 т. (Т. 2.) // Антология феноменологической философии в России. М., 2000. Т. 2. С. 57.

² Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты // Шпет Г.Г. Сочинения. М., 1989. С. 416.

³ См.: Rundell J. F. Origins of modernity. Oxford, 1991. P. 15.

⁴ Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты // Шпет Г.Г. Сочинения. М., 1989. С. 400.

⁵ См.: Шпет Г.Г. История как проблема логики. Т. 2. Гл. 7 // Два текста о Вильгельме Дильте. М., 1995. С. 85.

Игорь Викторович Макаров – аспирант кафедры философии и методологии науки. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент Е.В. Хомич.

П. ПОЛОНСКИЙ

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ РАВВИНА А.-И. КУКА И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНО- ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

В современном мире сочетаются весьма противоречивые мировоззренческие системы. Особое значение приобретают религиозные учения, под

знаменем которых в настоящее время выстраивается весь спектр социально-политических направлений: от пацифизма и толерантности до крайнего фанатизма и экстремизма. На этом фоне особый интерес представляют социально-философские идеи, которые высказывались в конце XIX – начале XX в. философами и теологами, предвосхищавшие многие трагические события прошедшего столетия. В этой связи особый интерес представляют научные концепции социально-философского характера, разработанные теологами и теологически мыслящими философами. К таковым можно отнести раввина Авраама-Ицхака Кука и некоторых русских религиозных философов.

А.-И. Кук родился в г. Грива в Литве в 1865 г. Его отец принадлежал к течению «минтагдим» (т. е. к нехасидам – последователям литовского направления в иудаизме), мать была дочерью хасида-хабадника, поэтому на его воспитании сказалось влияние обеих этих иудейских тенденций.

После учебы в хедере (начальная еврейская школа) и в иешиве (среднее учебное заведение) А.-И. Кук поступил в 1884 г. в Воложинскую иешиву, которая в конце XIX в. представляла интеллектуальный центр белорусско-литовского еврейства. Организованная учеником Виленского Гоана раввином Хаимом Воложинским, эта иешива функционировала вплоть до Второй мировой войны и была самой большой в этом регионе, выделяясь высоким уровнем преподавания.

Поскольку Воложинская иешива была основана учениками и последователями Виленского Гоана, то естественно, что его идеи о «динамике еврейского народа в новую эпоху» и о «функционировании еврейского народа как единого целого», о «проявлении человеческой активности внутри традиционной культуры и религии» определяли дух воспитательной работы, оказав свое глубокое воздействие на формирование мировоззрения А.-И. Кука, послужив отправной точкой развития его собственных социально-религиозных идей. После окончания Воложинской иешивы он работал раввином в небольших литовских городах. Таким образом, религиозные и социокультурные идеи А.-И. Кука формировались в период учебы и работы в местечковых общинах Литвы и Белоруссии, что сказалось на его религиозных и социально-философских идеях зрелого периода, который приходился на начало XX в., и работе раввином в палестинском городе Яффо, а затем и в Иерусалиме. До Первой мировой войны Яффо стал центром «Нового Ишува», а Иерусалим – центром «Старого Ишува». Отношения между людьми этих центров носили достаточно напряженный характер, причем в начале XX в. «Новая Ишува» постоянно пополнялась переселенцами, представителями второй алии.

Сферой деятельности А.-И. Кука стало налаживание отношений между евреями разных периодов переселения. Его активное участие в общественной жизни еврейского населения Палестины, интенсивные контакты с приверженцами и последователями различных политических взглядов и религиозных течений (социалисты, марксисты, антимарксисты, ревизионисты, религиозные и нерелигиозные сионисты, традиционные и нетрадиционные иудаисты и т. д.) позволили ему накопить большой социально-политический и теологический материал, обработка которого способствовала формированию собственных философских, религиозных и социально-политических идей, в совокупности составивших суть его учения. Анализируя его теорию, отметим наличие определенных параллелей между учением равва А.-И. Кука и идеями некоторых русских религиозных мыслителей, в частности С. Булгакова и Н. Бердяева. При этом надо иметь в виду то обстоятельство, что они не были знакомы ни лично, ни с работами друг друга. Речь скорее идет о схожести позиций, отражающих социальное состояние российского общества в начале XX в.

В ситуации, особенно ярко проявившейся в жизни белорусских евреев в конце XIX – начале XX в., когда большие социальные группы, движимые высокими идеалами общественного развития (социальной справедливости, свободомыслия, построения многонационального государства с учетом интересов и еврейского населения, гуманного отношения к людям разных национальностей и конфессий и т. д.), уходят из сферы религии и становятся носителями новых социальных ценностей, возникает необходимость обобщить эти устремления в новых социально-философских и теологических концепциях. А.-И. Кук, основываясь на четком различии между традиционным иудаизмом и его житейским толкованием некоторой частью еврейского населения, выдвинул концепцию исправления ошибок, допускаемых разными толкователями религии. Отход значительных групп еврейского населения от традиционного иудаизма он истолковал как недостаток существующей религиозной концепции, который можно исправить через возрождение аутентичных, но несколько подзабытых элементов традиционной религии. Таким образом, он выдвинул идею обновления религии и сближения на этой основе позиций различных религиозных групп. Обновление предлагалось осуществить путем выделения сущности идеологий («искры») этих групп и ее внешнего проявления или («скорлупы»). Эта методологическая установка для мыслителей Восточной Европы оказалась универсальной. Они стремились с этих позиций осмыслить старые религиозные идеи, позитивизм, марксизм и на этой основе показать (а по возможности и предупредить людей) трагический разрыв человеческой мысли, противостояние в ней позитивного и мистического, научного и мифического начал.

Отмечая сходные мотивы в теоретических концепциях А.-И. Кука и российских религиозных философов, необходимо очертить некоторые общие рамки духовного развития российского общества в начале XX в., которое все более и более поляризовалось в связи с распространением марксизма и позитивизма. Напомним о таком явлении, как «одомашнивание» кабалистики. Уже на рубеже XVII–XVIII вв. в работах Г. Сковороды, ориентированного на еврейскую и германскую мистику, прослеживается идея перехода из мира «пустых тел» в сущность человеческого «Я», т. е. проводится классическая кабалистическая идея о родстве души человека и мирового духа¹. Заимствуя их, В. Соловьев в работе «Оправдание добра» развивает учение об этическом абсолюте, присутствии «добротного промысла» в наличествующем опыте людей. Таким образом, понятие «духовный израильтянин» у Г. Сковороды и В. Соловьева исследуется в духе кабалистического учения о праведности, что было родственно ранним хасидам.

Подобное «одомашнивание» кабалистической мысли прослеживается и в работах П. Флоренского. В книге «Столп и утверждение истины» применен не только метод адаптации еврейской мысли к православной теодицее, но и используются основные кабалистические понятия для осмысления духовной реальности. Для П. Флоренского важна сама возможность опереться на еврейскую мистику для создания «очищенной» православной догматики. В приложении к данной работе легко обнаружить опыты кабалистической нумерологии, а также номенологии в соединении с аналогией триединства. В его работе «Антиномия слова» четко прослеживается попытка построения оригинальных православных гностических систем этики и социологии. Интересна в этом плане и позиция русского философского символизма, также опиравшегося на учения германских мифов и кабалистическую традицию. Так, А. Белый (в работе «Символизм») подвергает специальному анализу еврейское мифическое учение об иерархии имен Горного Мира. В. Иванов также создает свою концепцию о мифическом сознании первобытного человека и предпринимает попытку перенесения мистических установлений античного мира в актуальную действительность человека символического.

К. Бальмонт, опираясь на учение В. Соловьева об эманациях, используя понятия Логоса и Софии, создает свое учение о поэзии как теургии². Он, в частности, интересуется кабалистической нумерологией и прослеживает пути основных кабалистических чисел от основания религии до современного ему поэтического теургизма.

Особым и отличительным признаком авангардного мышления следует признать практическую теургию, связанную с идеологией революции и опытом мировой войны. В этом плане наиболее ярким образцом авангардного мышления в области социально-политической проблематики представляют манифесты, публичные выступления и теоретические труды В. Хлебникова. В своих ранних работах (например, «Учитель и ученик») о числовых зависимостях в истории народов он обращается к традиции кабалистической нумерологии и стремится найти ответы на трагические события общественной жизни в мистике имен и чисел. Поразительно созвучными хасидским мифическим настроениям являются идеи В. Хлебникова о «внутреннем человеке» и о «конгруэнтности Вселенной». В его недавно изданной работе «Доски судьбы» обнаруживается прямое воздействие учения «о Божественных искрах» и «собираении первоначальной гармонии усилиями праведного человека».

Этот идеологический фон помогает понять определенную схожесть идей равва А.-И. Кука и русских религиозных философов С. Булгакова и Н. Бердяева в условиях, когда происходили глубокие мировоззренческие трансформации в российском общественном сознании, когда большая часть общества просто разочаровалась в традиционно-религиозных установках и откликнулась на призывы марксизма и позитивизма, когда официальный религиозный истеблишмент оказался беспомощным и стал утрачивать одну социальную позицию за другой. Именно эта ситуация и стала объектом изучения как ряда еврейских религиозных деятелей (к которым относился и А.-И. Кук), так и некоторых религиозно мыслящих философов российского общества. Например, Н. Бердяев утверждал, что сегодня дело Христа творится не церковью, а мирянами. Со своей стороны, С. Булгаков отмечал, что могут быть люди, не ведающие Христа, но ему служащие и творящие его волю. На этом фоне понятно, почему побеждает экономический материализм, на что и обращает внимание этот мыслитель. «Та особая и неотразимая жизненная правда, – пишет он, – что приоткрылась и интимно почувствовалась с такой серьезной и горькой искренностью нашей современностью, делает экономический материализм в известном смысле неопровержимым. Он не может быть просто отвергнут или опровергнут как любая научная теория. Он должен быть понят и истолкован не только в своих явных заблуждениях и слабых сторонах, но и в том вещем содержании, которое через него просвечивает. Он должен быть не отвергнут, но *внутренне превзойден*»³. Этот тезис С. Булгакова приобретает характер общеметодологического принципа позитивной критики любого мировоззренческого учения.

Это внутреннее преодоление марксизма шло через анализ его мировоззренческих принципов, через те модели устройства общества, которые отвергали полностью религию и заменяли ее еще более жесткой политико-тоталитарной системой, которая сама приобретала черты новой религиозной (а точнее, полицейской) идеологии. Спасение общества виделось не в традиционной религии и не в новой идеологии, а в концепции Софийности, которая хотя и не была принята официально богословием, тем не менее наложила свой отпечаток на дальнейшее развитие русской религиозной мысли. Таким образом, сложилась сложная идеологическая ситуация, в рамках которой противоборствовали идеи христианства, с одной стороны, идеи марксизма и позитивизма – с другой, их внешней критики с позиции фило-

софско-религиозного сознания с выделением «искры» и «скорлупы» в любой мировоззренческой системе и пониманием того, что именно наличие «искры» обеспечивает новой идеологии ее жизненную силу, а обществу гарантирует новую консолидацию. В сущности, это была попытка идеологического примирения религиозного сознания с некоторыми светскими идеями экономизма и сциентизма.

Указанные противоречия, разрывавшие российское общество, по-своему отразились на судьбе евреев России и стимулировали появление новых модернизаций в рамках иудаизма. Именно эта модернизация и прослеживается в творчестве равва А.-И. Кука. Констатируя факт отхода многих евреев (живущих в Литве и Белоруссии) от религии, он полагал, что данную ситуацию можно объяснить не ошибками отдельных индивидов, а наличием «дефекта» в самой религии, который не ставит под сомнение сам иудаизм, а выносит на повестку дня необходимость его модернизации за счет возрождения аутентичных элементов, которые оказались порядком подзабытыми.

В своей работе «К вопросу борьбы вер и мнений» А.-И. Кук рассматривает динамику социальных групп еврейского населения параллельно развитию и обновлению самой религии. Прежде всего он констатирует исторический факт массового отхода евреев от иудаизма, причину которого усматривал не в позиции «ищущих», а в «дефектах» самой религии, которая на официальном уровне не могла дать ответ возросшим культурным потребностям еврейского общества, живущего в условиях быстро меняющегося социального мира. Выход из сложившегося положения А.-И. Кук видел не в открытой борьбе ортодоксальных иудеев с теми, кто от него отошел, а в интеллектуальном диалоге этих групп населения, что и должно было примирить их, с одной стороны, на почве возрождения религиозности, а с другой стороны, путем модернизации самой религии за счет активизации ее внутренних резервов, которые содержатся в самом иудаизме, не исключая элементов кабалистики и хасидской мистики. При этом нельзя, по мнению А.-И. Кука, противопоставлять иудаизм современной науке и культуре. Необходимо терпимо (толерантно) относиться к взаимодействию этих духовных сфер. В 1924 г. А.-И. Кук основал в Иерусалиме собственную иешиву, в которой смог активно пропагандировать свои идеи. Она резко отличалась от других иешив подходом к изучению религии и сионизма, в ней отчетливо проступали морально-правовые и социальные мотивы иудаизма, идеология социально-религиозного равенства и толерантности.

Умер А.-И. Кук в 1935 г. Грандиозная похоронная процессия прошла по улицам Иерусалима, люди высоко оценили его заслуги перед израильским обществом. Однако от признания основных положений учения до понимания его сущности иногда проходят годы и десятилетия, что и имело место с творческим наследием А.-И. Кука. В настоящее время научная и религиозная общественность вновь обращается к его идеям, стремясь найти в них ответ на далеко не простую ситуацию, сложившуюся в современном израильском обществе и в целом на Ближнем Востоке.

Для белорусского, как в равной мере и для русского читателя, его судьба и учение представляют интерес в том плане, что А.-И. Кук корнями связан с белорусско-литовским обществом и в своем учении специфически отразил ту непростую социальную ситуацию, которая сложилась в Европе, в России и в Палестине в конце XIX – начале XX в.

¹ См.: Пятьсот лет гнозиса в Европе. Амстердам, 1996.

² См.: Бальмонт К. Поэзия как волшебство. М., 1906.

³ Булгаков С. Н. Философия хозяйства // Соч.: В 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 54.

Ю.В. ВОСКРЕСЕНСКИЙ

РОСТ ВЛИЯНИЯ INTERNET КАК СМИ И ДОМИНИРОВАНИЕ В НЕМ МАСС-МЕДИЙНЫХ РЕСУРСОВ

Проблема взаимоотношения средств массовой информации в политической системе постоянно находится в области общественного внимания. Сложность функционирования СМИ характеризуется тем, что, защищая права одних субъектов политической системы, они могут ущемлять права других. Избежать этого можно в случае законодательного определения защиты прав человека и общества в качестве приоритетных направлений деятельности СМИ, а также оптимизации их социально-регуляторных функций (информационная, образовательная, воспитательная, критико-контрольная, мобилизационная, гедонистическая и др.) в этой системе.

Под «современным демократическим обществом» понимается такая его структура, которая позволяет учитывать и реализовывать права человека, и в первую очередь в области свободы массовой информации. Основная обязанность государства, признающего концепцию прав человека и следующего демократическим преобразованиям, – воплощать общепринятые мировые стандарты в национальное законодательство через детальную разработку и принятие законов. Опыт европейских стран доказывает, что это – неизбежный путь к оптимизации деятельности масс-медиа, к которым относят печать, радио, телевидение. Отметим, что средства массовой информации и коммуникации в последнее время претерпевают серьезные изменения вследствие распространения новых технологических возможностей, таких как спутниковая связь, видеосвязь, кабельное телевидение, компьютерные сети, что подчеркивают ряд авторов¹.

В настоящее время аудиовизуальные СМИ, прежде всего телевидение, оказывают доминирующее информационное влияние на общество. Подобного мнения придерживаются такие исследователи, как В.П. Пугачев, К.С. Гаджиев, Дж.Р. Доминик и др.^{2,3} В то же время все сильнее проявляется влияние глобальной компьютерной сети Интернет среди традиционных средств массовой информации и коммуникации, которые уступают ей в инициативе и оперативности. С ростом числа пользователей Интернет (WWW.) в политической системе происходит процесс реструктуризации традиционных СМИ, их перемещение в виртуальное пространство, количественный рост и качественное наполнение масс-медийных ресурсов (компьютерных страниц-сайтов). Кроме постепенного расширения аудитории Интернет и его влияния как СМИ в реальном пространстве, происходит процесс доминирования масс-медиа в виртуальном пространстве по отношению к другим ресурсам. Масс-медиа постепенно занимают в сети преимущества позиции, устойчиво находясь на первых строчках рейтинга посещений пользователями Интернет.

В Российской Федерации, где развитие Интернет прошло определенный период, к примеру, число ресурсов на апрель 2001 г. превысило 58 тыс. компьютерных страниц разнообразной тематики⁴. Еще недавно, год назад, эти показатели составляли 19 тыс. страниц. Постепенно растет и число российских пользователей, достигшее 2,5 млн чел. Уловив конъюнктуру, традиционные СМИ перемещаются на экраны мониторов компьютеров. Создаются, кроме того, новые информационные агентства и СМИ, функционирующие исключительно в виртуальной форме.

В Республике Беларусь на апрель 2001 г. ресурсы WWW достигли цифры 2810 сайтов⁵. Через всемирную сеть пользователи получают доступ к 135 белорусским СМИ. На первых местах в белорусском рейтинге-классификаторе Интернет all.by находится виртуальное издание opel.by и виртуальный вариант «Белорусской деловой газеты».

Доказывая постепенное перемещение средств массовой информации в глобальную сеть, возрастание количества и доминирование масс-медийных ресурсов в Интернет, отметим, что в российском рейтинге-классификаторе Интернет rambler.ru в апреле 2001 г. на первое место по популярности и посещаемости вышла группа ресурсов «СМИ и периодика» (14,9 % от общего числа посещений)⁶. Масс-медийные ресурсы на протяжении долгого времени делят первое и второе места с сайтами группы «Развлечения» (13,3 % от общего числа посещений). Третье – седьмое места по популярности с большим отрывом занимают разделы «Бизнес и финансы» (6,1 %), «Сервис» (5,2 %) и «Политика» (4,1 %), «Спорт» (3,1 %), «Игры» (2,9 %). Последнее место регулярно занимает раздел «Театр» с 0,1 % посещений от общего числа посетителей.

Рост числа масс-медийных ресурсов Интернет связан не только с ростом числа пользователей глобальной сети во всем мире благодаря ускоренному НТП, но и с тем, что во всемирной сети можно в большей мере реализовывать основные функции СМИ: информировать и повышать образовательный уровень своих реципиентов, реагировать на все значимые события, происходящие в мире, беспристрастно анализировать деятельность оппонентов, контролировать ситуацию в государстве и за его пределами, реализовывать мобилизационную, гедонистическую и иные функции СМИ.

Возможность функционирования достаточно свободной модели масс-медиа в Интернет связана с временным отсутствием его регламентации со стороны государства. Для стран с переходным типом политической системы отсутствие регламентации компьютерной сети становится ключевым положительным фактором в процессе демократизации политической системы. Подчеркнем, что традиционные СМИ, реструктуризированные в виртуальный аналог, являются лишь собственными дублерами с идентичным содержанием. Органы государственной власти и управления в недемократических и переходных обществах используют рычаги прямого воздействия на традиционные СМИ, а так как их содержание идентично и для виртуальной формы, то можно утверждать, что государство имеет непосредственное влияние на этот сегмент масс-медийных ресурсов Интернет, функционирующий и в материальном пространстве.

Что касается вновь создаваемых виртуальных масс-медиа, существующих исключительно в Интернет, то их число намного превышает количество традиционных СМИ, и они не поддаются прямому и косвенному давлению ни со стороны государства, ни со стороны провайдеров (операторов сети), так как создатели ресурса при желании остаются анонимными и могут в любой момент сменить месторасположение сайта, переведя его на другой, в том числе некоммерческий домен.

В рамках одной страны ввести цензуру на свободу массовой информации и контроль за виртуальными масс-медиа технически невозможно. Мож-

но лишь ограничить доступ для пользователей INTERNET в целом, но это существенно замедлит НТП, нанеся ущерб интересам личности, общества, государства. Вместе с тем доступ в Интернет через спутниковые антенны позволяет пользователям не зависеть от государственных провайдеров в переходных обществах.

Возвращаясь к качественному анализу масс-медийных ресурсов, отметим, что в российской группе «СМИ и периодика», о которой говорилось выше, уже имеется 1500 сайтов, а в белорусском разделе «СМИ» – 135 сайтов, на которых представлены *WEB-страницы (сайты)* двух типов: во-первых, традиционные СМИ (газеты, журналы, радиостанции, телекомпании), выходящие параллельно и в «живом» бумажно-эфирном варианте, и, во-вторых, те электронные СМИ, ознакомиться с которыми могут только пользователи WWW.

Число последних сайтов в Интернет не только успешно конкурирует с традиционными СМИ, но и значительно превышает их по количеству ежедневных посещений. На основе анализа рейтинга посещений rambler.ru в январе–мае 2001 г. можно сказать, что постоянно семь-восемь из десяти мест по популярности занимают сайты именно таких электронных изданий. Оставшиеся два-три места в лучшей десятке периодически занимают сайты телекомпании НТВ, газет «Комсомольская правда» и «Коммерсантъ», радиостанций «Эхо Москвы» и Би-би-си, агентства «Интерфакс» и некоторых других традиционных СМИ. Тенденцию подтверждает и тот факт, что в популярной по читаемости двадцатке Интернет-ресурсов в январе–мае 2001 г. число сайтов традиционных СМИ не превышало пяти-шести.

Виртуальная форма традиционных средств массовой информации также обладает рядом преимуществ: экономится время, потраченное на поиск материального СМИ; оперативно можно прочитать большее количество зарубежных, центральных и местных масс-медиа; удобно подается и размещается информация; присутствует возможность превратить виртуальную форму традиционного СМИ в материальную путем распечатки на принтере; оперативно и без материальных затрат, иногда в интерактивном режиме, реализуется функция обратной связи масс-медиа и реципиента (пользователя информацией). Кроме того, пользователю становятся доступными огромные архивы информации. В качестве примера можно привести сайт Национальной электронной библиотеки (НЭБ)⁷, представляющей собой крупнейший электронный архив русскоязычных источников, в который поступает информация от 500 средств массовой информации – газет, журналов, информационных агентств, теле- и радиостанций, всего только на одном сайте НЭБ более 2 тыс. источников информации.

Отметим, что причиной уменьшения интереса к чтению периодической печати в настоящее время является не только экономический фактор (если изучать постсоветские государства), но и объективные общемировые предпосылки и тенденции. В последнее время происходило активное вытеснение прессы телевидением, которое превратилось в основное средство массовой информации: люди чаще смотрят телевизор, чем слушают радио или читают газеты. На телевидении выпускается все больше интерактивных программ, построенных по принципу диалога со зрителями: ведущие в эфире активно проводят различные опросы, результаты которых отражаются во время самой телепередачи, т. е. используются «интернетовские» технологии.

Однако в настоящее время в связи с тем, что число пользователей INTERNET в мире растет в арифметической прогрессии, можно утверждать, что сеть динамично развивает свои позиции, перехватывая у традиционных СМИ функции и аудиторию. В странах европейской демократии, и прежде

в Скандинавских, влияние Интернет сопоставимо с влиянием теле-, - и печатных СМИ и даже превышает его^{8,9}.

Интернет является средством массовой коммуникации, так как обладает свойствами, присущими традиционным масс-медиа, и в полном объеме выполняет социально-регуляторные функции. В то же время в рамках этого нового СМИ также доминируют масс-медийные ресурсы, специализирующиеся на работе с информационными потоками, а в связи с тем, что информация становится важнейшим ресурсом власти, можно утверждать, что в XXI в. Интернет превратится в основной институт, осуществляющий глобализацию и социализацию граждан.

Интернет – это мировое информационное пространство с неограниченными возможностями, отражающее все те проблемы, с которыми сталкивается общество сегодня. Наиболее актуальными из них являются: распространение информации, задевающей честь и достоинство конкретного гражданина, порочающей общественную нравственность, пропагандирующая религиозную, национальную, расовую и иную ненависть. В связи с этим работающая сеть все больше сталкивается с необходимостью правовой регуляции своей деятельности и определенного косвенного регулирования. Данный процесс должен осуществляться только на законодательном уровне, чтобы не ущемлять свободу массовой информации, права человека и соответствовать международно-правовым документам, ратифицированным государствами.

С целью определения направлений регулирования и регламентации в странах созданы различные общественные организации, разрабатываются кодексы поведения в INTERNET, принимаются законы (например, в Англии)¹⁰, причем проблемы законодательного регулирования деятельности в данном случае одинаковы для всех стран.

WWW. – это не просто средство массовой информации, это целая сфера регулирования которой является трудной задачей. В связи с тем, что во всем мире сталкиваются с проблемой трансформации действующих норм к новому пространству, создаются международные, региональные, национальные организации. Среди них можно отметить британскую организацию WF, которая в последние годы выходит на европейский и мировой уровень, и американскую ICANN, решения которой рассматриваются всеми провайдерами как обязательные. Отметим, что Совет Европейского Союза 21 декабря 1998 г. принял план действий по безопасному использованию всемирной сети, рассчитанный на четыре года, целью которого является создание системы безопасного использования Интернет¹¹.

В Российской Федерации также предприняты попытки решения указанных проблем. Центр «Право и СМИ» организовал рассмотрение вопросов правового регулирования телекоммуникаций, в результате чего был подготовлен проект Закона РФ «О внесении изменений и дополнений в федеральный Закон РФ «О связи»». В нем применен термин «информационные ресурсы», которые классифицированы на пять категорий: *первая* – телевидение и радио, *вторая* – компьютеры, *третья* – печатная пресса, *четвертая* – кино- и видеопродукция, книги, компакт-диски и т. д., *пятая* – реклама, агитационные и прочие плакаты, тексты¹². В проекте Закона отмечено, что достаточно полным регулированием располагают печатные ресурсы, наиболее бедственное положение у компьютеров. Одним из целесообразных подходов в данном случае является разработка кодексов и закрепление требований всех составных частей политической системы Интернет по аналогии с печатными СМИ. В Республике Беларусь ресурсы регламентации WWW. не затронуты в национальном законодательстве, что способствует динамичному и свободному развитию белорусских ресурсов.

В заключение отметим, что рост влияния Интернет постепенно приобретает качественный и необратимый характер. Увеличение числа пользователей напрямую связано с политическим и социально-экономическим положением в государстве, с состоянием научно-технического прогресса и уровнем образованности граждан и властных элит. При развитой политической системе и структурированном гражданском обществе число пользователей и, следовательно, влияние Интернет постепенно перекрывает воздействие традиционных СМИ. Данный процесс можно замедлить лишь введением регламентирующих правил и государственного монополизма на доступ к нему, однако остановить объективную тенденцию возрастания влияния всемирной сети невозможно.

Кроме того, в самом INTERNET традиционные и виртуальные СМИ преобладают среди остальных ресурсов, фиксируется рост числа виртуальных СМИ, не существующих в материальном пространстве. Это позволяет сделать вывод о свободе массовой информации в виртуальном пространстве даже в странах с авторитарной, тоталитарной, переходной и смешанной политическими системами¹². Можно утверждать, что в будущем аудитория Интернет превысит аудиторию телевидения, так же как в середине XX в. аудитория телевидения превысила аудиторию радио, а в начале XX в. аудитория радио, в свою очередь, превысила аудиторию действующих печатных изданий.

¹ См.: Пугачев В.П. Средства массовой информации в современном политическом процессе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. 1995. № 5. С. 3–16.

² См.: Гаджиев К.С. Средства массовой информации и политика // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. 1995. № 1. С. 47–58.

³ Dominic J. R. The dynamics of mass communication. USA. 1993. P. 424–432.

⁴ Классификатор www.rambler.ru по состоянию на 20 апр. 2001 г.

⁵ Классификатор www.all.by по состоянию на 20 апр. 2001 г.

⁶ См.: Классификатор www.rambler.ru по состоянию на 20 апр. 2001 г.

⁷ Сайт www.nel.nns.ru по состоянию на 20 апр. 2001 г.

⁸ См.: Вартанова Е.Л. Северная модель в конце столетия: Печать, ТВ и радио стран Сев. Европы между государств. и рыночным регулированием. М., 1997. С. 16–22.

⁹ Массовые коммуникации и свобода информации в США: политико-правовой аспект. М., 1992. С. 55–58.

¹⁰ Там же.

¹¹ Телекоммуникации и право: вопросы стратегии / Под ред. Ю.М. Батурина. М., 2000. С. 151–153.

¹² Воскресенский Ю.В. Возрастание роли Интернет как средства массовой информации в политической системе // Технологии информационного общества – Интернет и современное общество: Материалы Всерос. объедин. конф., Санкт-Петербург, 20–24 нояб. 2000 г. СПб., 2000. С. 93–94.

Юрий Валерьевич Воскресенский – аспирант кафедры политологии. Научный руководитель – доктор политических наук, профессор С.В. Решетников.

Н.К. СТАРУХИНА

О ПОЛИТИЧЕСКОМ И АДМИНИСТРАТИВНОМ АСПЕКТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Происходящие в современном мире процессы трансформации, перехода к постиндустриальному обществу неизбежно влияют на государство как элемент политической системы, являются причиной роста числа и сложности задач государственного управления, изменения его функций и методов. В процессе выхода из состояния системного кризиса, охватившего многие постсоциалистические страны, и создания в них рыночной инфраструктуры государству принадлежит ведущая роль. Следовательно, к третьему тысячелетию понимание государственного управления принципиально обновляется, все более необходимым становится научный подход к процессу управления, требуется дальнейшее развитие теории и методологии государственного управления, в рамках которой взаимодействие политического и административного – одна из самых сложных и интересных проблем. Несмотря на то что ее касались еще основоположники науки государственного управления, до сих пор остаются неясными и противоречивые моменты. Создавшееся положение объясняется тем, что под влиянием политических, экономических, социокультурных факторов в разных странах исторически складывались свои подходы к государственному управлению, формировались разные научные школы. Однако не вызывает сомнений тот факт, что практика государственного управления в социалистических странах не выдержала испытания временем и к сегодняшнему дню переросла в перманентный управленческий кризис. Причина – в чрезмерной политизации и одновременно в занижении активной роли администрации в управлении государством.

Обратим внимание на ряд тесно связанных и часто смешиваемых понятий. Под *государственным управлением* понимают как *систему* целей, принципов, функций и методов государственно-властного воздействия на общественную жизнедеятельность, так и *процесс* реализации государственно-властных полномочий соответствующими органами, институтами и служащими. Термин *государственное управление* укоренился в отечественной традиции, и его замена другим в ближайшем будущем вряд ли возможна, в то время как в западной политологии используется понятие *публичное администрирование (public administration)*. В данном случае делается акцент на роли администрации в жизни общества, а не на властном управленческом начале, подчеркивается важность публичного, а не государственного. В этом смысле понятие «public administration» можно назвать продуктом западной демократической традиции. Применение не так давно появившихся у нас понятий «государственно-административное управление» и «государственное администрирование» можно рассматривать как своего рода попытку приблизиться к науке и практике публичного админист-

рирования, не дающую, однако, вследствие неверного сочетания политического и административного элементов никакого положительного эффекта.

Основная проблема заключается в том, какой смысл вкладывается в понятие «администрирование». В западной науке долгое время считалось, а у нас принято считать до сих пор, что роль администрации состоит исключительно в воплощении курса, сформулированного органами политической власти, а сама администрация рассматривалась как «совокупность людских и материальных средств, призванных обеспечивать под руководством политической власти исполнение и применение законов». Иными словами, «политическая власть – голова, а администрация – руки. Если вместо политической власти важное решение принимает администрация, то это лишь означает, что были плохо распределены обязанности»¹.

Одно из этимологических толкований термина «администрация» исходит из латинского *ad-ministrare* – «служить для», глагол *ministrare* – производная от *ministris* – «слуга», т. е. над администрацией всегда находится некто, кому принадлежит власть. Под администрированием в узком смысле понимается деятельность по проведению в жизнь законов и политики, провозглашаемой высшими органами власти. На высшем, политическом уровне определяются цели, решаются вопросы *что? зачем? и почему?*, а на административном – эти цели реализуются, решаются вопросы *как? и при помощи чего?* Политические решения имеют эмоционально-ценностную окраску, в административных ярче выражена рационально-позитивная. При выработке политического решения опираются на учет интересов, лежащих в основе политики, а при оценке административного решения исходят из степени его эффективности, соотнося результаты с затратами². Поэтому административные решения должны приниматься компетентными специалистами, а политические – теми, кто выступает в роли выразителя соответствующих интересов.

Понимание процесса администрирования в узком смысле является характерной чертой классической административной теории, которая строго разделяет администрирование и процесс принятия политических решений, а следовательно, – административный и политический виды деятельности. Такое чисто механистическое видение роли администрации не является полным.

Законы, правительственные распоряжения, официальные сообщения высших должностных лиц и другие политические действия – только абстракция, пока они не преобразованы в действия администрации. Но реализацию публичной политики следует рассматривать не просто как техническую стадию, результатом которой является конечный продукт, а как процесс взаимодействия между установлением целей и действиями, приводящими к их достижению, т. е. средствами³. Невозможно провести точные отличия между целями и средствами, цели часто пересматриваются в соответствии с пригодностью средств. В выборе средств администратор определяет, какие цели будут достигнуты, а какие – проигнорированы. Поэтому администрирование нельзя определить лишь как средство достижения политических целей.

Проходя сквозь призму организационных и индивидуальных потребностей администрации, принятые законы и политика изменяются, приспособляются так, чтобы соответствовать локальным и специфическим условиям. Конфронтация между абстрактными проблемами управления и конкретными нуждами индивидов также требует, чтобы администраторы формировали публичную политику⁴. Административные новшества часто становятся основанием для пересмотра законодательства и изменения существующих законов и правил.

Наиболее явно связь администрирования и процесса принятия решений просматривается в дискреционной деятельности современной государст-

венной бюрократии, т. е. деятельности, основанной на возможности самостоятельно выносить решения. К ней относятся полномочия постоянных государственных агентств устанавливать определенные правила. В случае, если требующие исполнения закон или политика содержат неточности или пробелы, администратор также получает возможность выносить решения.

Таким образом, сегодня государственная администрация – это политическая сила, принимающая активное участие на каждой из стадий создания политики. Более того, политическая роль администрации растет, что вызвано в первую очередь усложнением и увеличением количества функций государственного управления. Еще М. Вебер писал: «При старом режиме профессионально обученный ответственный референт и советник-докладчик был: гораздо более информирован, чем его шеф, относительно подлинных технических проблем дела, которым он занимался... Таким образом чиновник-специалист в отношении всех обыденных потребностей оставался самым могущественным»⁵. Принятие политических решений сегодня требует высокого уровня специализации в разных областях, а политические лидеры, естественно, не обладают всеми необходимыми для этого знаниями и навыками. Следовательно, участие компетентных специалистов-администраторов на сегодняшний день все более необходимо. Изменяется и само содержание модели «идеального бюрократа». У М. Вебера он выглядел, например, так: занимается рутинной деятельностью, исполняя только то, что задано, концентрирует внимание на самой деятельности, не любит изменений, избегает допускать ошибки (они административно наказуемы), концентрирует внимание на ограничениях, выдвигает на первый план безопасность, не имеет желания переучиваться. Идеальный *современный* чиновник, наоборот, идет на риск в необходимых ситуациях, постоянно принимает инновации, концентрируется на результатах деятельности, стремится к изменениям, относится к ошибкам с пониманием и учится на них, концентрирует внимание на появляющихся возможностях, выдвигает на первый план необходимость достижений, стремится постоянно повышать квалификацию⁶.

Не все чиновники и административные органы обладают равными по значимости и силе политическими полномочиями. Во-первых, чем выше уровень, на котором находится та или иная административная единица, тем шире сфера ее политического действия. Во-вторых, имеет значение степень политизированности администрации. Этот фактор требует более подробного рассмотрения, так как если раньше мы говорили о роли администрации в политике, то теперь речь должна идти о влиянии политики на государственное управление.

Политизация имеет место, когда работники управленческого аппарата связаны с политической властью узами более прочными, чем иерархическая связь, узами личной или политической преданности⁷. О недопустимости именно этого явления писал М. Вебер: «Подлинной профессией настоящего чиновника... не должна быть политика. Он должен управлять прежде всего беспристрастно»⁸. В. Вильсон в статье «Изучение управления» (1887 г.) подчеркивал разницу между политикой и управлением: «Поле публичной администрации – поле бизнеса. Она удалена от спешки и борьбы политических убеждений». Независимость администрации по отношению к политической власти, во-первых, позволяет служащим высказывать свободные и здравые суждения, т. е. исключает конформизм; во-вторых, обеспечивает жизнеспособность и преемственность администрации, так как является гарантией от влияния на ее работу политических потрясений; и в-третьих, наделяет администрацию свободой принимать политические решения и проявлять инициативу в их реализации.

Политизация административного аппарата – характерная черта *тоталитарного режима*. Когда управление государством основывается на «ру-

ководящей и направляющей роли партии» или слепом подчинении вождю, функции администрации сводятся к формуле «команда – исполнение». Инициатива, критика и творческий подход исключаются. Администрация не участвует в принятии политических решений, а значит, они являются опасно поверхностными и неточными, так как при тоталитарном режиме сфера компетенции политических лидеров расширена в ущерб ее глубине. Мало того, в оправдание допущенных промахов политические лидеры часто делают администрацию «козлом отпущения».

Еще одну, более мягкую, форму политизации М. Вебер характеризует так: «*Политические чиновники* в собственном смысле слова характеризуются тем, что в любой момент могут быть произвольно перемещены или уволены... В Англии это чиновники, покидающие свои посты при смене парламентского большинства и, следовательно, кабинета»⁹. По Закону о государственной службе ФРГ чиновники могут участвовать в деятельности политических партий и добиваться парламентской карьеры, т. е. являются привилегированной политической группой.

Правительства сменяются, в общественном мнении происходят постоянные сдвиги, принимаются новые законы и программы, т. е. существует политическая среда, ограничивающая деятельность чиновника. Главным ограничителем является избирательный цикл, устанавливающий временные рамки. Чтобы быть переизбранным, политическому чиновнику необходимо изучать проблемы, предпочтения населения, согласовывать свои программы с их требованиями и, наконец, действовать. Как полушутя-полусерьезно отметил один из наместников президента РФ, ежегодные выборы российских губернаторов заставили бы действующих губернаторов все время работать, чтобы оказаться вновь избранными. Однако политические ограничения часто сказываются на действиях администрации отрицательно. Так как впечатляющие решения и действия с быстрым видимым результатом более популярны, чем постепенные шаги по устранению проблемы, чиновники злоупотребляют правилом «казаться, чтобы быть». Найти простой выход из сложной ситуации, сократить время на достижение желаемой цели, обойти неизбежные трудности – соблазны, которые порождаются ограничением во времени.

На качестве работы администрации отрицательно сказывается необоснованно высокое количество политических чиновников в административной системе и является источником ее нестабильности. Поэтому, например, в США законом Пенделтона в 1883 г. положен конец системе «дележа добычи», позволявшей чиновникам злоупотреблять должностями, а главное, вынуждавшей сменять сотни тысяч управленцев в зависимости от исхода президентских выборов.

Соотношение между политическими и карьерными чиновниками в разных странах колеблется: в США, например, оно составляет 1:5, в Англии и Франции – 1:40¹⁰. Однако общим правилом является стремление к политической нейтральности управленческого аппарата. Получение должности публичного администратора должно зависеть от навыков и способностей, а не быть наградой для лидера или партии; общественные программы предназначены для производства товаров и услуг, а не для использования в качестве козырных карт в политических сделках; принимаемые решения должны опираться на планирование, а не на личный или партийный интерес. Поэтому вместе с определением статуса госслужащих в специальном законе используется механизм конкурсного набора чиновников.

В США Служба высших руководителей насчитывает около 8 тыс. служащих, стоящих между руководителями, назначаемыми президентом, и остальными федеральными госслужащими. Прием на должности Службы основан на принципах конкурентности и открытости: необходимо пройти конкурсные экзамены и победить в открытой борьбе с другими кандидатами.

Существует и альтернативный путь поступления – через участие в специальной обучающей программе. В каждом федеральном ведомстве создается Совет по управленческим ресурсам, определяющий процедуру найма и отбора на руководящие должности, которая включает объявление об имеющихся вакансиях, предварительное собеседование работника отдела кадров с кандидатом, углубленное изучение последнего и рекомендации Совета о соответствии кандидата требованиям, предъявляемым данной должностью. Затем все документы направляются в Квалификационную комиссию, состоящую в основном из карьерных чиновников различных министерств, которая решает вопрос об уровне компетенции и соответствии кандидата необходимым требованиям, исходя из наличия управленческого опыта, квалификационных и личных качеств, обеспечивающих успех в работе, а также успешного прохождения специальных учебных программ для руководителей. Все кандидаты оцениваются в соответствии с моделью управленческой компетентности¹¹.

Еще одним видом политизации государственного аппарата являются отношения администрации и групп давления. *Официальные* отношения появляются, когда администрация признает представительный характер тех или иных групп и консультируется у них по какому-то вопросу либо привлекает их к выработке решений¹². *Неофициальные* отношения трудно выявляются и представляют большую опасность из-за содействия возникновению коррупции, практики «смены кресел» (когда чиновник покидает службу для занятия ответственного поста в частном секторе) и давления заинтересованных групп через политических деятелей. Противовесом этим явлениям становятся специальные законы или кодексы административной этики. В США, например, действуют Федеральный Закон о коррупции, Закон об этике служащих государственных органов, в 36 штатах существуют кодексы этики государственных служащих. Чиновникам запрещено брать какие-либо подарки в 33 штатах. Введены ограничения на переход в частный сектор после увольнения со службы. Для высших чиновников в течение одного года запрещено заниматься лоббистской деятельностью. В принятом в 1958 г. Кодексе этики правительственной службы записано: «Каждое лицо, находящееся на государственной службе, должно, во-первых, ставить преданность высшим моральным принципам и государству выше преданности отдельным лицам, партии или государственным органам; во-вторых, поддерживать Конституцию, законы и постановления Соединенных Штатов и всех органов власти и никогда не поддерживать тех, кто уклоняется от их исполнения»¹³.

Таким образом, когда говорят о взаимодействии политического и административного в государственном управлении, имеют в виду, *во-первых*, разделение государственной власти на два уровня в зависимости от характера прохождения процесса принятия политических решений: высший, политический, и подчиненный ему, административный. Подход, исключая активную роль администрации на каждой из стадий policy making, постепенно утрачивает силу, на смену ему приходит другой, который говорит о росте политического влияния современной администрации. Исключение администрации более компетентной, чем политические лидеры, из процесса создания политики негативно сказывается на эффективности государственного управления. Однако при чрезмерном наделении ее политическими полномочиями проведение внешнего и внутреннего курса страны осуществляется анонимными служащими, не подотчетными гражданам и не являющимися выразителями их интересов. Поэтому в любой политической системе, тоталитарной или демократической, государственное управление подвержено влиянию политических сил. Таким образом, можно утверждать, что, *во-вторых*, существует политизация административного аппарата, принимающая разные по силе формы: подчинение партии или вождю в то-

талитарных государствах, зависимость деятельности чиновников от исхода выборов или взаимодействие государственных служащих с группами давления. В настоящее время развиваются механизмы, обеспечивающие независимость администрации от политической власти: законы о службе в государственном аппарате, кодексы этики государственных служащих, а также формирование слоя карьерных служащих посредством конкурсного набора.

В переходных обществах для выхода из кризиса и формирования рыночных отношений требуется сокращение директивного начала в управлении, следовательно, растет потребность в профессиональных администраторах. Например, в России с 1994 по 1998 г. численность работников органов власти и управления выросла более чем на 110 тыс. человек по сравнению с их численностью в СССР на конец 1990 г.¹⁴ Однако увеличение количества и расширение полномочий администраторов без предотвращения политизации управленческого аппарата только усугубляют ситуацию в государстве. Опыт тоталитаризма сформировал, к сожалению, в нашей стране стереотипную модель организации государственного управления, в которой администратор не мыслит себя отдельно от политического лидера, видит свою роль исключительно в исполнении приказа, а политическая власть расценивает администрацию не как активную политическую силу, а лишь как полностью подчиненную себе структуру. В этих условиях проводимые в Республике Беларусь меры по повышению эффективности работы управленческого аппарата, такие как создание кадровых реестров и резервов на замещение, аттестация руководящих кадров, повышение их квалификации и некоторые другие, не являются комплексными и поэтому не дают ожидаемого эффекта.

Таким образом, при ближайшем рассмотрении проблемы взаимодействия политики и администрации в нашей стране ясно видится назревшая необходимость реформы государственного управления. Целесообразно провести ее по следующим направлениям: сформировать группу политических чиновников, выдвигающихся выборным путем и в своей деятельности учитывающих мнение избирателей, являющихся выразителями их интересов, так как существование двух категорий чиновников – политических и карьерных – условие сбалансированного государственного управления; пересмотреть механизм формирования группы карьерных служащих: осуществлять их набор путем максимального использования конкурсов и обучающих программ; найти рациональное соотношение между политическими и карьерными служащими; повысить роль администрации на всех стадиях государственного управления: в области политического планирования, организации работы, укомплектования персоналом, руководства, составления и исполнения бюджета, координации, учета и контроля; продолжать работу по обучению и повышению квалификации руководящих кадров, способствовать их активной ротации; усовершенствовать законодательство в области регулирования деятельности государственного аппарата, разработать и принять Кодекс этики государственных служащих. Указанные меры будут способствовать повышению эффективности государственного управления в Республике Беларусь.

¹ Драго Р. Административная наука. М., 1982. С. 39–40.

² См.: Левин А. Я. Политика и управление. Н. Новгород, 1991.

³ См.: Dennis J., Palumbo D. Public policy: government in action. Arizona, 1988.

⁴ См.: Dennis J., Palumbo D., Maynard-Moody S. Contemporary public administration. New York, 1991.

⁵ Вебер М. Политика как призвание и профессия. М., 1990. С. 661.

⁶ См.: Василенко И. А. Административно-государственное управление в странах Запада: США, Великобритания, Франция, Германия. М., 1998.

⁷ См.: Драго Р. Указ. пр.

⁸ Вебер М. Указ. пр. С. 666.

⁹ Там же. С. 661.

¹⁰ См.: Лобанов В. Управление высшим административным персоналом (опыт Голлан-

дии и США) // Проблемы теории и практики управления. 2000. № 2.

¹¹ См.: Лобанов В. Указ. пр.

¹² См.: Драго Р. Указ. пр.

¹³ Лобанов В. США: административная этика и государственная служба // Проблемы теории и практики управления. 1996. № 4. С. 68–70.

¹⁴ См.: Карапетян Л. Концептуальные вопросы социального управления // Проблемы теории и практики государственного управления. 1999. № 5.

Наталья Константиновна Старухина – аспирантка кафедры политологии. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент Н.П. Денисюк.

И.В. КОВАЛЕВА

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРАВА НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ

В условиях глубоких политических и экономических преобразований, происшедших в мире, этнический фактор стал одним из важнейших в общественной жизни. Ряд межэтнических конфликтов, нередко напрямую связанных с положением национальных меньшинств, подтвердил значимость данного фактора как воздействующего на безопасность, территориальную целостность и суверенитет государств, обеспечение основных прав и свобод человека. Поэтому рост национального самосознания меньшинств, пробуждение интереса к национальной культуре, традициям, истории своего народа, стремление к сохранению своего жизненного уклада находят понимание мирового сообщества и отдельных государств.

Особенно актуальна исследуемая проблема в новых независимых государствах, где в течение долгого времени не уделялось должного внимания их культурным и духовным потребностям, в результате чего деформировались язык, культура, самобытность. В этом плане будет полезно обратиться к опыту решения проблем национальных меньшинств в странах Западной Европы. Необходимость поиска средств, обеспечивающих их существование в различных государствах, требует решения задач, связанных с защитой их прав. Важная роль в разработке этих принципов принадлежит авторитетным международным организациям – ООН, Совету Европы, ОБСЕ. В настоящее время наиболее важным является вопрос о том, могут ли права национальных меньшинств быть эффективно защищены через обеспечение общих прав человека или же необходимы какие-то дополнительные, особые меры. Рассматриваемая проблема возникла перед международными организациями в 1980–1990-х гг. До этого времени защита меньшинств осуществлялась в режиме защиты общих прав человека.

Система международно-правовой защиты меньшинств начала формироваться в период возникновения Лиги Наций, которая, будучи частью Версальской системы, ставила своей целью создание надежных механизмов обеспечения мира и безопасности в Европе, одним из которых являлись обязательства государств о предоставлении им основных гражданских и политических прав, таких как обеспечение всем жителям страны в одинаковой мере защиты жизни и свободы, равенство перед законом, право организовывать за свой счет школы, церкви и благотворительные учреждения, пользоваться родным языком. Данные принципы объявлялись обязательными и гарантированными Лигой Наций, вследствие чего она стала первой международной организацией, которая выносила вопрос о меньшинствах за рамки внутренних дел страны. Такой подход к национальным меньшинствам видится многим ученым более действенным и эффективным, чем режим их защиты, сформировавшийся с созданием ООН, когда исследуемая проблема трактовалась исключительно в контексте защиты общих прав человека, что предполагало защиту прав всех представителей национальных меньшинств как отдельных личностей, но полностью игнорировала коллек-

тивные проблемы. Большинство стран, принимавших участие в разработке Устава ООН, посчитали, что признание и защита национальных меньшинств может дестабилизировать общество и иметь нежелательные последствия, а предоставление какой-либо группе дополнительных прав в политической, экономической и даже в культурной сфере приведет к требованию самостоятельности и собственной государственности. Поэтому до сегодняшнего дня продолжают споры о том, нужны ли коллективные права национальным меньшинствам. Существуют два базовых подхода к решению этого вопроса. Согласно одному из них права меньшинств могут быть эффективно защищены через обеспечение прав человека как таковых, по другому – наряду с этими базовыми правами человека требуются дополнительные, коллективные. Индивидуальные и коллективные права неразрывно связаны между собой, хотя и различны по своей природе. Лица, принадлежащие к меньшинствам, обладают теми же индивидуальными правами, что и большинство граждан. Это те естественные права, соблюдение которых является показателем всех процессов, происходящих в обществе, так как их нарушение деформирует нормальное развитие общества. После провозглашения этих прав в Уставе ООН, во Всеобщей декларации прав человека и закреплении в других международных документах они стали императивным принципом международного права. Равенство прав всех членов общества независимо от национальности является необходимой предпосылкой для равенства в фактическом положении меньшинства и большинства населения. Но для решения проблем, связанных с национальными меньшинствами, признание лишь общих прав человека является недостаточным: требуется еще и защита коллективных прав меньшинств, которые не являются естественными правами, так как они формируются по мере становления интересов той или иной общности или коллектива. Их нельзя рассматривать как сумму индивидуальных прав лиц, входящих в ту или иную общность, ведь они имеют качественно иные свойства, определяемые целями и задачами конкретного коллективного образования. Позиции различных государств в этом отношении расходятся, что определяется условиями исторического развития, традициями. Для США характерны индивидуальный подход и стремление обеспечить права лиц, принадлежащих к разным группам населения, через защиту прав индивида. Во многих европейских государствах существует стремление к признанию и защите прав меньшинств как особых прав коллектива. Каждая из позиций, взятая в отдельности, является недостаточной, и только в рамках сочетания индивидуального и коллективного подходов могут быть обеспечены права как лиц, принадлежащих к меньшинствам, так и меньшинств в целом.

Обратим внимание на то, что целью защиты лиц, относящихся к национальным меньшинствам, в рамках общих прав человека является достижение недискриминации и вытекающее из нее всеобщее равенство, провозглашенные в Уставе Организации Объединенных Наций (ст. 1 и 55) и во Всеобщей декларации прав человека (ст. 2). На предотвращение любых действий, ущемляющих права и свободы человека, защищающих от дискриминации, направлены такие правовые акты, как Международное соглашение о ликвидации всех форм расовой дискриминации (ООН, 1965), Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости или дискриминации на основании религиозных убеждений и верований (ООН, 1981), Соглашение относительно дискриминации при приеме на работу и в области занятости (МОТ, Соглашение 11, 1958), Соглашение против дискриминации в образовании (ЮНЕСКО, 1960)¹. Недискриминация и соответствующее ее выполнение позволили лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам, стать во всех отношениях равноправными с представителями других национальностей в государстве, предотвратить действия, которые направлены на притеснение прав личности.

В международной практике наряду с термином "коллективные" в качестве синонимов употребляются термины "особые" или "специальные" права, которые можно определить как права, обеспечивающие меньшинства необходимыми средствами для сохранения их особенностей и традиций, как защищающие недоминантные группы, которым необходим особый статус с целью сохранения присущих им характеристик. Особые права не следует понимать как привилегии, которые ставят меньшинства в более выгодное положение по сравнению с остальным населением, ведь нарушение прав национальных меньшинств в большинстве случаев происходит как нарушение их коллективных прав, поэтому особые права меньшинств вызваны необходимостью их защиты в условиях неравного положения и тем, чтобы приблизить их к положению большинства населения государства. Эту группу составляют права, обеспечивающие этническую, культурную, религиозную, языковую самобытность. Лишь возможность пользоваться родным языком, организация национальных школ, участие представителей национальных меньшинств в политической и экономической жизни страны могут сблизить условия жизни меньшинств и основного населения.

По мнению экспертов ряда международных организаций, *коллективные права* могут предоставляться в различных сферах деятельности. Практически все государства дают возможность меньшинствам проводить свою собственную политику в области образования – создавать и содержать школы, обучать на родном языке, а также в сфере культуры – право на сохранение и развитие духовного наследия. Предоставляется также право на поддержание контактов со страной происхождения и с родственниками, проживающими в других государствах, на принятие участия в традиционных видах экономической деятельности. Государственное обеспечение свободного использования национальных языков, образование на родном языке и национальная культура оказывают решающее воздействие на самосознание народа. Особенно важно обучение детей и молодежи, принадлежащих к национальным меньшинствам, на своем языке. Учитывая важность данной проблемы, в рамках Совета Европы была принята Европейская хартия региональных языков и языков национальных меньшинств (1998). Правовой инструментарий хартии гарантирует защиту и распространение языков национальных меньшинств посредством их использования в образовательных учреждениях, средствах массовой информации, юридической, экономической, административной и общественной жизни. Данный документ имеет прогрессивное значение, так как предоставление возможности свободного использования родного языка в различных сферах жизнедеятельности является признанием за национальными меньшинствами коллективных прав в области языка.

В Финляндии, например, законодательно регламентируется право шведского и саамского населения в области образования. Согласно акту о детских садах муниципалитеты должны обеспечивать детям возможность посещать детские сады, где говорят на их родном языке, в том числе и на языке меньшинств – шведском и саамском. В соответствии с актом о единой школе в обязанности муниципалитетов входит создание начальных школ для национальных меньшинств, если есть не менее 13 учащихся этого возраста, средних школ, если на данной территории проживает свыше 40–90 учащихся, представляющих меньшинство, в каждой параллели². Преподавание на шведском языке ведется и в высших учебных заведениях Финляндии, где, например, в Хельсинкском университете работают 25 шведских кафедр, а в Турку действует шведский университет³. Финляндия является единственной страной, где высшее образование осуществляется на языке меньшинства. В Австрии на земле Бургенланд проживают хорваты, словенцы и венгры. Закон о школах этой земли предусматривает, что

язык меньшинства становится языком обучения, если не менее 70 % населения района, обслуживаемого школой, составляют лица, относящиеся к данному меньшинству. Если их количество составляет от 30 до 70 % населения, обслуживаемого школой района, то в качестве языков обучения используется как общенациональный, так и язык меньшинства. Если члены меньшинства составляют менее 30 %, то обучение ведется на общенациональном языке, но детям, из числа меньшинств, предоставляется возможность изучать свой родной язык. Преподавание языка обязательно, если хотя бы 20 детей, принадлежащих к меньшинству, посещают занятия⁴.

В настоящее время в странах Западной Европы все больше внимания уделяется повышению роли национальных меньшинств в выработке общенациональных решений и представительству их интересов на центральном уровне, т. е. участием национальных меньшинств в политической жизни страны. В этой сфере можно выделить *следующие тенденции*: создание консультативных органов из представителей национальных меньшинств на центральном уровне; учет их мнения при принятии общенациональных актов, затрагивающих интересы данных групп населения; создание в рамках высших государственных органов специальных подразделений, представляющих интересы меньшинств.

Создание консультативных органов из представителей национальных меньшинств на центральном уровне встречается довольно часто. В Финляндии существует Шведская народная ассамблея и Саамский парламент, избираемые раз в четыре года представителями данных групп населения. Эти органы могут выступать с предложениями по всем вопросам, затрагивающим интересы меньшинств, и даже поднимать их на государственном уровне по собственной инициативе. Представители государственных структур обязаны консультироваться с данными учреждениями по вопросам, затрагивающим их интересы. В Австрии также созданы органы подобного типа. Так, при ведомстве федерального канцлера действуют Советы национальных меньшинств, которые консультируют правительство федерации и правительства земель, хотя члены этих советов и назначаются центральным правительством, однако кандидатуры в их состав выдвигаются общественными организациями национальных меньшинств. Распространенной является практика заслушивания их мнения при вынесении решений на центральном уровне. В Италии представители областей, где компактно проживают немцы, французы и граждане славянских национальностей, присутствуют на заседаниях правительства при обсуждении вопросов, затрагивающих интересы данных областей. Распространение получили встречи членов правительства и представителей национальных меньшинств, что помогает центральной администрации получать достоверную информацию из первых рук. В Румынии с 1993 г. при правительстве действует Совет по делам национальных меньшинств, в состав которого входят по три представителя от каждого меньшинства. Целью создания данного органа был учет их мнения по вопросам, затрагивающим их интересы и права в законодательной, административной, финансовой сферах.

В государственном аппарате многих стран Европы создаются разнообразные органы, курирующие вопросы, связанные с деятельностью меньшинств⁵. В Австрии данными проблемами занимается федеральный министр по делам национальных меньшинств, в Финляндии в рамках Министерства внутренних дел существует Консультативный совет по делам саамов, а также Консультативный совет по делам цыган при Министерстве социальных вопросов и здравоохранения. В Италии при главе правительства действует специальная служба по вопросам приграничных зон, национальных меньшинств, двуязычия. В отдельных государствах применяется инсти-

тут специальных омбудсменов*, например, в Швеции действует омбудсмен по вопросам борьбы с этнической дискриминацией, в Австралии – комиссар по правам человека для борьбы с этнической дискриминацией, в Венгрии – уполномоченный государственного собрания по правам национальных и этнических меньшинств⁶.

Таким образом, рассмотрев опыт европейских стран, можно сделать вывод, что для обеспечения справедливого политического положения национальных меньшинств необходимо предоставление им особых прав, которые можно определить как:

- законодательное признание национальных меньшинств;
- право меньшинств на существование как группы;
- право на обучение и получение информации на родном языке;
- обязанность правительства получать согласие или консультироваться с меньшинствами по вопросам, которые затрагивают их интересы;
- гарантирование меньшинству представительства в законодательных и других органах, включая межправительственные.

Основание для реализации коллективных прав дают такие международные законодательные акты, как Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, Рамочная конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств и др. Наиболее значимым документом по особым правам является Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.). В 27 ст. документа говорится: "...в государствах, в которых существуют этнические, религиозные или иные меньшинства, лица, входящие в их состав, не должны быть лишены права совместно с другими лицами иметь свою собственную культуру, исповедовать и исполнять свою религию или говорить на родном языке"⁷. Из данного положения следует, что речь в пакте идет о правах не группы, а лишь отдельных ее членов, хотя фраза "совместно с другими лицами... входящими в их состав" вносит неоднозначность, которую можно понимать как невозможность государства отказать национальному меньшинству в праве на пользование своим языком и на сохранение своей самобытности.

Государство, закрепив законодательно положения о коллективных правах, должно сделать определенные организационные шаги для того, чтобы эти правовые документы реализовались. Во многих европейских странах (Дания, Австрия, Германия, Греция и др.) национальные меньшинства пользуются государственной финансовой поддержкой: из государственного бюджета выделяются средства для подготовки учителей, содержания школьных зданий, выплаты стипендий учащимся, финансирования библиотек, поддержания изданий и культурных ассоциаций национальных меньшинств.

Отметим, что приоритет в предоставлении коллективных прав национальным меньшинствам принадлежит отдельным государствам. Современный международный правовой порядок признает ценности индивида, принадлежащего к меньшинству, но неоднозначен в признании коллективных ценностей меньшинства. Отчасти это можно объяснить тем, что в области защиты прав национальных меньшинств практически не существует схожих ситуаций и формы защиты применительно ко всем случаям заранее определить невозможно. Процессы европейской интеграции и наличие наднациональных европейских органов в перспективе создают возможность ре-

* Омбудсмен – (англ. ombudsmen), лицо, назначенное правительством, для получения и реагирования на жалобы, поступающие от простых граждан по поводу работы правительства и качества предоставляемых общественных услуг.

шения проблем защиты прав национальных меньшинств посредством предоставления им различных коллективных прав, которые уравнивают их с положением большинства.

¹ См.: Международная защита прав и свобод человека: Сб. док. М., 1990.

² См.: Государство, право и межнациональные отношения в странах западной демократии. М., 1993. С. 114.

³ См.: Этнические меньшинства в современной Европе. М., 1997. С. 190.

⁴ См.: Государство, право и межнациональные отношения в странах западной демократии. М., 1993. С. 118.

⁵ См.: Васильева Т. А. Правовой статус этнических меньшинств в странах Западной Европы // Государство и право. 1992. № 8. С. 141.

⁶ См.: Юрьев С. С. Правовой статус национальных меньшинств (теоретико-правовые аспекты). М., 2000. С. 42.

⁷ Международная защита прав и свобод человека: Сб. док. М., 1990. С. 32.

Ирина Валерьевна Ковалева – аспирантка кафедры политологии. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент Н.П. Денисюк.

А.Ф. ГУЛЮК

ПРАБЛЕМА СТАНУ БАЛКАНСКІХ ПЕРАСЯЛЕНЦАУ У АУСТРА-РАСІЙСКІХ АДНОСІНАХ У СЯРЭДЗІНЕ XVIII ст.

Пытанне аб лёсе балканскіх народаў і іх месцы ў сістэме міжнародных адносін у Еўропе і на Блізкім Усходзе з'яўлялася адной з найбольш вострых і складаных праблем на працягу некалькіх стагоддзяў. У XIV–XV ст. Балканскі паўвостраў амаль цалкам аказаўся пад уладай турак-асманаў. Напрыканцы XIV ст. яны заваявалі Македонію і Балгарыю, потым Сербію, Боснію, Герцагавіну, амаль усю Грэцыю і Албанію. У канцы XV ст. фармальна была ліквідавана самастойнасць Чарнагорыі. Пасля Махачскай бітвы 1526 г. і Дуброўнік, які знаходзіўся пад суверэнітэтам венгерскіх князёў, прызнаў над сабой вярхоўную ўладу турэцкага султана. У далейшым дзяржаўныя межы на Балканах неаднаразова змяняліся, і гэтыя змены былі даволі частымі і значнымі.

У ходзе вайны з Турцыяй у 1716–1718 гг. аўстрыйскія войскі прасунуліся далёка на поўдзень і захапілі гарады Пажарэвац, Краёву, Белгарад. 21 ліпеня 1718 г. быў заключаны Пажарэвацкі мірны дагавор, які замацаваў за Аўстрыяй занятыя ёй раней тэрыторыі – Малую Валахію да р. Олт, Банат, значную частку Сербіі з Белгарадам, частку Славоніі і Паўночную Боснію¹. Аднак праз дваццаць гадоў Аўстрыя, якая ўдзельнічала разам з Расіяй у вайне 1735–1739 гг. супраць Турцыі, страціла раней захопленыя ёй Паўночную Сербію і Малую Валахію. У складзе Аўстрыйскай манархіі ўсё ж засталася частка сербскіх зямель – Банат, Баранья, Срэм, Бачка.

У наступны перыяд на балканскую палітыку Аўстрыі уплывалі не толькі яе асабістыя інтарэсы і адносіны з Турцыяй, але і пазіцыя Расіі. Аўстрыя яшчэ з XVII ст. была звязана з Расіяй агульнай мэтай супрацьстаяння асманскай экспансіі. Гэту пазіцыю пацвердзіла руска-аўстрыйская дэкларацыя ад 28 снежня 1739 г. аб саюзе і ўзаемнай дапамозе.

У той жа час, у перыяд аслаблення Асманскай імперыі, і Аўстрыя, і Расія імкнуліся ўзмацніць свой уплыў і пранікнуць на Балканскі паўвостраў. Аўстрыйскія Габсбургі пічылі Балканы зонай свайго уплыву і адмоўна ставіліся да прасоўвання Расіі к вусцю Дуная і ўмацаванню яе пазіцый у гэтым рэгіёне². У выніку складаных перамоў у 1746 г. Расія і Аўстрыя ўсё ж такі падпісалі саюзны дагавор. У “сакрэтнейшым артыкуле аб Атаманскай Порце” яны гарантавалі ўзаемную падтрымку тэрмінам на 25 гадоў у тым выпадку, калі Асманская імперыя паспрабуе парушыць статус, створаны ў Паўднёва-Усходняй Еўропе Белгарадскім мірам 1739 г. Дзве дзяржавы зноў

вярнуліся да “сакрэтнейшага артыкула” і пацвердзілі яго значэнне на вечныя часы у 1753 г.³

Нягледзячы на руска-аўстрыйскія супярэчнасці на Балканах у сярэдзіне XVIII ст., адзінства пазіцый у адносінах да Асманскай імперыі яшчэ было патрэбна і Вене, і Пецярбургу. З боку Аўстрыі гэта падмацоувалася і яе імкненнем набыць падтрымку Расіі супраць антыаўстрыйскага блоку Францыі і Прусіі.

Пасля уступлення на расійскі прастол Елізаветы Пятроўны ў 1741 г. знешнюю палітыку краіны узяў у свае рукі канцлер А.П. Бястужаў-Румін, паклаўшы ў аснову сваёй палітычнай сістэмы саюз Расіі з Аўстрыяй, мэтай якога было імкненне супрацьстаяць узрастаючай магутнасці Прусіі і пачаць наступленне на Турцыю. Значную ролю ў руска-аўстрыйскіх адносінах паранейшаму мелі балканскае пытанне і як яго састаўная частка – праблема перасялення ў Расію выходцаў з Балканскага паўвострава, што значна уплывала на характар узаемаадносін Расіі і Аўстрыі.

У канцы XVII ст. у аўстрыйскіх уладаннях пражывалі дзесяткі тысяч сербаў, складаўшых асноўную частку насельніцтва паўднёва-славянскіх зямель, якія уваходзілі ў імперыю аўстрыйскіх Габсбургаў. Многія сербы апынуліся на тэрыторыі Аўстрыі ў выніку міграцыйных працэсаў, часцей за ўсё выкліканых удзелам насельніцтва балканскіх правінцый Асманскай імперыі ў войнах на баку праціўнікаў Турцыі. Аўстрыйскія ўлады размяшчалі перасяленцаў у памежных з Асманскай імперыяй раёнах і залічвалі іх у асобныя палкі, якія ахоўвалі мяжу. Жыхары памежных раёнаў называліся гранічарамі і складалі своеасаблівую праслойку, якая звязвала праваслаўнае насельніцтва Асманскай і Аўстрыйскай імперыяў⁴. Аднак голад, высокая смертнасць, прыгнёт Габсбургаў і каталіцкай царквы прымушалі славянскае насельніцтва пакідаць Аўстрыю і перасяляцца ў Расію. У Пецярбургу лічылі гэта зручным момантам для прыцягнення тысяч каланістаў і павялічвання колькасці сваіх войскаў на паўднёвых межах дзяржавы. Вялізная і дрэнна ахаваная з поўдня Расія мела патрэбу ў перасяленцах. Да таго ж сербы былі блізкімі да рускіх па мове і звычаях і лічыліся добрымі воінамі. Палітыка Расіі ў перасяленчым руху садзейнічала павышэнню яе прэстыжу ў вачах балканскіх народаў і умацаванню пазіцый царызму на Балканах.

Прапанова аб вярбоўцы і перасяленні ў Расію некалькі тысяч славян з аўстрыйскіх уладанняў паступіла рускаму паслу ў Вене М.П. Бястужаў-Руміну ад сербаў І. Харвата, Р. Прэрадавіча, І. Шэвіча, палкоўнікаў аўстрыйскай арміі. У адказ на гэту прапанову 24 снежня 1751 г. быў выдадзены указ расійскай імператрыцы Елізаветы Пятроўны, які падпісваў Сенату і ваеннай калегіі вызначыць раёны пасялення паўднёвых славян. Згодна з указам перасяленцам павінны былі быць дадзены “выгадныя месцы і патрэбныя на будоўлю матэрыялы”, каб потым “яны ўжо самі ад сваёй эканоміі забяспечваліся б і мундзірамі, і коньмі, і іншым”⁵. Пазней, 11 студзеня 1752 г., было прынята рашэнне аб утварэнні двух паўднёvasлавянскіх паселішчаў – Новай Сербіі і Славяна-Сербіі і вызначаны асновы ваеннай арганізацыі перасяленцаў. Акрамя сербаў, якія пражывалі ў Аўстрыі, у Расію перасяляліся жыхары Асманскай імперыі: далмацінцы, малдаване, валахі і інш. З 1752 па 1762 г. у Новай Сербіі і Славяна-Сербіі пасяліліся каля 25 тыс. чалавек⁶.

Між тым “сербская справа”, як называлі тады пытанне аб перасяленні выходцаў з Балканскага паўвострава ў Расію, выклікала значныя ускладненні ў руска-аўстрыйскіх адносінах. Рускі пасол у Вене М.П. Бястужаў-Румін спрабаваў пераканаць аўстрыйскую імператрыцу Марыю-Тэрэзію, што інтарэсы абедзвюх дзяржаў да таго блізкія, што не мае ніякага значэння, ці застануцца сербы ў Аўстрыі, ці пераселяцца ў Расію. Калі ж венскі двор не адпусціць сербаў у Расію, то яны могуць пайсці ў Асманскую імперыю, а гэта непажадана як для Аўстрыі, так і для Расіі⁷.

Аўстрыйскія ўлады тым не менш былі занепакоены перасяленчым рухам. Марыя-Тэрэзія не чакала, што ў яе уладаннях знойдзецца так шмат сербаў,

якія жадаюць змяніць аўстрыйскае падданства на рускае, і што Расія пачне так гарача садзейнічаць ім. М.П. Бястужау-Румін паведаміў 29 мая 1752 г. у Пецяярбург, што Марыя-Тэрэзія забараніла сербам выдачу пашпартоў, а на межах з Польшчай і Трансільваніяй, праз якія перасяленцы ішлі ў Расію, былі створаны фарпосты⁸. Аўстрыя адкрыта заяўляла аб нежаданні страчваць частку свайго насельніцтва нават на карысць такога неабходнага саюзніка. Расія не здолела пераканаць венскі двор у тым, што Аўстрыя ў гэтым выпадку нічога не страчвала. У той час і Аўстрыя, і Расія лічылі выгадным павялічванне свайго насельніцтва.

Аўстрыйскі пасланнік у Пецяярбургу барон Прэтлак прызнаў, што венскі двор дазволіў выдачу пашпартоў невялікай колькасці сербаў дзеля таго, каб пазбавіцца ад "неспакойных і няурымслівых людзей". Меркавалася адпусціць у Расію ад 500 да 1 тыс. чалавек, а на самай справе выехала каля 2 тыс. Прэтлак заявіў, што Аўстрыя спадзявалася на сяброўскія адносіны з боку Расіі, аднак рускі ўрад не спраудзіў гэтых спадзяванняў⁹. Рускі канцлер А.П. Бястужау паведаміў у Вену, што, калі Аўстрыя пагадзіцца на перасяленне паўднёвых славян у Расію, усялякія спрэчкі па гэтай прычыне будуць спынены, і аўстрыйскаму двару будзе выказана належная удзячнасць.

Марыя-Тэрэзія не згаджалася на такі крок, і сітуацыя абвастралася. Канцлер А.П. Бястужау паслаў у Вену замест свайго брата новага пасла – графа К. Кайзерлінга і загадаў яму дзейнічаць больш абачліва і асцярожна. У сваю чаргу, Сенат і Калегія замежных спраў разгледзелі "сербскую справу" і прынялі рашэнне не адмаўляцца ад прыцягвання ў Расію аўстрыйскіх падданных, пры гэтым спасылаліся на першапачатковае спрыяльнае стаўленне да гэтага Марыі-Тэрэзіі і на тое, што сама Аўстрыя зацікаўлена, каб сербы ехалі ў Расію, а не ў Асманскую імперыю. "Сербская справа" не змагла расстроіць саюз паміж Расіяй і Аўстрыяй, які быў заключаны ў 1746 г. Пагрозы з боку Прусіі і Францыі вымушалі Вену і Пецяярбург трымацца разам і не даходзіць да крайнасці ў праяве ўзаемнай незадаволенасці, выкліканай перасяленчым рухам. У гэты час у Пецяярбургу надавалі вялікае значэнне і перасяленню жыхароў балканскіх правінцый Асманскай імперыі. Аднак расійскія ўлады вырашылі не пачынаць перамоў з Турцыяй аб афіцыйным дазvole яе падданымі ехаць у Расію, таму што турэцкі ўрад адхіліў бы гэту прапанову. І Расія была вымушана праводзіць перасяленне без агалоскі, непрыметна і асцярожна.

У пачатку 50-х гг. XVIII ст. у Расію адправіўся чарнагорскі мітрапаліт Васіль Петравіч, упаўнаважаны "чарнагорскімі начальнікамі і ўсім чарнагорскім грамадствам" прасіць у рускага ўрада дапамогі і абароны ад турак і венецыян¹⁰. Васіль Петравіч таксама прасіў у расійскай імператрыцы пабудаваць у Чарнагорыі славянскія школы, спасылаючыся на тое, што чарнагорскі "народ хаця і мужны, але не мае навучання школьнага" з-за адсутнасці сродкаў. Ён прасіў таксама паслаць чарнагорцам "узнагароду", "рэкамендаваць" Чарнагорыю Аўстрыі і Венецыі, дазволіць чарнагорцам выезд у Расію, вызначыць суму грошаў "на воінскае забеспячэнне", прыняць Чарнагорыю ў рускае падданства¹¹.

Елізавета Пятроўна зацвердзіла запіску 8 сакавіка 1754 г., у якой змяшчаўся адказ на просьбы Васіля Петравіча. Пытанне аб стварэнні ў Чарнагорыі славянскіх школ адкладвалася да атрымання Расіяй дадатковых звестак аб суме, якая неабходна для адкрыцця гэтых школ. "Узнагарода" чарнагорцам і сродкі на аднаўленне цэркваў, усяго 5 тыс. р., былі выдзелены і перададзены Васілю Петравічу. Больш складана было з просьбамі чарнагорцаў наконт Аўстрыі і Венецыі. Ім толькі абяцалі "прыстойнае дамаганне". Яшчэ больш складана было абараніць чарнагорцаў ад турак. Рускі ўрад абяцаў заўсёды гэта пытанне браць пад кантроль і, калі што, "пры Порце Атаманскай заступленне учыніць"¹². Пытанне аб перасяленні чарнагорцаў у Расію вырашалася станоуча. За ўдзел у вайсковых дзеяннях супраць турак у кожным асобным выпадку было вырашана пасылаць чарна-

горцам “узнагароду”. На просьбу мпрапаліта прыняць іх пад абарону Расіі адказалі, што неабходна атрымаць “фармальнае прашэнне” чарнагорскага народа.

Масавае перасяленне чарнагорцаў у Расію выклікала б рашучы пратэст з боку Порты, таму перасяленцаў праводзілі таемна і невялікімі партыямі. Аднак складанасці ўсё ж такі узніклі. Вясной 1754 г. Аўстрыя адмовілася прапусціць чарнагорцаў праз сваю тэрыторыю. Пасол К. Кайзерлінг дабіваўся дазволу на пропуск чарнагорцаў у Расію і імкнуўся даказаць, што яны “вольныя людзі”, якія не толькі не прызнаюць вярхоўнай улады Порты і не плацяць ёй даніны, але і знаходзяцца у пастаяннай барацьбе з туркамі¹³. Ён звярнуўся да Карэра, венецыянскага пасла ў Вене. Адказ быў такі: чарнагорцы – турэцкія падданыя, і калі Порта пагадзіцца, Венецыя у знак пашаны да расійскага двара дазволіць прапусціць чарнагорцаў у Расію праз свае ўладанні. Нарэшце, праз некалькі месяцаў з вялікім нежаданнем Аўстрыя ўступіла Расіі і прапусціла праз сваю тэрыторыю перасяленцаў з Балканскага паўвострава¹⁴.

Месцы для іх паселішча былі вызначаны ў Арэнбургскай губерні за ракой Самары, дзе разлічвалі пасяліць чарнагорцаў, албанцаў і чакалі з Еўропы “людства немалае”. Між тым адны перасяленцы пажадалі служыць у рэгулярным войску, другія – перайсці ў Новую Сербію. І ў выніку да 1759 г. на месцы новага паселішча нікога з іх не засталася. Хутка бурлівыя ваенныя і дыпламатычныя падзеі ў Еўропе адцягнулі ўвагу Расіі ад праблем, звязаных з балканскім перасяленчым рухам. Расія далучылася да аўстра-французскага блока і ўступіла ў Сямігадовую вайну (1756–1763).

Адносіны паміж Расіяй і Аўстрыяй у сярэдзіне XVIII ст. сведчылі аб значнай ролі балканскага фактару ў палітыцы гэтых дзяржаў. Заваяваныя Турцыяй народы Балканскага паўвострава ўзмацнілі барацьбу за сваю незалежнасць. Адным са сродкаў супраціўлення турэцкаму панаванню былі ўцёкі паўднёвых славян у іншыя краіны, перш за ўсё ў Аўстрыю, а затым – іх перасяленне ў Расію. І Расія, і Аўстрыя імкнуліся ўзмацніць свой уплыў на балканскія народы і заручыцца іх падтрымкай на выпадак вайны з Асманскай імперыяй. Неаднаразовыя заявы аб гатоўнасці аказаць дапамогу вызваленчай барацьбе прыгнечаных народаў Асманскай імперыі, якія маскіравалі экспансіянісцкія імкненні Аўстрыі і Расіі, тым не менш знаходзілі водгук у іх асяроддзі і падтрымлівалі надзею на вызваленне і незалежнае развіццё.

¹ Гл.: Полтавский М. А. История Австрии. Пути государственного и национального развития: У 2 ч. М., 1992. Ч. 1. С. 177.

² Гл.: Виноградов В. Н. Век Екатерины II, прорыв на Балканы // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 51.

³ Гл.: Михнева Р. Россия и Османская империя в международных отношениях в середине XVIII в. М., 1985. С. 125.

⁴ Гл.: Грачев В. П. Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII–XIX в. М., 1990. С. 16.

⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Сношения России с Сербией, Болгарией, Славонией, 1751–1752 гг., д. 2-а, л. 38 об.

⁶ Гл.: Бажова А. П. Русско-югославские отношения во второй половине XVIII века. М., 1982. С. 85.

⁷ Гл.: АВПРИ. Д. 3, л. 9–12 об, 16–21 об.

⁸ Гл.: Там же. Д. 3, л. 39–42 об.

⁹ Гл.: Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1860. Т. 4. С. 355.

¹⁰ Гл.: АВПРИ. Д. 7, л. 22–22 об.

¹¹ Гл.: Там же. Л. 16–16 об., 44–45, 50–50 об.

¹² Там же. Л. 48–51 об., 52–55.

¹³ Гл.: Соловьёв С. М. История России с древнейших времен. Кн. 12, т. 23. М., 1964. С. 215.

¹⁴ Гл.: АВПРИ. Д. 7, л. 91–94 об.

Н.В. НОСАЦКАЯ

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

В условиях трансформации экономической системы общества остро встает проблема определения в ней положения и роли человека. В советский период человек рассматривался как главная производительная сила и высшая цель социально-экономического и духовного прогресса, а его место в экономической системе общества определялось главным образом в качестве структурного элемента "производительных сил" и совокупной рабочей силы. В настоящее время на основе анализа западной и отечественной экономической науки постепенно приходит понимание того, что человек выступает не только как производитель, но и как потребитель благ и услуг. При этом реформирование системы экономических отношений требует научного осмысления человека не только как рабочей силы, но и как собственника, предпринимателя, члена семьи и т. д., а процесс гуманизации общественного производства, в свою очередь, побуждает необходимость заниматься изучением политэкономических аспектов не только его трудовой деятельности, но и социального воспроизводства в целом.

В настоящее время в экономической теории присутствует целая совокупность категорий, в определенной мере отражающих интересы человека в системе социально-экономических отношений, начиная с категории "живая действующая сила" (В. Петти) и заканчивая появлением несколько десятилетий назад новых социально-экономических категорий: "человеческий капитал", "человеческий фактор", "человеческий ресурс", "человеческий потенциал".

Особое значение имеет исследование такой категории, как "человеческий потенциал", при этом обращение к ней не сводится к терминологическому переименованию сложившихся понятий, а предполагает сущностную методологическую переориентацию. В современной экономической мысли зачастую категории "человеческий капитал", "человеческий ресурс" и "человеческий потенциал" используются в одном и том же значении. Но, если вникнуть в их смысл, можно обнаружить явные различия.

Понятие "человеческий капитал" стало актуально и привлекательно в свое время для экономистов, так как его можно было исследовать в системе экономических отношений и законов их функционирования и развития, причем к нему и в настоящее время применяется технократический подход, при котором происходит овеществление свойств, качеств и возможностей человека, подсчитывается норма процента на человеческий капитал, складывающийся из его здоровья, образования, и оценивается накопленный запас здоровья, навыков, знаний, способностей, мотиваций, *используемых в общественном воспроизводстве*.

“Человеческий ресурс” многие авторы считают синонимом “человеческого потенциала”. Понятие “ресурс” – в переводе с французского, а “потенциал” – в переводе с латинского в русском языке означают почти одни и те же термины: “способность”, “возможность”, поэтому и происходит путаница. Некоторые экономисты под “человеческим ресурсом” понимают совокупность *людей*, обладающих определенными профессиональными способностями, трудовыми навыками, производственным или управленческим опытом. Этот термин часто используется в сфере управления, когда под “человеческим ресурсом” подразумевают трудовой коллектив, персонал фирмы, предприятия. В свою очередь, человеческий ресурс обладает определенным потенциалом, который реализуется в процессе жизнедеятельности человека. Следовательно, можно предположить, что “человеческий ресурс” и “человеческий потенциал” необходимо рассматривать во взаимосвязи и взаимозависимости как на микроэкономическом, так и на макроэкономическом уровнях.

В мировой экономической мысли в конце 80-х гг. XX в. стала актуальной социально-экономическая категория “человеческий потенциал”, выделение которой во многом связано с социально-экономическими исследованиями проблем устойчивого человеческого развития. Однако в методологическом и теоретическом планах он не был раскрыт как социально-экономическая категория.

По нашему мнению, “человеческий потенциал” отражает реальный и возможный уровень здоровья, все творческие, интеллектуальные, трудовые, профессиональные способности, знания, навыки человека, соответствующие современному социально-экономическому развитию, которые он имеет возможность формировать, сохранять, развивать и реализовывать. Однако независимо от уровня перечисленные качества могут быть невостребованными при несомненной их взаимосвязи с производительностью труда. В будущем человек сможет полнее использовать свой потенциал, но на стадии реализации человеческий потенциал принимает иную качественную форму.

Таким образом, “человеческий потенциал” можно определить как сложное интегрированное понятие, в рамках которого объединяются достижения всех наук о человеке, и его, как и всякую экономическую категорию, необходимо характеризовать как с позиции общественной формы, так и с точки зрения ее содержания.

Человеческий потенциал – это социально-экономическая категория, отражающая совокупность отношений, складывающихся между человеком, домашними хозяйствами семьи, фирмами, предприятиями и государством в связи с формированием, развитием и реализацией уровней: здоровья, интеллекта, образования и т. д. в целях удовлетворения потребностей каждого человека и общества в целом. С точки зрения содержания категория “человеческий потенциал” представляет собой совокупность врожденных и приобретенных физических и интеллектуальных способностей в процессе общего и профессионального образования и воспитания с учетом степени развития общества. Как экономическую категорию “человеческий потенциал” необходимо характеризовать с учетом его основных форм: “общий потенциал” и “профессиональный потенциал”, которые, в свою очередь, включают потенциалы: здоровья, интеллекта (образовательный, творческий и научный), культурный, трудовой, предпринимательский и управленческий потенциал. Данные социально-экономические формы необходимо рассматривать во взаимосвязи и взаимозависимости, ведь развитие любой из них, несомненно, повлияет на всю систему социально-экономических отношений, связанных с формированием, развитием и реализацией человеческого потенциала. По нашему мнению, данную систему следует анали-

зировать на следующих уровнях потенциала: отдельного человека, социально-демографических групп населения, всех членов общества.

Человеческий потенциал на микроуровне (многие авторы называют личным) характеризуется социально-экономическими отношениями способности к мышлению, творчеству, труду каждого человека и его стремлением к саморазвитию, самосовершенствованию, самообразованию и т. д. Семья, фирма, предприятие являются основной средой как формирования и развития, так и реализации потенциала человека, и именно эти институты должны учитывать особенности потенциала каждого члена семьи, работника, поскольку речь идет об индивидуализации экономических отношений.

Человеческий потенциал на макроуровне, т. е. в рамках всего общества, синтезирует социально-экономические отношения всех уровней в плане формирования, развития и реализации человеческого потенциала. Социально-экономическая политика, разрабатываемая в государстве в аспекте устойчивого развития человеческого потенциала, должна включать интересы каждого человека, определенных социально-демографических групп населения и, в свою очередь, соответствовать устойчивому общегосударственному прогрессу.

Существует особая теоретическая макроэкономическая схема, разработанная экспертами в рамках ООН/ПРООН, – Концепция устойчивого человеческого развития¹, которая не отождествляет человеческое развитие и общественный прогресс с увеличением денежного дохода, приумножением богатства.

В качестве измерителя устойчивого человеческого развития выступает «индекс развития человеческого потенциала» (ИРЧП), при расчете которого применяются детальные данные по большинству стран мира. Он общепризнан как универсальный сопоставимый показатель и используется при анализе социально-экономического положения стран и мира в целом. В Республике Беларусь данный показатель рассчитывается с момента опубликования первого национального отчета о человеческом развитии в 1995 г.²

Динамика индекса развития человеческого потенциала в Республике Беларусь за 1990–1999 гг.³

	1990	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Индекс развития человеческого потенциала	0,869	0,817	0,786	0,771	0,763	0,771	0,778	0,782

Принято считать, что страна с индексом развития человеческого потенциала ниже 0,5 имеет низкий уровень человеческого развития, от 0,5 до 0,799 – средний, а свыше 0,8 – высокий уровень развития.

Данные в таблице показывают, что наша республика обладает средним уровнем человеческого развития, при этом по показателю ИРЧП мы опережаем такие страны, как Россия, Латвия, Румыния, Бразилия, Турция, Китай⁴. Однако индекс развития человеческого потенциала нельзя абсолютизировать, а следует рассматривать как показатель, по данным которого можно сравнивать страны с точки зрения формирования и развития возможностей человека.

За последнее время индекс развития человеческого потенциала нашей республики существенно возрос, что связано в основном с увеличением индексов уровня образования и уровня доходов с учетом ППС*. Индекс уровня доходов населения с 1999 г. рассчитывается иначе, чем раньше, что существенно упрощает его, но не приводит к совершенству. Так, например, по

* ППС (паритет покупательной способности) – величина реального ВВП на душу населения – рассчитывается в долларах США с поправкой на местную стоимость жизни.

данным национальных отчетов о человеческом развитии, за последние годы уровень доходов населения увеличился, однако реально лишь немногие в нашей стране могут обеспечить себе и своей семье достойный уровень жизни. В общем же плане еще одним недостатком индекса развития человеческого потенциала является невозможность количественного представления по целому ряду параметров и учета таких свойств, которые имеют математического измерения (экономическая свобода, социальные экономические отношения между поколениями и степень их равенства, экологические условия развития личности, морально-этические характеристики общественных отношений и др.). Таким образом, отметим, что актуальной проблемой остается не только исследование человеческого потенциала в теоретическом плане, но и усовершенствование системы показателей для расчета его индекса.

¹ См.: Человеческий потенциал: Обзор Доклада о развитии человека за 1995 год // Общество и экономика. 1996. № 5. С. 133–171.

² См.: Беларусь: лицом к человеку. Первый национальный отчет о человеческом развитии. Представительство ООН/ПРООН в Республике Беларусь. Мн., 1995.

³ См.: Беларусь – выбор пути / Представительство ООН/ПРООН в Республике Беларусь. Мн., 2000.

⁴ См.: Доклад о развитии человека за 2000 г. Нью-Йорк, 2000.

Наталья Вячеславовна Носацкая – соискатель кафедры экономической теории. Научный руководитель – доктор экономических наук, профессор В.Л. Ключня.

В.Л. КЛЮНЯ, Н.В. КОРОЛЕВА

ОБЩАЯ МЕТОДОЛОГИЯ РЕШЕНИЯ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ БОЛЬШОЙ СТЕПЕНИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Республика Беларусь переживает сложный этап социально-экономического развития, связанный прежде всего со становлением государственного суверенитета в условиях рыночных отношений. Необходимость глубокой реорганизации политических и экономических отношений в белорусском обществе вынудила высшее руководство страны сделать ставку на активное государственное регулирование всех общественных сфер. Все цели, установки и приоритеты социально-экономического развития страны на ближайшее пятилетие, а также система мероприятий для достижения намеченных ориентиров и предложений по совершенствованию механизмов их реализации обобщены в Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2001–2005 гг., одобренной в мае 2001 г. Вторым Всебелорусским народным собранием¹.

В основу социально-экономической политики развития Республики Беларусь поставлены социальные ориентиры – повышение благосостояния населения Беларуси, следовательно, прежде всего улучшение состояния домашних хозяйств (семей) как основной ячейки общественной и экономической жизни страны. Социальные ориентиры выдвигают специфические требования к общественному базису страны – ее экономике. Лишь быстро развивающаяся эффективная экономика республики сможет решить поставленные социальные задачи, обеспечить постоянный рост производства и валового внутреннего продукта страны.

Бурный рост ВВП возможен только при условии коренной модернизации общественного производства на основе достижений научно-технического прогресса и с широким привлечением инвестиций во все сферы народного хозяйственного комплекса. Источники финансирования могут быть внешними и внутренними – за счет собственных средств субъектов хозяйствования и

коплений домашних хозяйств, которые являются преобладающими во всех развитых странах и осуществляются с помощью многочисленных финансовых посредников. При отсутствии системы инвестиционно-кредитных институтов не может быть устойчивого процесса перетекания накоплений домашних хозяйств в инвестиции субъектов хозяйствования.

В современных условиях перестройки социально-экономического уклада белорусского общества возникает ряд взаимосвязанных, порой противоречивых макроэкономических проблем большой степени неопределенности. При активном государственном регулировании всех общественных сфер руководству страны приходится решать эти проблемы без соответствующего накопленного опыта.

В сложных условиях, когда на ближайшую перспективу задаются значимые социально-экономические цели, но еще не построена соответствующая система государственного управления и не подобраны управленческие кадры высокой квалификации, существенно возрастает роль политэкономической науки, призванной в сжатые сроки разработать, выдвинуть и довести до практического применения широкий арсенал методов решения сложных макроэкономических проблем.

В свою очередь, система решения отдельных макроэкономических проблем должна основываться на нескольких базовых общеметодологических принципах, одним из которых должен стать принцип неопределенности протекания социально-экономических процессов. В современных естественных науках (физике, химии) этот принцип широко применяется в методологии решения проблем естествознания, что позволяет существенно расширить горизонты этих наук и выдвинуть ряд теорий, не возможных в рамках классического детерминированного подхода.

Еще большая неопределенность возникает по причине глубинных закономерностей функционирования и ощущается при исследовании социально-экономических объектов, в частности, национальной экономики. С одной стороны, как и любые объекты материального мира, она подчиняется объективным законам. С другой – в этих процессах присутствует человек как цель развития объекта и как основное средство достижения этой цели в процессе общественного воспроизводства и управления. Причем ученые в ходе познания объективных законов общественного развития также вносят существенный вклад в усиление этой неопределенности, давая порой недостаточно обоснованные и противоречивые практические рекомендации.

Исследователи общественных процессов, опираясь на субъективный прошлый опыт, на свои устоявшиеся научные принципы, субъективно оценивают происходящие в обществе процессы. Однако на основе «объективных» (с их точки зрения) закономерностей развития исследуемых объектов разрабатывают практические рекомендации государственным органам разного уровня управления, т. е. чиновникам. Должностные лица, в свою очередь, имея свой субъективный взгляд на ту или иную экономическую или социальную проблему, принимают решения в виде законов, декретов, распоряжений, обязательных для исполнения всеми субъектами общественного развития. На микроуровне эти документы корректируются на основе интересов отдельных субъектов хозяйствования. Многочисленные домашние хозяйства как основные субъекты социально-экономической деятельности в силу своих частных интересов вырабатывают соответствующие правила поведения, намечают цели и средства по их достижению. Из конкретных реальных действий всех субъектов общественного процесса складывается пестрая и противоречивая картина общественного развития, зачастую далекая от первоначальных представлений исследователей. Итак, общественно-экономическое развитие в значительной степени подвержено

принципу неопределенности и большой степени разбежки. Недаром в свое время величайший физик Нильс Бор (по образованию экономист) покинул занятия экономикой и стал заниматься физикой, по его словам, из-за большой неопределенности протекания общественных процессов².

Адекватно анализировать макроэкономическую ситуацию и управлять макроэкономическими процессами, особенно в переходные периоды, почти невозможно. Выходом является признание того факта, что в условиях большой неопределенности протекания социально-экономических процессов их нельзя характеризовать, а тем более предвидеть их изменение в перспективе существующими статистическими методами. Задача статистической науки должна сводиться к непротиворечивому, сбалансированному описанию экономического объекта с определенной степенью достоверности в разрезе основных макроэкономических показателей, с указанием погрешности измерения и закономерности распределения вероятности величины этих показателей.

Не менее сложная проблема возникает при математическом прогнозировании развития общества на ближайшую, а тем более далекую перспективу. В данном случае следует прогнозировать достижение целевых показателей с указанием не только степени вероятности их достижения, но и условий достижения с этой степенью вероятности. В данной статье сделана попытка на примере макроэкономических параметров развития национальной экономики, представленных в Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2001–2005 гг., показать, как следует решать сложные макроэкономические проблемы развития с учетом принципа большой степени неопределенности. Уже в первом разделе Программы «Цели и задачи социально-экономического развития Республики Беларусь на 2001–2005 годы» была явно завышена целевая планка («Первое пятилетие XXI века должно стать важнейшим этапом в достижении стратегической цели социально-экономического развития страны – повышения благосостояния народа и приближения его к уровню экономически развитых европейских государств»).

Если в среднем по странам Европейского сообщества в 2000 г. среднедушевой доход составлял около 20 тыс. долл. на душу населения, то, исходя из его ежегодного темпа роста, равного 3 %, к 2005 г. он вырастет до 23 тыс. долл.³ Выражение «приближение к уровню» означает достижение не менее 70 % от этого уровня. Если выразить в цифрах основную стратегическую цель социально-экономического развития Республики Беларусь, зафиксированную в Программе, то в 2005 г. в Беларуси доход на душу населения должен составить не менее 16 тыс. долл. Даже если считать доходы населения Беларуси по паритету покупательной способности национальной валюты к доллару, то и тогда этот целевой уровень доходов должен быть не менее 2700 долл. на человека в год. Согласно же Программе на 2005 г. (если исходить из приведенных социальных ориентиров) доход на душу населения повысится лишь до 1500 долл. Таким образом, разбежка между провозглашенной целью и реально возможной составляет 1,8 раза, что некорректно с научной точки зрения.

Если отвлечься от риторической постановки социальной цели как «приближение благосостояния народа к уровню экономически развитых европейских государств» и перейти на более понятную – «довести к концу пятилетия среднемесячную заработную плату работников народного хозяйства до уровня, эквивалентного 250 долл. США», то и тогда расчеты говорят о завышении этой целевой цифры. Согласно мировым и, в частности, европейским нормам заработная плата работников в развитых странах не растет скачкообразно (за пятилетие она повысится на 15–20 % – исходя из

среднегодового темпа прироста 3 %). Даже в СССР при плановом хозяйстве и строгой социальной ориентации экономики предусматривался рост зарплаты не выше 20 %, но он, как правило, не выполнялся⁴. Поэтому рост средней зарплаты работников в Беларуси за пять лет в 2,2 раза (исходя из среднего ежегодного темпа в 20 %) явно завышен, ибо взят без учета реальных возможностей развития национальной экономики в целом.

Если проанализировать, при каких же макроэкономических условиях возможно достижение этих целевых показателей, то проявляются трудности решения этой основной на предстоящее пятилетие социально-экономической задачи. Исходя из демографических прогнозов, через пять лет при сложившихся темпах сокращения численность населения в РБ составит 9,75 млн человек. При коэффициенте трудового населения 0,42 и планируемом в Программе уровне безработицы 2 %, в 2005 г. в народнохозяйственном комплексе республики будет трудиться 4 млн человек⁵. Для достижения конечного показателя заработной платы работников в 250 долл. к концу года необходимо будет иметь по крайней мере 225 долл. среднегодовой месячной зарплаты. Тогда общий фонд зарплаты всех работников в республике должен будет составить 10,8 млрд долл. Если же учесть все социальные отчисления и налоги (около 40 % по действующему законодательству), то получим еще 4,32 млрд долл. добавленной стоимости, созданной трудом совокупного белорусского работника, которая пойдет на выплату пенсий, стипендий и прочие социальные выплаты.

Таким образом, для решения провозглашенных социально-экономических целей в 2005 г. общий фонд зарплаты работников (с учетом социальных трансфертов населению) должен составить 15,12 млрд долл. Эта сумма на 2,3 млрд больше всего планируемого ВВП в 2005 г. (12,78 млрд долл.). А ведь в ВВП наряду с добавленной стоимостью в виде зарплаты входят предпринимательский доход, прибыль предприятий (до уплаты налогов), амортизационные отчисления и внешнеэкономические доходы государства.

В настоящее время доля заработной платы в валовом внутреннем продукте составляет только одну треть⁶. Даже если взять за основу пропорции, зафиксированные в Программе на 2005 г., и довести долю зарплаты в ВВП до 45 %, то и тогда для выполнения принятых целевых показателей (250 долл. в месяц зарплаты) нужно иметь ВВП на уровне 24 млрд долл. Это в два раза выше предусмотренного Программой его планового уровня. Чтобы достичь такого показателя за пять лет, нужно ежегодно приращивать ВВП на 21 %, что нереально, т. е. достичь такого уровня зарплаты и одновременно сохранить сложившееся соотношение ВВП и общего фонда зарплаты невозможно.

Можно рассмотреть и другую комбинацию важнейших макроэкономических параметров, характеризующих национальную экономику в 2005 г., исходя из плановых пропорций, заложенных в Программе. Если принять за основу плановый уровень ВВП в 2005 г. (12,78 млрд долл.), целевой показатель в 250 долл. на одного работника в декабре последнего года и удельный вес фонда зарплаты в ВВП в 45 %, то тогда для выполнения всех вышеперечисленных пропорций численность работников по всему народному хозяйству должна составить не более 2,2 млн человек. Такая численность возможна при уровне безработицы в 48 % (тогда как по Программе предусмотрено 2 %).

Смоделируем развитие народнохозяйственного комплекса Республики Беларусь на ближайшие пять лет по-другому. Если принять за целевую функцию рост на 40 % ВВП – до 12,8 млрд долл., долю общего фонда зарплаты в ВВП на уровне 55 % (за счет легализации теневых доходов), а уро-

вень безработицы в 5 %, то среднемесячная зарплата работников в декабре 2005 г. может составить всего 160 долл. (но никак не 250). Такое сбалансированное моделирование всего четырех макроэкономических показателей (ВВП, зарплата, соотношения между ними, безработица) показывает, насколько важно проводить взаимосвязанные макроэкономические расчеты, ибо национальная экономика – взаимозависимый социально-экономический организм, не приемлющий резких локальных изменений.

Картина неопределенности решения макроэкономических проблем еще более усложняется по мере ввода в рассмотрение новых макроэкономических показателей. В Программе достаточно хорошо показана связь между ростом ВВП и необходимостью увеличения инвестиций в абсолютном и относительном (к ВВП) выражении. Разработчики этого раздела Программы исходили из предположения, что на каждый доллар прироста ВВП должно идти определенное количество инвестиций (по нашим расчетам 3,3 долл.). Такой норматив дает возможность показать, что прирост ВВП прямо зависит от привлечения и внедрения инвестиций в народнохозяйственный комплекс (в целом за пятилетие по Программе предусмотрено освоить до 12 млрд долл. инвестиций), причем в последнем году сумма инвестиций в 2 раза больше, чем в первом. Темп прироста инвестиций должен составлять 20–30 % ежегодно в течение всей пятилетки. Такое увеличение темпов инвестиций в экономику возможно в условиях ситуации инвестиционного «бума», для чего должны быть созданы весьма благоприятные условия в отношении всех категорий инвесторов: иностранных, бюджетных, предприятий и домашних хозяйств. В настоящее время по рейтингу привлекательности национальная экономика Беларуси занимает одно из последних мест в мире, и вряд ли в ближайшее время такая ситуация изменится. Так что приток иностранных капиталовложений (прежде всего российских) будет менее 0,5 % от ВВП в год⁷. Другой действующий мощный фактор развития – бюджетные инвестирования, занимающие сейчас около трети всех инвестиций, – также вряд ли будет стремительно расти. Поскольку государство, встав на путь повышения среднемесячной зарплаты работников (почти половина работающих в Республике Беларусь трудится в сфере услуг, где преобладают государственные организации), вынуждено будет больше бюджетных средств тратить на решение этой социальной задачи и соответственно все меньше – на инвестирование.

В предстоящее пятилетие и у предприятий не будет достаточно средств для финансирования их технического перевооружения. Жесткие требования к увеличению оплаты труда работников при возрастающей конкуренции на рынках приведут к падению рентабельности, которая и так уже не превышает 10 %. При такой рентабельности финансовых средств хватает лишь для поддержания оборотных средств предприятий и говорить об инвестициях за счет собственных средств, а тем более о резком их увеличении не приходится.

Остается один реальный источник инвестирования – привлеченные средства домашних хозяйств для кредитования реального сектора экономики. Казалось бы, при планируемом существенном (на 80 %) увеличении доходов населения есть мощный резерв для инвестиций, тем более уже сейчас на руках у населения скопилось более 2 млрд долл.⁸ Но слабая банковская система, неразвитость сети других финансовых институтов даже сейчас не способны справиться с быстрорастущим теневым потоком накоплений семей.

Для превращения накоплений домашних хозяйств в инвестиции необходимо реорганизовать кредитно-денежную систему республики, создать такие институты, которые бы надежно могли привлекать под выгодный про-

цент сбережения населения и под низкие банковские проценты кредитовать слабую промышленность, строительство, торговлю. Это возможно только при высоком уровне менеджмента банков, способных работать с большими массивами привлеченных средств при малой марже. Пока такой системы финансовых посредников в Беларуси нет и в ближайшие годы вряд ли будет создана.

Таким образом, во всей взаимосвязанной цепи (социальные цели, средства, ресурсы, организационные условия) макроэкономических процессов явно просматривается слабое звено – не созданы благоприятные экономические условия для становления эффективной системы финансовых посредников, способной аккумулировать значительные денежные накопления домашних хозяйств и сформировать из них инвестиционные потоки. Во всей пирамиде целей и средств прослеживается большая неопределенность: чтобы достичь высокого запланированного уровня зарплат, нужно ускорить темпы роста ВВП. А этого можно достичь лишь за счет еще более быстрых темпов привлечения инвестиций.

Однако все традиционные источники инвестирования (иностранное, государственное, собственные средства предприятий) истощены, остаются реальными лишь растущие доходы населения. Но и их вовлечение в процесс расширенного воспроизводства проблематично из-за слабости системы финансовых посредников, которую нельзя создать в неблагоприятных условиях функционирования, при наличии усугубляющего фактора почти 80 % активов белорусских коммерческих банков контролируется государством.

Рассмотренные сценарии развития национальной экономики демонстрируют большую степень неопределенности в части всех макроэкономических проблем в ближайшей перспективе. Решать их можно лишь в сбалансированном виде. Причем, чем большее количество макроэкономических показателей введено в общую сбалансированную модель национальной экономики, чем реалистичнее подход к анализу каждого из них, тем более адекватную картину развития макросубъектов получаем в итоге. Время разрозненных и детерминированных решений в экономике прошло, появилась потребность в сбалансированных, приближенных к действительности решениях. Создать методологию принятия таких решений может современная политическая экономия, опирающаяся на объективное познание общественных процессов и экономико-математические балансовые модели, учитывающие большую степень неопределенности функционирования социально-экономических субъектов.

¹ Основные положения Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2001–2005 гг. // Республика. 2001. 16 мая. С. 3–6, 19–20.

² Капитализм и рынок: Экономисты размышляют. М., 1993.

³ Мазманова Б. Г. Соотношение рыночного и социально-политического факторов в механизме образования заработной платы // Менеджмент в России и за рубежом. 2001. № 4. С. 65–67.

⁴ Народное хозяйство СССР в 1990 г. М., 1991.

⁵ Население Республики Беларусь: Стат. сб. Мн., 2000.

⁶ Денежные доходы и расходы населения Республики Беларусь: Стат. сб. Мн., 2001.

⁷ Усоский В. Инвестиции, накопления и смена основного капитала в экономике Беларуси // Белорусский банковский бюллетень. 1999. № 37. С. 40–48.

⁸ Новоселова С. Домашнее хозяйство Республики Беларусь // Белорусский банковский бюллетень. 2000. № 25. С. 20–28.

Владимир Леонидович Ключа – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории.

Надежда Владимировна Королева – аспирантка кафедры экономической теории. Научный руководитель – В.Л. Ключа.

ПЕРСПЕКТИВЫ БЕЛАРУСИ НА ПУТИ ЭФФЕКТИВНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В СИСТЕМУ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

Современный мир, мировая экономика характеризуются переходом от индустриальной стадии к постиндустриальной. Эта тенденция, обусловленная становлением нового технологического способа производства, дальнейшим углублением общественного разделения труда и глобализацией хозяйственной жизни, ведет к переменам в уровне, структуре общественного производства, в характере общественного развития и определяет перспективы для Республики Беларусь на XXI век.

Экономика и политика, безопасность и социальная сфера, образование и искусство становятся все более взаимосвязанными, выходят за национальные и государственные границы и рамки, образуют новые межнациональные структуры. Речь идет о поиске модели устойчивого развития мирового сообщества. Республика Беларусь как полноправный субъект мирового сообщества и международных отношений может развивать взаимовыгодное сотрудничество как на двусторонней основе, так и в рамках международных организаций.

Сейчас становится совершенно очевидно, что именно интеграция на субрегиональном или региональном уровнях является тем приоритетным направлением, которое выводит государства и их объединения на новый уровень экономического развития. На этом пути немало трудностей. Но альтернативы ему нет. Цивилизованная интеграция должна и может происходить только на основе полного юридического равенства всех новых независимых государств. Это основополагающее положение, без соблюдения которого продвижения быть не может. Интеграцию можно считать цивилизованной и эффективной только при условии обязательности решений, принимаемых в рамках межгосударственного объединения. Беларусь заинтересована в интеграции, но данные процессы не должны носить односторонний характер. Каждое государство вправе самостоятельно определять, отвечает ли принимаемое решение его интересам, но после его принятия оно обязательно должно выполняться.

В последние десятилетия определяющими тенденциями развития мировой торговли стали ее глобализация и либерализация, обусловленные экономической целесообразностью обеспечения мобильности товаров, услуг, капитала, рабочей силы. Под терминами «глобализация» и «либерализация» понимается унификация правовых, административных, организационно-технических систем регулирования внешней торговли и в целом внешнеэкономических связей большинства государств, международная совместимость практики и техники этого регулирования. Проявлением процессов глобализации и либерализации стало стремительное нарастание экономических интеграционных процессов в различных регионах мира, которые тесно связаны с соответствующими политическими процессами. «Ошибочно предполагать, что глобализация – результат действия исключительно рыночных сил. Те рамки, в которых действуют рыночные силы, определяются политикой»¹. В этом контексте важно определить место Республики Беларусь и возможности повышения ее роли в системе мировой торговли с учетом имеющегося у нашей страны комплекса взаимоувязанных и взаимодополняющих инструментов регулирования внешнеэкономической деятельности. Становление новой экономической модели в Беларуси идет по двум направлениям: реорганизации управления государственными предприятиями и поэтапной либерализации всех форм экономической деятельности.

Глобализация мировой экономики и либерализация международной торговли требуют новых подходов к международному экономическому сотрудничеству, в центре которого должно стоять устойчивое развитие. Это обуславливает выделение Беларусью в качестве одного из приоритетных направлений формирование открытой, недискриминационной системы международной торговли, ядром которой может стать Всемирная торговая организация (ВТО).

Таким образом, первоочередной задачей для Республики Беларусь в настоящее время является интеграция национальной экономики в мировую экономическую систему, которая должна быть управляема, предсказуема, хорошо спланирована, находится под контролем. Необходимо учесть проблему экономической безопасности страны, определить максимальные условия взаимодействия и взаимозависимости национальной и мировой экономик, а также обеспечить такой уровень и такую структуру отечественного производства, которые смогут гарантировать возможность подключения Беларуси к мировой хозяйственной системе без угрозы долгосрочной и односторонней зависимости от внешних источников экономического роста.

«Чтобы Республике Беларусь стать полноправной частью мировой экономической системы, необходимо адаптировать механизм государственного регулирования национальной экономики к современным нормам, принципам и правилам, широко применяемым мировым сообществом. Главным шагом в этом направлении может стать полноправное участие страны в многосторонней системе регулирования торгово-экономических отношений, функционирующей на основе Генерального соглашения по тарифам и торговле»².

Повышение эффективности управления внешнеэкономическими связями государства, а следовательно, и повышение эффективности функционирования национального внешнеэкономического комплекса страны будет способствовать созданию в Республике Беларусь экономики открытого типа, взаимосвязанной и конкурирующей с мировой. Одной из задач является создание системы государственного регулирования внешнеэкономической деятельности, включающей такой экономический инструмент, как таможенный тариф, и одновременно использующей инструменты административного регулирования, такие как квотирование, лицензирование и т. д. По мере роста и совершенствования структуры белорусского экспорта последний будет все в большей мере затрагивать так называемые чувствительные секторы экономики зарубежных стран и подвергаться различного рода мерам торгово-политического воздействия. В этой связи особое значение приобретают вопросы обеспечения доступа отечественных экспортеров на внешние рынки, в решении которых государство призвано сыграть важную и ответственную роль.

«На уровне межгосударственных отношений большое значение имеет деятельность межправительственных комиссий по торгово-экономическому сотрудничеству, в рамках которых можно рассматривать долгосрочные перспективы будущей динамики и структуры торговых потоков, не вызывающих нареканий у сторон. Благоприятное влияние на торгово-политический климат для белорусских экспортных товаров оказывает подписание комплексных, ориентированных на перспективу соглашений, предусматривающих значительную либерализацию торговли на основе принципов Всемирной торговой организации»³.

«Анализ политики Всемирной торговой организации в области внешней торговли позволяет отметить, что осуществление одинаковых подходов в вопросах торговли стало одним из факторов, работавших на создание единого внутреннего рынка, что явилось стратегической целью Организации, начиная с середины 80-х гг.»⁴.

Положительные результаты, достигнутые в этой области, ознаменовали крупный прорыв в развитии ВТО. Принципиальная новизна ситуации состоит в том, что на всей территории интеграционного объединения единственным критерием реализации хозяйственной деятельности становится ее экономическая целесообразность. Такое положение само по себе уникально. Именно механизмы организации сделали возможным установление баланса между общими интересами стран-членов, с одной стороны, и их специфическими интересами – с другой. И хотя в ВТО никогда не прекращались споры о том, как должны соотноситься между собой указанные группы интересов и каким образом приводить их к общему знаменателю, опыт, имеющийся у Всемирной торговой организации, исключительно полезен для других стран. Успешный поиск разумного баланса между приверженностью к либерализации торговли и проведением политики протекционизма вероятнее всего наиболее отчетливо проявляется в регулировании внешней торговли стран-членов ВТО.

Использование взвешенного подхода к проблемам государственного управления может оказать благоприятное воздействие на развитие справедливой конкуренции в определенных областях экономики и осуществление защиты отечественных производителей. Естественно, что такой опыт должен рассматриваться новыми независимыми государствами применительно к сложившейся в них экономической ситуации, требующей на начальном этапе выравнивания уровня реформированности национальных экономик. Таким образом, Республика Беларусь получит экономические выгоды прежде всего в силу распространения на нее как полноправного члена ВТО режима наибольшего благоприятствования (РНБ), что позволит увеличить объем экспорта, уменьшить размеры таможенных пошлин на белорусские товары, диверсифицировать географию внешней торговли в связи с устранением различных барьеров.

Применение к Республике Беларусь четко сформулированных общепризнанных принципов, норм и правил по регулированию торгово-экономических отношений между государствами откроет для белорусских товаров более стабильный доступ к мировым рынкам, поможет в противодействии давлению более сильных торговых партнеров. Республика получит возможность официально воспользоваться теми льготами, в том числе и в сфере внутреннего государственного регулирования внешнеэкономической деятельности, которые предусмотрены всем пакетом нормативной документации ВТО для стран, переживающих экономические трудности.

Будучи полноправным членом ВТО, Беларусь получит возможность отстаивать свои интересы в ходе будущих многосторонних торговых переговоров, в результате которых дополняются и совершенствуются принятые ранее нормы и правила многостороннего регулирования международных торгово-экономических отношений. Членство в ВТО повысит рейтинг Беларуси на мировом кредитном рынке, что будет способствовать привлечению в республику иностранных капиталовложений. Однако следует четко представлять, что вступление республики в ВТО связано с принятием и выполнением всех согласованных в рамках этой организации принципов, правил и норм многостороннего регулирования, международных торгово-экономических отношений. Получив более либеральный доступ к мировому рынку на условиях добросовестной конкуренции, хозяйствующие субъекты и республика в целом могут добиться успеха только при достижении требуемого уровня конкурентоспособности производимых товаров и услуг. В этом состоит суть проблемы адаптации экономики Беларуси к требованиям мирового рынка. Членство Республики Беларусь в ВТО повлечет за собой дополнительные валютные расходы на ежегодные взносы для содержания организации, на участие делегации республики в работе ее органов.

Объединение с Российской Федерацией не препятствует этому, поскольку Россия сама вступает в эту организацию, и ряд вопросов, связанных с ВТО, республике придется решать совместно с Россией.

Соглашения ВТО предлагают баланс льгот и обязательств, усиление системы арбитражного рассмотрения торговых споров. Без участия в многосторонней системе регулирования торговли мы будем неизбежно подвергаться односторонним дискриминационным мерам со стороны западных партнеров. Присоединение к ВТО окажет положительное воздействие на ход экономических реформ, будет способствовать структурной перестройке экономики, ориентированной на международное разделение труда. Вместе с тем процесс вступления сопряжен с проведением сложных переговоров, которые требуют проработки позиции по многим вопросам, обновления и упорядочения законодательных норм и существующей торговой практики. Как уже отмечалось, присоединяясь к ВТО, Республика Беларусь получит стабильный, предсказуемый, недискриминационный доступ на рынки услуг стран-участниц. Однако участие в ВТО, в частности в Генеральном соглашении по торговле услугами (ГАТС), предполагает принятие нами встречных обязательств. К ним относятся предоставление режима наибольшего благоприятствования, обеспечение доступа к национальному рынку и национальный режим в торговле услугами, открытость норм регулирования, последовательное снижение торговых барьеров и др.

Другой новой областью многостороннего регулирования в рамках ВТО является Соглашение по торговым аспектам защиты прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), которое устанавливает систему единых правил и механизмов данной области. Основным принципом Соглашения является предоставление национального режима в вопросах защиты интеллектуальной собственности другими участниками Соглашения и соблюдение РНБ в отношении любых преимуществ для иностранных компаний и физических лиц. В Соглашении конкретно указаны «обязательства сторон по различным вопросам защиты интеллектуальной собственности в области авторского права, торговых марок обслуживания, географических названий, промышленного дизайна, патентов, топологии интегральных микросхем, торговых секретов, ноу-хау, а также по соблюдению конкуренции в лицензионных соглашениях». Беларусь должна будет принять на себя обязательства по этому Соглашению без проведения переговоров. Присоединение к нему предполагает ратификацию нами соответствующих международных соглашений, в частности Бернской Конвенции по защите литературных и художественных работ, обязательства по которым являются составной частью ТРИПС. Не исключена возможность получения нами переходного периода для выполнения этих условий.

Соглашение по инвестиционным мерам, связанным с торговлей (ТРИМС), устанавливает правила, запрещающие использование мер, мешающих торговле. Оно существенно усилит привлекательность нашего рынка для иностранных инвесторов. Среди них – установление норм по использованию местного сырья и материалов в производстве предприятий с участием иностранного капитала, ограничения по использованию ими импортных товаров, обязательства по экспорту определенной доли произведенной продукции, ограничения в доступе к конвертируемой валюте для целей импорта и др.

«Цельное здание открытой и либерализированной многосторонней торговой системы Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) строится на **четырёх базовых правилах**, которым обязаны подчиняться ее члены (выделено автором. – Т. Ч.).

Первое правило, сознавая, что для стран-членов важно следовать открытой и либерализированной торговой политике, позволяет им защищать

национальную продукцию только при помощи тарифов, которые поддерживаются на низком уровне. Оно запрещает странам использовать количественные ограничения, иначе как в определенных случаях. Правило, запрещающее использование количественных ограничений, закреплено Уругвайским раундом.

Второе правило направлено на снижение и отмену тарифов и других барьеров в торговле путем многосторонних переговоров. Сниженные таким образом тарифы перечислены в основных тарифных позициях, содержащихся в перечне уступок каждой страны. Ставки, данные в этих перечнях, известны как «связанные». Страны обязаны не повышать тарифы выше «связанных» ставок, указанных в их перечнях.

Третье правило требует от стран недискриминационного ведения торговли в отношении стран, экспортирующих или импортирующих товары. Это правило воплощено в принципе предоставления режима наибольшего благоприятствования. Важным исключением из этого правила является допущение региональных преференциальных соглашений.

Четвертое правило – правило национального режима. Оно требует от стран не облагать импортный товар, после его внедрения на национальный рынок и уплаты таможенных сборов на границе, дополнительными налогами, такими как налог на добавленную стоимость или продажу, по ставкам выше, чем на аналогичные национальные продукты»⁶.

Универсальный характер многих проблем экономического развития будет способствовать повышению роли многостороннего сотрудничества и сближению Республики Беларусь с международными экономическими организациями, что облегчит и ускорит полноценную интеграцию РБ в мировое хозяйство. Поэтому первостепенное значение для Беларуси представляет присоединение к ВТО, которая занимает центральное место в регулировании современной системы международных торгово-экономических отношений. Данный процесс важен не только потому, что принципы и нормы ВТО определяют многосторонние правовые условия международной торговли, но также в силу того, что национальные торгово-экономические системы наших торговых партнеров основываются на принципах и правилах ВТО.

Анализ проблем, связанных с интеграцией Беларуси в мировое хозяйство, дает основание для следующих основных выводов:

1. К концу двадцатого столетия в развитии мирохозяйственных отношений ярко проявился целый ряд новых тенденций: формируется, в частности, глобальный рынок, регулируемый в многостороннем порядке; происходит расслоение этого рынка на своеобразные ярусы, на каждом из которых действуют присущие им формы упорядочения конкуренции и методы конкурентной борьбы; становятся универсальными нормы и правила международного обращения товаров, услуг и капитала, возрастает роль международных экономических и финансовых организаций; мировая экономика становится многополюсной структурой, ясно обозначаются тенденции к региональной и международной интеграции.

2. Современная Беларусь, проводя целенаправленную работу по интеграции в мировое хозяйство в то же время, не играет заметной роли на глобальном рынке товаров и капиталов, а также не успевает за важнейшими тенденциями развития мирового производства и торговли.

3. Решающим условием использования преимуществ, связанных с интернационализацией хозяйственной жизни, в интересах экономического развития страны является проведение государством внутренней политики, открывающей возможность структурной перестройки народного хозяйства, предпринимательства и конкуренции, ориентирующей предприятия и фирмы на выпуск продукции и производство услуг, сопоставимых с зарубежными образцами по качеству, ценам и издержкам на их изготовление.

4. Более эффективная интеграция Республики Беларусь в мировое хозяйство могла бы стать возможной также в результате концентрации усилий государства на решении проблем реального развития интеграции, поддержки экспорта, временного усиления защиты внутреннего рынка и поддержки отечественного производства, рационализации международных заимствований и последовательного осуществления мер, направленных на обеспечение обратимости белорусской валюты.

Корректировка макроэкономической и внешнеэкономической политики могла бы способствовать экономическому росту, улучшению пропорций осуществляемого республикой внешнеэкономического обмена и, следовательно, увеличению национального богатства и повышению жизненного уровня населения.

Подводя итоги, отметим следующее: недопустимо, очевидно, добиваться приема в ВТО любой ценой. «Необходимо, чтобы "входная плата" при присоединении к этой организации перекрывалась реальными выгодами от участия в ее деятельности. Кроме того, при вступлении в ВТО должны быть соблюдены такие условия:

- обеспечение надежного уровня защиты прогрессивных и стратегически важных отраслей и сфер национальной экономики. Это предполагает поддержание в начальный период структурной перестройки по возможности более высокого, чем в развитых странах, уровня таможенных тарифов, а также применение комплекса других защитных мер, не противоречащих нормам ВТО; максимально возможное сохранение системы государственной поддержки сельского хозяйства и др.;
- установление переходного периода (5–7 лет) для осуществления мер по дальнейшей либерализации внешнеэкономического режима и по упорядочению законодательства с учетом необходимости постепенной адаптации экономики Республики Беларусь к нормам ВТО; темпы движения Беларуси к членству в ВТО должны соотноситься с ее возможностями;
- увязывание белорусских обязательств по открытию отечественного рынка с обязательствами членов ВТО по признанию Беларуси страной с рыночной экономикой и устранению дискриминирующих ее положений в их законодательствах»⁷.

Если в ходе переговоров с ВТО не удастся добиться приемлемых для Республики Беларусь условий, представляется целесообразным отодвинуть присоединение к этой организации на более поздние сроки, чтобы использовать время для укрепления позиций белорусской экономики на основе структурных преобразований и выхода на устойчивую траекторию роста. В пользу подобной стратегии свидетельствует и определенный объем работ по предстоящему приведению белорусского общеэкономического законодательства в соответствие с нормами ВТО.

¹ Делягин М. Г. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. М., 2000. С. 150.

² Материалы МИД РБ.

³ Там же.

⁴ Рубенс Рикуперу – Генеральный секретарь ЮНКТАД // Материалы конференции ООН по торговле и развитию. Нью-Йорк; Женева, 1998. С. 19.

⁵ GATT-ACTIVITIES. Geneva, 1999.

⁶ См.: Смирнов В. П., Рогов В. В., Шуйский В. П., Скворода В. А. Актуальные проблемы вхождения России в мировое хозяйство. М., 1998. С. 84–87.

⁷ См.: Там же.

Татьяна Ромуальдовна Чапкович – аспирантка кафедры экономической теории. Научный руководитель – доктор экономических наук, профессор В. Л. Ключня.

И.П. КУЗЬМИЧ

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ: ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

До настоящего времени в Республике Беларусь основными производителями сельскохозяйственной продукции остаются крупные сельскохозяйственные предприятия. Более половины из них представлено колхозами¹, которые являются производственными кооперативами. Преобладание данной организационно-правовой формы в сельском хозяйстве, несомненно, выступает в качестве благоприятного фактора для ее дальнейшего развития, как и последние изменения в правовом статусе производственных кооперативов, связанные с возрождением в законодательстве кооперативных принципов, что позволяет использовать форму сельскохозяйственного производственного кооператива в процессе осуществления аграрной реформы. Кооператив как организационно-правовая форма юридического лица имеет существенные преимущества. Как отмечал А.А. Никонов, "...только кооперация обладает способностью объединить два начала: собственность производителя, дающую ему свободу выбора, и крупные размеры производства, обладающие техническими и экономическими преимуществами, а также экономический вес на рынке"².

В свою очередь, выяснение природы и сущности такой организационно-правовой формы, как сельскохозяйственный производственный кооператив, неразрывно связано с рассмотрением общего понятия кооператива, а также кооперативных принципов. Термин "кооперация" имеет первоначальное значение "сотрудничество" в соответствии с латинской этимологией слова *cum operare* (т. е. действовать сообща)³. Поэтому следует различать понятие "кооперация" применительно к кооперативу как конкретной самостоятельной организационно-правовой форме и использование зачастую термина "кооперация" с точки зрения сотрудничества и совместного объединения усилий в определенной сфере деятельности, т. е. кооперацию можно понимать как в узком, так и в широком смысле слова.

Особенностью кооперации является также то, что это "не есть кака-либо законченная организационная форма во все времена и при всех народнохозяйственных условиях одна и та же. Это есть общее начало, определенный принцип, который в народнохозяйственной жизни получает выражение в определенной хозяйственной среде"⁴. Поскольку история развития кооперации составляет длительный период, научные основы кооперативного движения создавались несколькими поколениями ученых и кооператоров-практиков разных стран. Поэтому в юридической и экономической литературе нет единого, общего определения кооператива, так как последнее во многом зависит от действующего законодательства, социально-экономических условий хозяйствования, исторического периода развития и др.

В энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона под кооперативом понимается "группа равноправных лиц, добровольно объединившихся для преследования сообща одинаковых хозяйственных целей, участвуя в предприятии в равной мере трудом и капиталом"⁵. А.В. Чаянов считал характерной чертой кооперативного предприятия то, что "оно никогда не может являться самодовлеющим предприятием, имеющим собственные интересы, лежащие вне интересов, создавших его членов; это предприятие, обслуживающее своих клиентов, которые являются его хозяевами и строят его управление так, чтобы оно было непосредственно ответственно перед ними и только перед ними"⁶. А.Н. Анцыферов определял кооперативную организацию как "свободное соединение неограниченного числа лиц для достижения общих им хозяйственных целей, основанное на принципах полного равенства прав участников и самоуправления, в котором каждый из членов принимает непосредственное личное участие и несет материальную ответственность, а получаемая в результате хозяйственных операций чистая прибыль не идет на вознаграждение капитала"⁷.

Современные представления о кооперативной организации наиболее полно нашли отражение в Декларации о кооперативной идентичности, принятой на Юбилейном конгрессе Международного кооперативного альянса в Манчестере в 1995 г., согласно которой "кооператив – это самостоятельная организация людей, добровольно объединившихся с целью удовлетворения своих общественно-экономических, социальных и культурных потребностей с помощью совместно владеемого и демократически управляемого предприятия"⁸. В законодательстве общее определение кооператива как самостоятельной организационно-правовой формы содержалось лишь в двух нормативных актах: в Положении о кооперативных товариществах и их союзах 1917 г.⁹ и в Законе "О кооперации в СССР" 1988 г.¹⁰

В Положении о кооперативных товариществах и их союзах от 20 марта 1917 г. особо акцентировалось внимание на том, что, в отличие от акционерных и промышленных компаний, капитал кооператива и состав членов кооператива переменны. Кооперативным товариществом признавалось товарищество с переменным составом и капиталом, которое, действуя под особой фирмой, имеет целью способствовать духовному и материальному благосостоянию своих членов посредством совместной организации разного рода хозяйственных предприятий или труда своих членов. Закрепление такого признака, как переменный состав и капитал, было обусловлено невозможностью предусмотреть, какое число членов будет в кооперативе и какой капитал образуется в результате внесения паевых взносов. Тем самым в законодательстве подчеркивалось существенное различие между кооперативным и акционерным товариществом.

При учреждении акционерной компании заранее устанавливались размер основного капитала и соответствующее ему количество акций. В кооперативном товариществе определялся лишь размер паевого и вступительного взносов, и тем самым не ограничивалась свобода притока членов. Таким образом, в кооперативном товариществе как в объединении лиц по количеству членов определялось и количество капитала. А в акционерном товариществе как в объединении капитала, наоборот, по размеру внесенных акционерами капиталов определялась доля участия каждого члена в делах этого товарищества¹¹.

Кроме того, возможность выделения данного признака в качестве отличительного для кооперативов была обусловлена, по нашему мнению, также наличием в законодательстве важного ограничения. В отличие от действующего законодательства передача паев не допускалась (ст. 24 Положения о кооперативных товариществах и их союзах 1917 г.). Таким образом, переменный капитал имел место не только в связи с неограниченной возможностью вступления новых членов и внесения новых паевых взносов, а также в связи с выходом членов из кооператива, что влекло уменьшение

капиталов кооператива, так как последние не могли передать свой пай иным лицам.

Отметим, что "переменный состав и капитал" как отличительный признак кооператива в дальнейшем был использован в законодательстве Литовской Республики. В соответствии с ч. 2 ст. 2 Закона Литовской Республики "О кооперации" от 1 июня 1993 г. "...кооперативное общество – это добровольно учрежденный группой физических или физических и юридических лиц хозяйственный субъект с переменным составом капитала и членов, предназначенный для удовлетворения экономических, хозяйственных и социальных потребностей членов, действующий с риском по имуществу членов"¹².

Общее определение кооператива содержалось также в Законе "О кооперации в СССР". В соответствии со ст. 5 под кооперативом понималась "организация граждан (СССР), добровольно объединившихся на основе членства для совместного ведения хозяйственной и иной деятельности на базе принадлежащего ему на праве собственности, арендованного или предоставленного в бесплатное пользование имущества, самостоятельности, самоуправления и самофинансирования, а также материальной заинтересованности членов кооператива и наиболее полного сочетания их интересов с интересами коллектива и общества". Данное определение в свое время, несомненно, носило прогрессивный характер, так как кооператив в тот период выступал фактически единственно возможной для граждан формой осуществления, по сути, предпринимательской деятельности в отличие от государственного предприятия. Именно принятие данного Закона положило начало развитию предпринимательства в целом, а, следовательно, выше-названное определение отражало в первую очередь отличия кооператива как организационно-правовой формы от государственного предприятия.

В действующем Гражданском кодексе отсутствует общее определение кооператива. Правовой статус кооперативных организаций определяется посредством закрепления двух самостоятельных организационно-правовых форм юридического лица – производственного кооператива как коммерческой организации и потребительского кооператива в качестве некоммерческой организации. Однако, несмотря на различный правовой статус производственных и потребительских кооперативов, в настоящее время между ними имеется много общего, и прежде всего их объединяет единство кооперативных принципов.

Мировая теория и практика кооперативного движения выработала основополагающие признаки и принципы создания и функционирования кооперативов вне зависимости от их видов, которые можно сформулировать следующим образом:

- открытость членства, т. е. свобода вхождения в кооператив и выхода из него при условии соблюдения уставных требований;
- функционирование на свой страх и риск в качестве самостоятельного субъекта;
- материальная ответственность членов по обязательствам кооператива;
- демократический характер управления: равноправие членов кооператива (1 член -- 1 голос), сменяемость и выборность руководства;
- обязательное участие членов кооператива в его хозяйственных операциях; для производственных кооперативов – личное трудовое участие;
- приоритет обслуживания потребностей членов над прибыльностью, так как главная цель кооператива – не получение прибыли как таковой, а достижение определенных выгод для членов (повышение дохода, улучшение условий хозяйствования);
- распределение чистой прибыли пропорционально экономической деятельности членов через кооператив либо по труду в производственном кооперативе;
- ограничение процента на паевой капитал;

– преследование хозяйственных целей (что отличает кооперативную организацию от благотворительной и других видов взаимопомощи).

Не все из вышеназванных признаков кооператива в настоящее время в полной мере нашли отражение в действующем законодательстве Республики Беларусь. Наиболее спорным на данный момент представляется закрепление в законодательстве в качестве основной цели деятельности кооператива – удовлетворение материальных и иных потребностей его членов. Именно этот отличительный признак кооператива М.В. Туган-Барановский положил в основу его сущности. “Кооператив – по его определению, – есть такое хозяйственное предприятие нескольких добровольно соединившихся лиц, которое имеет своей целью не получение наибольшего барыша на затраченный капитал, но увеличение благодаря общему ведению хозяйства трудовых доходов своих членов или уменьшение расходов этих членов на их потребительские нужды”¹³. И именно по данному вопросу в настоящее время наиболее остро разгорелась дискуссия в науке аграрного права, что связано с разделением в гражданском законодательстве кооперативов на коммерческие (производственные кооперативы) и некоммерческие (потребительские кооперативы) организации.

М.И. Палладина считает, что “такая классификация непонятна по ее назначению и спорна по критерию – извлечение прибыли как основная цель создания и деятельности организации”, так как “для кооператива извлечение прибыли не самоцель, а средство для наиболее полного удовлетворения различных жизненных интересов его членов”¹⁴. Е.Л. Минина также отмечает, что разделение кооперативов на коммерческие и некоммерческие достаточно условно, особенно в отношении сельскохозяйственной кооперации¹⁵. В то же время, по мнению профессора Г.Е. Быстрова, “кооперативная доктрина и законодательство второй половины XX века вносят кардинальные изменения в понятие кооператива и всю систему правового регулирования кооперации”. Что касается сельскохозяйственных производственных кооперативов, то для его правового статуса как организационно-правовой формы аграрного предпринимательства характерно то, “что, поскольку кооператив является объединением капитала, он не может не преследовать цели извлечения прибыли. И вместе с тем, поскольку в кооперативах объединяются как средства (имущество), так и усилия (деятельность) членов для достижения поставленной цели, кооператив не может не учитывать экономических интересов членов кооператива”¹⁶.

В настоящее время не только российское и белорусское законодательства предусматривают возможность существования кооперативов в форме как коммерческой, так и некоммерческой организации. Так, например, в соответствии со ст. 5 Закона Литовской Республики “О кооперации” “согласно Закону могут учреждаться стремящиеся к прибыли и не стремящиеся к прибыли кооперативные общества”, а ст. 6 Закона “О кооперации в Республике Кыргызстан” непосредственно указывает, что “производственный кооператив, являясь юридическим лицом, преследует в качестве основной своей цели извлечение прибыли”¹⁷. В Законе Украины “О сельскохозяйственной кооперации” также содержится норма о том, что производственный кооператив осуществляет хозяйственную деятельность на условиях предпринимательства с целью получения доходов (ч. 2 ст. 2)¹⁸.

На наш взгляд, сельскохозяйственный производственный кооператив, являясь субъектом хозяйствования, деятельность которого непосредственно связана с предпринимательской, не может функционировать на бесприбыльных началах, так как иначе не представляется возможным ведение эффективного сельскохозяйственного производства. Кроме того, именно от прибыли в производственном кооперативе зависит наиболее полное удовлетворение потребностей членов кооператива (через соответствующую оплату труда и вознаграждение на паевой капитал). Таким образом, получение прибыли и удовлетворение потребностей и интересов членов производственного кооператива взаимосвязаны, взаимообусловлены и взаимо-

зависимы, и нет необходимости в противопоставлении данных целей из-за отсутствия между ними противоречия. С одной стороны, сельскохозяйственный производственный кооператив как коммерческая организация и субъект предпринимательской деятельности преследует цель – систематическое получение прибыли, с другой стороны, основная цель кооператива как организационно-правовой формы во внутрикооперативных отношениях – наиболее полное удовлетворение потребностей и интересов своих членов.

При рассмотрении данной проблемы заслуживает внимания решение вопроса о месте кооперативов, предложенное в проекте Гражданского уложения 1910 г., в соответствии с которым юридические лица были разделены на два класса: публичные и частные (ст. 13)¹⁹. В свою очередь, частные юридические лица делились на товарищества, имеющие предметом своей деятельности совместное ведение предприятия, направленного на получение прибыли, и общества, основной целью которых было занятие благотворительностью, развитие науки, искусств, а также преследование других общепользовательных целей. В проекте предусматривалось введение новых форм товарищества, помимо закрепленных в законодательстве, среди которых предлагалась и форма хозяйственного товарищества с переменным составом. В связи с этим отметим, что, хотя как в действующем законодательстве, так и в проекте термин “кооператив” еще не употреблялся, анализ норм о товариществе с переменным составом свидетельствует, что в данном случае речь идет именно о кооперативной форме, так как под товариществом с переменным составом понимался такой союз лиц, основной целью которого являлось удовлетворение потребностей своих членов. При этом отмечалось много общего между данной формой и артелью. В то же время делался вывод о том, что артель не позволяет в полной мере учесть все особенности товариществ с переменным составом и последние должны быть выделены в самостоятельную форму товарищества.

Признавая также, что товарищества с переменным составом не преследуют в качестве цели своей деятельности непосредственно получение прибыли в точном значении этого слова, последние были отнесены к товариществам “ввиду того, что прибыль в обширном смысле обнимает собою вообще имущественную выгоду или пользу”. Кроме того, основная задача заключалась лишь в том, чтобы “оттенить различие товарищества для целей приобретения от обществ, преследующих благотворительные и вообще идеальные цели”²⁰. Таким образом, решая вопрос о месте кооперативов в системе гражданского законодательства, последние были отнесены к коммерческим организациям, что, на наш взгляд, представляется вполне обоснованным.

С принятием Гражданского кодекса Республики Беларусь возник также вопрос о правовом статусе колхозов и о необходимости развития нового законодательства о сельскохозяйственных производственных кооперативах. Содержание Примерного устава колхоза (сельскохозяйственного производственного кооператива), утвержденного указом Президента Республики Беларусь от 2 февраля 2001 г. № 49²¹, свидетельствует о наличии существенных противоречий с нормами Гражданского кодекса о производственных кооперативах. Поэтому до настоящего времени остается спорным вопрос о соотношении кооперативной и колхозной системы, а также о возможности отождествления колхоза с производственным кооперативом.

Анализ советского законодательства 20–30-х гг. свидетельствует о том, что процесс становления коллективных хозяйств (товариществ по совместной обработке земли, коммун и артелей) сопровождался двумя противоположными тенденциями. Первоначально обсуждалась проблема вовлечения сельскохозяйственных коммун и артелей в кооперативное строительство, перевода их в кооперативные организации, в том числе на общекрестьянский устав²². Постепенно коллективные хозяйства стали рассматриваться как наиболее сложная форма кооперативного строительства и как

самостоятельный тип сельскохозяйственной кооперации²³. К коллективным хозяйствам непосредственно применялся термин "кооперативная организация"²⁴, а их деятельность зачастую регламентировалась нормативными актами о сельскохозяйственной кооперации.

С другой стороны, прослеживалась явная тенденция противопоставления коллективных хозяйств кооперативным, в том числе колхозов – сельскохозяйственным производственным кооперативам. Например, в налоговом законодательстве устанавливались различные ставки налогообложения для кооперативных хозяйств, применяющих общественную обработку земли, и для коллективных в пользу последних²⁵. Ставилась задача обеспечить неуклонное перерастание первичных кооперативно-производственных объединений в крупные коллективные хозяйства²⁶. Производственная сельскохозяйственная кооперация рассматривалась как способ перехода от единоличных крестьянских к коллективным хозяйствам. Для сельскохозяйственных производственных кооперативов был предусмотрен свой порядок накопления паевых и неделимых капиталов, который не распространялся на паевое накопление в коллективных хозяйствах²⁷. В 1929 г. начался процесс ликвидации специальных сельскохозяйственных кооперативных организаций по снабжению с передачей функций сбыта и снабжения производственным кооперативам и коллективным хозяйствам²⁸, а в 1930 г. законодательно был определен правовой механизм по преобразованию сельскохозяйственных производственных кооперативов в коллективные хозяйства²⁹. В дальнейшем в основных нормативных актах, которыми определялся правовой статус колхозов (Примерный устав артели 1930 г., 1935 г.)³⁰, термины "кооператив" или "сельскохозяйственный производственный кооператив" применительно к коллективным хозяйствам не использовались.

Все вышеизложенное позволяет нам сделать вывод о том, что сельскохозяйственные производственные кооперативы и коллективные хозяйства отнюдь не отождествлялись. Коллективное хозяйство представляло собой самостоятельную организационно-правовую форму ведения сельскохозяйственного производства. И если в период коллективизации шел процесс преобразования производственных кооперативов в коллективные хозяйства, то с принятием Закона "О кооперации в СССР", в соответствии с которым колхоз стал рассматриваться как форма сельскохозяйственного производственного кооператива, наметился обратный процесс – процесс преобразования коллективных хозяйств в сельскохозяйственные производственные кооперативы. Реализация норм Гражданского кодекса о производственных кооперативах применительно к колхозам могла привести к завершению данного процесса и фактической ликвидации колхоза как организационно-правовой формы³¹. Однако утверждение Примерного устава колхоза 2001 г. свидетельствует о сохранении колхоза в качестве самостоятельной организационно-правовой формы ведения сельскохозяйственного производства, а также ставит под сомнение возможность отождествления на современном этапе развития законодательства колхоза с формой производственного кооператива³².

¹ См.: Статистический ежегодник Республики Беларусь. Мн., 2000. С. 342.

² Никонов А. А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика в России (XVI–XX вв.) // Энциклопедия российских деревень. М., 1995. С. 176.

³ Залатагора У. Р. Кооперация // Белорусская энциклопедия. Мн., 1998. Т. 7. С. 377.

⁴ Поволоцкий Л. И. Основные начала кооперативного права СССР. Л., 1927. С. 31.

⁵ Кооперация // Энциклопедический словарь. СПб., 1895. Т. XVI. С. 156.

⁶ Чаянов А. В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М., 1991. С. 77.

⁷ Анцыферов А. Н. Очерки по кооперации: Сб. лекций и статей 1908–1912 гг. М., 1912. С. 33.

⁸ Производственные кооперативы в России на пороге XX века. М., 1996. С. 189.

⁹ См.: Собрание узаконений. 1917. Отд. 1. № 72. Ст. 414.

¹⁰ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 22. Ст. 355.

¹¹ Исаев А. А. Новое кооперативное законодательство. Пг., 1918. С. 13–14.

¹² Ведомости Литовской Республики. 1993. № 19. Ст. 454.

- ¹³ Туган-Барановский М. В. Социальные основы кооперации. М., 1989. С. 94.
- ¹⁴ Палладина М. И. Закон о сельскохозяйственной кооперации – значительное ли правовое достижение // Государство и право. 1996. № 6. С. 91.
- ¹⁵ См.: Минина Е. Л. Сельскохозяйственная кооперация: правовое регулирование // Государство и право. 1997. № 11. С. 36–37.
- ¹⁶ Быстров Г. Е. Вопросы теории аграрного права и методики его преподавания в юридических вузах России // Государство и право. 1998. № 11. С. 60.
- ¹⁷ Ведомости Верховного Совета Республики Кыргызстан. 1991. № 22. Ст. 660.
- ¹⁸ См.: Ведомости Верховной Рады Украины. 1997. № 39. Ст. 261.
- ¹⁹ См.: Гражданское уложение. Проект. (С объяснениями, извлеченными из трудов редакционной Комиссии). СПб., 1910. Т. 2. С. 758–759.
- ²⁰ См.: Там же. С. 761.
- ²¹ См.: Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2001. № 15. 1/2020.
- ²² См.: О сельскохозяйственной кооперации: Постановление XI Всероссийского Съезда Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов // СУ РСФСР. 1922. № 5. Ст. 48.
- ²³ См.: О коллективных хозяйствах: Постановление ЦИК и СНК СССР от 16 марта 1927 г. // СЗ СССР. № 15. Ст. 161.
- ²⁴ См.: О сельскохозяйственной кооперации: Постановление ЦИК и СНК СССР от 22 августа 1924 г. // СЗ СССР. 1924. № 5. Ст. 61.
- ²⁵ См.: Положение об едином сельскохозяйственном налоге. Постановление ЦИК и СНК СССР от 30 апреля 1924 г. // Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. 1924. № 5. Ст. 162.
- ²⁶ См.: О путях подъема сельского хозяйства и о кооперативном строительстве в деревне: Постановление 5-го Съезда Советов Союза ССР от 28 мая 1929 г. // СЗ СССР. 1929. № 35. Ст. 312.
- ²⁷ См.: О накоплении паевых и неделимых капиталов сельскохозяйственной кооперацией: Постановление СТО от 27 сентября 1929 г. // СЗ СССР. 1929. № 64. Ст. 604.
- ²⁸ См.: О сельскохозяйственной кооперации и ее работе: Постановление ЦИК и СНК СССР от 18 сентября 1929 г. // СЗ СССР. 1929. № 61. Ст. 565.
- ²⁹ См.: О порядке погашения задолженности по ссудам при вступлении в коллективные хозяйства: Постановление СНК СССР от 4 февраля 1930 г. // СЗ СССР. 1930. № 9. Ст. 114.
- ³⁰ См.: Примерный устав сельскохозяйственной артели: Постановление ЦИК и СНК СССР, 1 марта 1930 г. // СЗ СССР. 1930. № 24. Ст. 255; Примерный устав сельскохозяйственной артели: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), 17 февраля 1935 г. // СЗ СССР. 1935. № 11. Ст. 85.
- ³¹ См.: Сторожев Н. В., Кузьмич И. П. Правовое обеспечение земельно-аграрной реформы в Республике Беларусь // Выбранные научные работы Белорусского государственного университета: У 7 т. / Адк. ред. В. М. Гадуноу. Мн., 2001. Т. 3: Юриспруденция. Экономика. Міжнародныя адносіны. С. 147–167.
- ³² См.: Сторожев Н. В., Кузьмич И. П. Проблемы совершенствования аграрного законодательства Республики Беларусь // Формирование основ конституционного государства в Республике Беларусь: Сб. науч. тр. Новополоцк, 2001. С. 142–151.

Ирина Петровна Кузьмич – преподаватель кафедры экологического и аграрного права.

А. С. СЕНЬКО

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О РАССМОТРЕНИИ ЗАЯВЛЕНИЙ И ЖАЛОБ ГРАЖДАН В ОРГАНАХ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Положения ст. 40 Конституции Республики Беларусь о праве человека и гражданина направлять личные или коллективные обращения в государственные органы имеют неопределимое значение в области защиты прав, свобод и законных интересов личности, повышения ответственности государственных органов, должностных лиц при осуществлении возложенных на них функций, выявления и устранения фактов нарушений законности. Поэтому в распоряжении Президента Республики Беларусь от 29.04.1997 г. № 128рп «О мерах по улучшению работы с обращениями граждан» указывается на необходимость более эффективного рассмотрения и разрешения предложений и жалоб, поступающих от лиц¹.

Немаловажная роль в этом процессе принадлежит органам Прокуратуры Республики Беларусь, в обязанность которых входит, с одной стороны, непосредственное разрешение отнесенных к их компетенции обращений гра-

ждан, а с другой – осуществление надзора за соблюдением законодательства по рассмотрению предложений, заявлений и жалоб. Настоящая статья посвящена анализу проблем и перспектив совершенствования законодательства о рассмотрении прокуратурой обращений граждан по линии надзора за исполнением законов органами власти и управления, предприятиями, учреждениями и организациями, должностными лицами и гражданами (общий надзор). Постановка такого вопроса исследования требует предварительного рассмотрения в самом общем плане аспекта о правовой основе осуществления прокуратурой данного вида деятельности. В связи с тем что предписания ст. 40 Основного Закона носят весьма обобщенный и лаконичный характер, такие аспекты, как процедура обращения граждан в прокуратуру, компетенция и полномочия прокуроров по рассмотрению обращений нашли свое закрепление в текущих нормативно-правовых актах: Законе Республики Беларусь «О Прокуратуре Республики Беларусь»; ведомственных актах Генерального прокурора Республики Беларусь и др.

Указанное законодательство в целом способствует своевременному, правильному и качественному рассмотрению и разрешению прокуратурой жалоб и заявлений, принятию мер по восстановлению нарушенных прав и защите законных интересов граждан: по вопросам общего надзора органами Прокуратуры Республики Беларусь в 2000 г. разрешено 11 194 жалоб и заявлений, из них удовлетворено 2911; в 2001 г. – соответственно 9744 и 2445 сообщений².

Тщательный анализ нормативных актов и ознакомление с правоприменительной деятельностью органов Прокуратуры Республики Беларусь вместе с тем свидетельствуют о том, что в ряде случаев действующее законодательство в области рассмотрения и разрешения обращений лиц с учетом современных конституционных требований и задач, стоящих перед прокуратурой, нуждается в серьезной корректировке, обновлении. Сложившаяся прокурорско-надзорная практика требует нового теоретического наполнения и обоснования, особенно в настоящее время, когда в нашей республике идет законотворческий процесс по принятию нового Закона «О Прокуратуре Республики Беларусь».

Детального изучения и дальнейшего законодательного усовершенствования, на наш взгляд, требуют следующие вопросы, связанные с рассмотрением должностными лицами органов прокуратуры обращений граждан:

1. Компетенция органов прокуратуры по рассмотрению заявлений и жалоб граждан.

В ч. 1 ст. 10 действующего Закона Республики Беларусь «О Прокуратуре Республики Беларусь» сказано, что в прокуратуре в соответствии с ее компетенцией разрешаются не подведомственные суду заявления и жалобы, содержащие сведения о нарушении законов, а также жалобы на вступившие в законную силу судебные решения³. На наш взгляд, сегодня такая формулировка закона о компетенции прокуратуры в сфере рассмотрения и разрешения заявлений и жалоб граждан совершенно неприемлема, поскольку согласно ст. 60 Конституции Республики Беларусь суд полномочен разрешать любые конфликты, затрагивающие права, свободы участников правовых отношений. На это неоднократно указывал в своих решениях Конституционный Суд Республики Беларусь, подчеркивая, что непосредственно действующие положения рассматриваемой конституционной нормы не могут быть ограничены законодательными актами и правоприменительной практикой⁴.

Таким образом, буквально трактуя содержание ст. 10 Закона «О Прокуратуре Республики Беларусь», придется констатировать – в органах прокуратуры не подлежит рассмотрению ни одно обращение гражданина, за исключением обжалования решений и действий должностных лиц прокура-

туры. Естественно, что данная законодательная идея устарела и противоречит как конституционному праву человека на жалобу, так и современному содержанию правореализующей практики органов прокуратуры.

В ведомственных нормативных актах Прокуратуры Республики Беларусь сложившаяся ситуация была частично учтена. Приказом Генерального прокурора Республики Беларусь № 23 «О порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах Прокуратуры Республики Беларусь» установлено, что в прокуратуре «обращения по вопросам, подведомственным суду, могут разрешаться при необходимости защиты общественного интереса либо в случае, когда заявитель лишен возможности самостоятельно защитить свои права»⁵. Поддерживая в целом данное положение приказа как прогрессивное, все же следует отметить, что оно полностью не разрешает исследуемую проблему: во-первых, юридическая сила приказа уступает юридической силе закона, в связи с чем работники прокуратуры должны руководствоваться в своей деятельности нормами ст. 10 Закона «О Прокуратуре Республики Беларусь»; во-вторых, следует, что в органах прокуратуры подлежит рассмотрению только узкий, очерченный приказом круг обращений граждан. Однако это противоречит законодательству, требующему от органов прокуратуры рассмотрения более значительного объема жалоб и заявлений граждан. В частности, в силу ст. 139 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь все жалобы участников уголовного процесса на действия и решения органов, ведущих уголовный процесс, подлежат рассмотрению прокурором независимо от того, поданы они в целях защиты общественного интереса либо в случае отсутствия реальной возможности самостоятельно защищать свои права или нет. В приказе в перечне подведомственных суду обращений, подлежащих разрешению в органах прокуратуры, по-видимому, имелись в виду жалобы и заявления лиц, рассматриваемые в рамках общенадзорной деятельности прокуратуры. В таком случае в приказе Генерального прокурора Республики Беларусь следовало бы четко оговорить этот нюанс. В-третьих, необходимо учитывать, что в дальнейшем может возникнуть настоятельная необходимость передать в компетенцию прокуратуры рассмотрение, помимо приведенной в приказе категории обращений граждан, иных обращений, подведомственных суду.

Для устранения названных недостатков законодательства диспозиция ч. 1 соответствующей статьи нового Закона «О Прокуратуре Республики Беларусь», регламентирующая рассмотрение в органах прокуратуры заявлений и жалоб, должна быть изменена по сравнению с ныне действующей. Заимствовав опыт ряда стран-участников СНГ, в ней следовало бы отказаться от упоминания о том, что прокуратурой разрешаются неподведомственные суду заявления и жалобы⁶. Предлагаем следующую редакцию:

«В органах прокуратуры в соответствии с ее компетенцией разрешаются заявления и жалобы, содержащие сведения о нарушении законов, декретов, указов и иных нормативных актов, прав, свобод и законных интересов человека, а также жалобы на вступившие в законную силу судебные решения».

Данная формулировка статьи позволит при определении компетенции прокуратуры по рассмотрению и разрешению жалоб и заявлений граждан учитывать как соответствующие предписания законодательства на уровне Конституции Республики Беларусь, законов и декретов, так и положения ведомственных актов прокуратуры.

2. Порядок обращения граждан с заявлениями и жалобами в органы прокурорского надзора.

Редакция пункта 6 приказа Генерального прокурора Республики Беларусь № 23 «О порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах Прокуратуры Республики Беларусь» не дает ясного ответа на вопрос о

том, имеет ли право человек или нет на подачу в прокуратуру, по линии общего надзора, обращения в целях защиты прав, свобод и законных интересов другого гражданина. Считаем, что это сомнение следовало бы устранить. Причем необходимо предоставить гражданам такую возможность, так как законодательными актами Республики Беларусь на органы прокуратуры возложена обязанность, например, обеспечивать защиту правового статуса лиц, которые в силу возраста самостоятельно не способны обращаться с заявлениями и жалобами к прокурору⁷. Сложившаяся жизненная ситуация, физические или психические недостатки граждан часто также лишают их реальной возможности направлять обращения в прокуратуру.

Затронем еще один, небесспорный, аспект общего порядка обращения лиц в органы прокуратуры – признание обращений анонимными. В данном случае возражение вызывает такой критерий отнесения заявлений и жалоб к анонимным, как отсутствие подписи заявителя. В рассматриваемом контексте сошлемся на ст. 189 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье, провозглашающую право ребенка непосредственно обращаться за защитой своих прав и интересов в прокуратуру. Не каждый ребенок, тем более малолетний, способен поставить под обращением свою подпись. Нельзя забывать и о том, что часто люди преклонного возраста в силу своей малограмотности и сложившихся стереотипов также не расписываются под заявлениями и жалобами, а лишь указывают свою фамилию и инициалы. И те и другие представляют ту социальную группу населения, которая нередко лишена возможности самостоятельно защищать свои права. На наш взгляд, оставление без рассмотрения органами прокуратуры в названных случаях обращений как анонимных будет являться излишним формализмом, выходом из самой природы прокурорского надзора, предназначением которого является защита прав и свобод человека. Отсюда следует, что необходимо исключить из перечня оснований признания обращений граждан анонимными такой элемент, как отсутствие подписи заявителя.

3. Пределы рассмотрения органами Прокуратуры Республики Беларусь обращений лиц.

Действующее законодательство о прокурорском надзоре не содержит прямого ответа на данный вопрос. В свое время в советской юридической литературе сформировалась общепризнанная точка зрения, согласно которой прокурор при рассмотрении и разрешении обращений граждан не был связан доводами и фактами, изложенными в них. Другими словами, проверка прокурора носила ревизионный характер.

В современных же научных статьях все более активное распространение получает мнение об адресной прокурорской проверке, в ходе которой прокурорский работник дает правовую оценку только фактам, изложенным в поступившем обращении. С такой позицией трудно согласиться.

Думается, в вопросе о пределах проводимой прокурорской проверки нужно исходить из того, что при рассмотрении обращений прокурор действует как представитель надзорного, правозащитного органа, перед которым поставлена задача обеспечения верховенства закона, укрепления законности в стране. Различают четыре вида законности: *конституционную; правообразующую; правореализующую; актоисполнительную*⁸. Следовательно, если в ходе рассмотрения заявлений и жалоб прокурор установит, что нарушены не только права заявителя, о которых он пишет, но и другие его права, о нарушении которых гражданин не догадывался, а также права других лиц, то он (прокурор) обязан принять в рамках своей компетенции все возможные меры, направленные на устранение нарушений закона, причин нарушений и условий, им способствующих, на восстановление нарушенных прав.

Изложенное дает основание говорить о необходимости законодательного закрепления ревизионного порядка рассмотрения прокурорскими работниками обращений граждан.

4. Правовые последствия отказа заявителей от обращений.

В теории прокурорского надзора обозначенной проблеме не было уделено достаточного внимания. Лишь в научной литературе 1960-х гг. встречаются единичные высказывания о том, что «отказ гражданина от поданной им жалобы не обязательно должен влечь отказ прокурора от продолжения ее проверки и принятия по ней дальнейших мер»⁹.

Как свидетельствует правоприменительная практика, встречаются случаи заявления лицами ходатайств о прекращении проводимых по их жалобам и заявлениям прокурорских проверок. Как должны поступить прокурорские работники – продолжить рассмотрение заявлений и жалоб либо прекратить по ним делопроизводство? Закон «О Прокуратуре Республики Беларусь» и приказ Генерального прокурора Республики Беларусь от 1 января 2001 г. № 23 не дают непосредственного ответа на эту дилемму. В Законе Республики Беларусь «Об обращениях граждан» также не указано, какое решение должен принять в данной ситуации прокурор.

Очевидно, что при решении исследуемого вопроса, во-первых, необходимо опять же исходить из положений ч. 1 ст. 2 Закона «О Прокуратуре Республики Беларусь», указывающих на то, что деятельность прокуратуры направлена на обеспечение верховенства закона, укрепление законности в государстве. Проанализируем ситуацию с учетом приведенной нормы. К примеру, в ходе проводимой по обращению гражданина проверки прокурор придет к выводу, что действительно имели место изложенные в обращении факты нарушения законодательства, ограничивающие правовой статус заявителя и (или) права, интересы других субъектов правоотношений, в том числе и государства. В этот момент заявитель отказывается от обращения. Бесспорно, что в этом случае прекращение прокурором производства по обращению гражданина никак не будет способствовать укреплению законности.

Во-вторых, прокуроры не могут не считаться с тем, что отказ заявителя от обращения может быть вызван неправильной оценкой им своих субъективных прав, отсутствием у человека настойчивости в реализации и защите прав и свобод, опасения незаконных действий со стороны того, кто нарушил его права и т. п.

В-третьих, нельзя не учитывать и тот факт, что согласно законодательству проверки законов в рамках общего надзора проводятся только при наличии соответствующих поводов. И правоприменительная практика, и теория прокурорского надзора признают заявления и жалобы лиц в качестве поводов проведения общенадзорных проверок¹⁰.

В то же время человек как носитель субъективных частных прав сам решает – защищать или нет нарушенное право, вследствие чего нельзя во что бы то ни стало навязывать заявителю осуществление его права.

Поэтому полагаем, что по заявленному отказу решение о прекращении рассмотрения сообщения прокурором может быть принято только в том случае, когда речь идет о защите частных субъективных прав и когда заявителю разъяснена сущность нарушенного права и с достоверностью установлено, что гражданин действительно по своей воле, без всякого противоправного воздействия на него извне, принял решение об отзыве жалобы или заявления.

5. Право граждан не свидетельствовать против самого себя, членов семьи, близких родственников.

Ознакомление с прокурорско-надзорной практикой по рассмотрению и разрешению жалоб и заявлений показало, что прокуроры, как правило, ис-

требуя объяснения у граждан, не разъясняют им конституционное право не свидетельствовать против самого себя, членов своей семьи, близких родственников (ст. 27 Конституции Республики Беларусь). Таким образом, правоприменительная деятельность органов прокуратуры не в полной мере учитывает содержание ст. 5 Закона «О Прокуратуре Республики Беларусь», требующее от прокурорских работников при осуществлении служебных обязанностей обеспечивать соблюдение гарантированных государством прав и свобод личности.

Полагаем, что в соответствующих ведомственных нормативных актах Прокуратуры Республики Беларусь необходимо дополнительно заострить внимание прокурорских работников на их обязанности перед отобранием объяснений у лиц разъяснять им конституционное право не свидетельствовать против самих себя, членов семьи и близких родственников, о чем в бланке объяснения делать специальную запись.

В статье затронуты лишь некоторые из правовых проблем рассмотрения заявлений и жалоб граждан органами Прокуратуры Республики Беларусь, которые, однако, свидетельствуют, что законодательство о рассмотрении в органах Прокуратуры Республики Беларусь заявлений и жалоб граждан нуждается в совершенствовании.

¹ См.: Республика. 1997. № 94.

² См.: Прокуратура Республики Беларусь. Статистическая отчетность за 2000 и 2001 гг.

³ См.: О Прокуратуре Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь, 29 января 1993 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1993. № 10. Ст. 95.

⁴ О праве граждан на обращение в суд по вопросам, возникающим в связи с осуществлением уголовно-процессуальных отношений. Решение Конституционного суда Республики Беларусь от 03.04.2001 г. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2001. № 35, рег. № 6/274.

⁵ О порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах Прокуратуры Республики Беларусь: Приказ Генерального прокурора Республики Беларусь, 1 июня 2001 г.

⁶ См.: Додонов В.Н., Крутских В.Е. Прокуратура в России и за рубежом. Сравнительное исследование / Под ред. С.И. Герасимова. М., 2001. С. 90–91.

⁷ См.: Кодекс Республики Беларусь о браке и семье. Мн., 1999. Ст. 183.

⁸ См.: Головки А.А. Законность – универсальное явление в жизни человека // Право и демократия: Сб. науч. тр. / Отв. ред. В.Н. Бибило. Мн., 2001. Вып. 11. С. 18.

⁹ Березовская С.Г. Охрана прав граждан советской прокуратурой. М., 1964. С. 73.

¹⁰ Маршунов М.Н. Прокурорско-надзорное право. Проблемы правового регулирования. СПб., 1991. С. 97–98.

Анатолий Степанович Сенько – аспирант кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора. Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Беларусь А.А. Данилевич.

М.П. КАПЫЛЬСКИЙ

ПОНЯТИЕ ОХРАНЫ ПРАВА ГРАЖДАНИНА НА ПЕНСИЮ

В правовой литературе охране прав граждан ввиду ее важности уделяется много внимания. Однако до сих пор многие вопросы данной проблемы вызывают споры и остаются нерешенными.

Многие ученые-правоведы различают понятия «охрана» и «защита» субъективных прав. Так, под охраной понимается совокупность различных взаимосвязанных между собой мер, осуществляемых различными органами, направленных на предупреждение правонарушений, устранение причин, их порождающих, ликвидацию препятствий (не являющихся правонарушениями) и способствующих, таким образом, нормальному процессу реализации гражданами своих прав и обязанностей. Под защитой же имеется в виду принудительный (в отношении обязанного лица) способ осуществления субъективного права, применяемый в установленном законом порядке компетентными органами либо самим управомоченным лицом в це-

лях восстановления нарушенного права. При этом под охраной понимаются меры, применяемые до нарушения прав и обязанностей, а под защитой – меры, применяемые после правонарушения, для восстановления нарушенного права¹.

Г.П. Арефьев называет еще один признак различия охраны и защиты прав. Охраняются, пишет он, как правило, относительно неопределенные субъективные права неопределенного круга субъектов права, ограниченного пределами нормы, закрепляющей охранительные отношения. Защита же всегда строго индивидуализирована².

Приведенные выше критерии различия правовых понятий охраны и защиты субъективных прав граждан правомерны и достаточно убедительны. В то же время эти категории по своему функциональному назначению бывают тесно взаимосвязаны. Меры защиты в определенной степени выполняют функции мер охраны.

Понятие охраны субъективного права в пенсионном обеспечении было впервые дано В.А. Тарасовой. По ее мнению, оно включает совокупность различных мер, осуществляемых государственными органами и общественными организациями, направленных на предупреждение правонарушений, защиту нарушенного права и на создание условий для беспрепятственного осуществления субъективных прав³. Категория охраны субъективных пенсионных прав трактуется очень широко и включает помимо собственно охранительной деятельности и меры защиты, также меры по созданию условий для реализации субъективных прав. Нам представляется правомерным такой подход в определении охраны пенсионных прав. Широкое понимание данной категории, на наш взгляд, имеет свою правовую и социальную логику. Провозглашенная в Конституции Республики Беларусь гарантированность права граждан на пенсию предполагает полноту и надежность охранительных мер и средств, которые способствовали бы беспрепятственной реализации субъективных пенсионных прав. Многогранность понятия охраны субъективных прав на пенсию и предполагаемый в связи с этим широкий спектр ее средств и способов исходят из особой социальной значимости отношений по социальному обеспечению, поскольку в качестве субъектов пенсионной алиментации выступает особый контингент людей – престарелые, инвалиды, дети.

Включение в понятие охраны субъективного права мер по созданию условий для осуществления этого права в литературе воспринимается неоднозначно. По мнению некоторых авторов, в этом случае открытым остается вопрос о соотношении понятий гарантий прав и свобод и охраны последних. Самостоятельная проблема гарантий прав личности рассматривается как необходимость их охраны, что приводит к отождествлению понятия гарантирования (гарантий) с понятием охраны субъективных прав личности⁴.

Говоря о деятельности органов по созданию условий для беспрепятственного осуществления субъективных прав как составляющей понятия охраны этих прав, не стоит толковать ее слишком расширительно. С нашей точки зрения, это прежде всего нормотворческая деятельность по развитию и конкретизации права граждан на пенсионное обеспечение, когда точнее и полнее определяется его содержание, проводятся в жизнь меры, гарантирующие не только реализацию этого права, но и его охрану. Отождествления понятия охраны субъективных прав с понятием гарантии не происходит, когда они понимаются в общесоциальном смысле, когда гарантиями именуются социальные основы, условия и предпосылки, т. е. фактически весь социальный фон общества⁵. Среди целого комплекса мер, составляющих содержание охраны пенсионных субъективных прав, центральное место занимают меры, направленные на предупреждение правонарушений. Не допустить ущемления права на пенсионную алиментацию гораздо важнее,

чем впоследствии пусть даже самым совершенным способом защиты восстановить его.

Предупредительные меры как одно из составляющих охраны субъективных пенсионных прав, с нашей точки зрения, следует понимать как деятельность различных органов государства, включая в первую очередь учреждения социальной защиты, на основе предписаний правовых норм. Нормы, имеющие предупредительное значение, содержатся в ст. 75 (о праве отделов социальной защиты проверять на предприятиях обоснованность выдачи документов), в ст. 76 (предупреждение о материальной ответственности нанимателей за ущерб, причиненный несвоевременным и неполным оформлением документов, необходимых для назначения пенсии) и в некоторых других статьях указанного Закона.

Как видим, отдельные положения, регулирующие пенсионные обеспечительные отношения, содержат определенные охранительные возможности. Однако сама по себе правовая норма охранять субъективные права не может. Охрану осуществляют органы на основе предписаний правовых норм. Объективное право создает условия для охранительной деятельности компетентных органов, является ее правовым инструментом. К тому же этимологическое значение слова «охрана» объясняется как действие⁶.

К мерам по предупреждению нарушений при реализации права на пенсию нужно отнести следующие: а) по устранению препятствий, не являющихся правонарушениями, мешающих нормальному процессу осуществления права на пенсионную алиментацию; б) по ликвидации причин, факторов, порождающих пенсионные правонарушения. В первом случае меры охватывают широкий спектр деятельности различных государственных органов, причем не только учреждений социальной защиты. Такими действиями могут быть меры по изменению действующего законодательства, например принятие правительством постановления, которое совершенствует порядок корректировки заработка для назначения пенсии и тем самым улучшает условия пенсионного обеспечения. Устранению барьеров, затрудняющих реализацию права на пенсию, может способствовать не только правотворческая, но и правоприменительная деятельность организаций. Характерным примером в этом случае может быть деятельность органов социальной защиты по содействию заявителю в получении необходимых документов, по проверке их достоверности. Важным фактором профилактики правонарушений являются меры по решению различных организационных проблем: постоянный прием граждан, организация курсов по повышению квалификации работников системы социальной защиты, своевременная доставка пенсий и т. д.

Деятельность по устранению препятствий, затрудняющих нормальную реализацию права на пенсию, – это в то же время и меры по созданию оптимальных условий для осуществления субъективных пенсионных прав. Поэтому в процессе охраны пенсионных прав различные по своему характеру меры могут пересекаться или находиться в одном качестве. В связи с этим мы разделяем точку зрения авторов, которые под охраной субъективных прав понимают комплекс мер в их взаимосвязи⁷.

Второй аспект предупредительно-охранительных мер при реализации права на пенсию выражается в ликвидации причин, порождающих правонарушения. На это нацелена, на наш взгляд, контрольная форма деятельности государственных органов, учреждений социальной защиты. При всем многообразии субъектов контрольной деятельности они все в определенной степени проводят профилактические мероприятия. Функция социальной превенции – одна из важнейших функций контроля. Цели социальной превенции достигаются: а) в процессе осуществления контрольной деятельности при выявлении правонарушений и виновных лиц; б) при реализации

правовых актов, принятых по результатам контроля, в которых сформированы рекомендации по устранению условий, способствующих правонарушениям; в) при проведении контрольными органами конкретных профилактических мер⁸. В соответствии с Порядком организации и проведения проверок (ревизий) финансово-хозяйственной деятельности и применения экономических санкций, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 15 ноября 1999 г. № 673, одной из основных задач, разрешаемых в ходе проведения ревизий, является своевременное выявление, пресечение и предотвращение правонарушений, установление причин и условий, способствующих их совершению⁹.

Реализация прав граждан и их охрана – это правовые категории, которые по своему содержанию не совпадают. Однако, как правильно отмечают в науке, это не дает нам оснований их противопоставлять в едином процессе осуществления¹⁰. В самом деле, реализация прав и обязанностей, в том числе и пенсионных, по большому счету включает и создание условий для их осуществления, и защиту от нарушений. В едином механизме реализации прав и свобод личности они, с одной стороны, объединяются, с другой – выполняют присущие только им задачи. Существующие между ними различия – это различия между функционально неодинаковыми частями органичного целого¹¹.

Выше мы говорили об охране субъективных пенсионных прав как о совокупности взаимосвязанных мер, осуществляемых государственными органами и общественными организациями. С нашей точки зрения, такое понимание охраны в целом правильное. В то же время ее содержание следует трактовать более широко. На наш взгляд, охрана пенсионных прав представляет комплекс различных мер не только государственных и общественных организаций, но и самих граждан – носителей этих прав. Для такого вывода имеются правовые основания и прежде всего анализ норм Конституции Республики Беларусь.

Указанные меры основаны прежде всего на конституционном праве граждан на защиту своих прав и законных интересов (ст. 22 Основного Закона), в том числе и на судебную (ст. 60), а также на праве направлять личные или коллективные обращения в государственные органы (ст. 40)¹². Конкретные меры граждан, направленные на охрану своих пенсионных прав, изложены в отраслевом законодательстве. Такими мерами являются, например, подача заявления о назначении пенсии непосредственно в отдел социальной защиты, если лицо не согласно с решением нанимателя об отказе в представлении его к назначению пенсии, обращение за назначением (перерасчетом) пенсии в комиссию, если у заявителя есть основания сомневаться в правильности рассмотрения его дела в отделе социальной защиты. Охранительные меры гражданин может принять и в соответствии с п. 11 Положения о комиссии по назначению пенсий, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14 августа 1998 г. № 1288, согласно которому решение комиссии может быть обжаловано в вышестоящий орган социальной защиты¹³. Указанные меры представляют собой охранительные меры граждан, направленные на предупреждение правонарушений и устранение причин, их порождающих.

Говоря о содержании охраны права на пенсию, важно ответить на вопрос: с какого момента начинается охрана субъективных пенсионных прав? Нам представляется правильной точка зрения о том, что началом охраны субъективного права на пенсию следует считать момент наделения гражданина этим правом в качестве элемента правового статуса¹⁴. Поскольку на любой стадии осуществления прав и свобод личности возможно их нарушение, постольку на любой стадии необходима и их охрана¹⁵.

В стадии общего состояния может нарушаться субъективное пенсионное право как элемент правового статуса, когда такое право закреплено в нормативном правовом акте и предназначено для неопределенного круга лиц. Нарушением в этой стадии является издание незаконного правового акта (или отдельной его нормы), где сужаются, ограничиваются юридические возможности гражданина получить пенсионную алиментацию, устанавливаются дополнительные условия реализации права на пенсию. В этом случае охрана права осуществляется путем отмены незаконного акта или внесения в него соответствующих изменений. Показательным примером такой охраны является Заключение Конституционного Суда Республики Беларусь от 28 мая 1996 г. о признании несоответствующими Конституции ст. 88 Закона Республики Беларусь «О пенсионном обеспечении» и ст. 56 Закона Республики Беларусь «О пенсионном обеспечении военнослужащих, лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел» в части приостановления выплаты трудовой пенсии на время лишения пенсионера свободы¹⁶. Для охраны пенсионного правового статуса представляются важными и всеобъемлющая конкретизация конституционной нормы права на пенсию, развитие отраслевого законодательства, в том числе своевременное принятие необходимых актов законодательства. Отраслевое законодательство полнее и точнее определяет содержание этого права, очерчивает тенденции развития в данной области гарантий. Цели, поставленные Конституцией перед правами и свободами, предопределяют не только их назначение, но и способы, средства и приемы их реализации¹⁷.

Согласно ст. 21 Конституции Республики Беларусь каждый имеет право на достойный уровень жизни, включая достаточное питание, одежду, жилье и постоянное улучшение необходимых для этого условий. Нам представляется правильной точка зрения, что право человека на достойную жизнь следует рассматривать не только как комплексный конституционно-правовой институт, но и как один из принципов правового статуса человека, находящий реализацию в большинстве субъективных прав и свобод¹⁸, в том числе и в праве на пенсию. По мнению некоторых ученых, вполне уместным было бы толкование нормы ст. 21 Конституции о праве на достойный уровень жизни, исходя из того, что это право прежде всего имеют те, кто по объективным причинам (по состоянию здоровья, в силу возраста и т. д.) не в состоянии обеспечить себе достойный уровень жизни¹⁹.

Таким образом, указанная конституционная норма должна корреспондировать норме ст. 47 Основного Закона.

В целях обеспечения охраны пенсионного статуса граждан и реализации нормы ст. 21 Конституции о праве на достойный уровень жизни необходимо внести изменения в соответствующие нормы отраслевого пенсионного законодательства, предусмотрев в них размер минимальных государственных пенсий, эквивалентный размеру бюджета прожиточного минимума на одного человека. При этом мы не ставим знак равенства между категориями прожиточного минимума и достойного уровня жизни, поскольку прожиточный минимум согласно ст. 1 Закона «О прожиточном минимуме в Республике Беларусь» – это минимальный набор материальных благ и услуг, необходимых для обеспечения жизнедеятельности человека и сохранения его здоровья²⁰. На нынешнем этапе экономического развития повышение пенсий, которые бы гарантировали достойный уровень жизни, едва ли возможно, в то же время конституционное требование ст. 21, а также статус нашего государства как социального и правового обязывает установить объективно приемлемый ориентир для минимальных пенсий. «От конституционной модели общественного строя зависит и выбор тех механизмов, которые служат гарантией прав человека и гражданина»²¹.

Субъективные пенсионные права нуждаются в охране и на стадии обладания таким правом, когда лицо приобрело пенсионную правоспособность.

Причем эта правоспособность может быть нарушена как в отношении неопределенного круга лиц, так и в отношении конкретного гражданина. В первом случае нарушением является неправильное применение законодательства либо неисполнение его уполномоченным органом. В качестве иллюстрации нарушения пенсионных прав в стадии обладания следует привести факт неисполнения на практике Закона Республики Беларусь от 22 февраля 1991 г. «О социальной защите граждан, пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС». В соответствии с п. 3–6 ст. 45 этого Закона лицам, проживающим (проживавшим) в зонах первоочередного отселения, последующего отселения, с правом на отселение, с периодическим радиационным контролем, пенсии по возрасту назначаются с уменьшением общеустановленного пенсионного возраста соответственно на 3, 2, 1, 0,5 года, кроме этого оговорены и другие дополнительные льготные условия выхода на пенсию²². Эти нормы на практике не применяются много лет ввиду отсутствия их бюджетного обеспечения, как объясняют в государственных органах. Указанные нарушения можно ликвидировать волевым административно-правовым решением компетентных органов в выделении соответствующего финансирования либо путем изменения законодательства. Нарушениями субъективного права на пенсию в стадии обладания могут быть: необоснованный отказ нанимателя в представлении к назначению пенсии, необоснованный отказ в приеме заявления о назначении пенсии, нарушение сроков представления к назначению пенсии. В данных случаях действенным способом охраны является ответственность виновных лиц.

Важность охраны субъективного права на пенсию, с нашей точки зрения, особенно велика в стадии непосредственной реализации (пользования), поскольку именно здесь конкретная возможность превращается в социальное благо. В литературе правомерно отмечается, что реализацию права можно рассматривать как процесс, который заключается в совершении личностью и ее контрагентами действий, обеспечивающих создание условий, при которых субъективное право может быть фактически материализовано, и в их непосредственных правореализующих действиях, и как конечный результат, т. е. как реальное пользование личностью соответствующим социальным благом²³. В охране нуждаются как процедура реализации права, так и само непосредственное пользование благом (пенсией). Но поскольку эти две ситуации существуют в едином процессе реализации права на пенсию, целесообразно говорить о единой охране субъективного права на пенсию в стадии непосредственной реализации (пользования).

На этой стадии правонарушения могут выражаться в неправомерном отказе в назначении пенсии, неоказании содействия в установлении юридических фактов, например дополнительного стажа, назначении пенсии в меньшем размере вследствие ошибки при подсчете стажа или заработка, ненадании полагающейся надбавки или повышения к пенсии, назначении пенсии с более позднего срока, задержке выплаты пенсии, создании препятствий при обжаловании действий органов и должностных лиц и т. д. Устранение указанных нарушений может осуществляться через издание законного правоприменительного акта, возмещение материального ущерба, дисциплинарную ответственность должностных лиц.

Защита (охрана) прав и свобод человека и гражданина является основной обязанностью государства. Часть вторая ст. 59 Конституции обязывает государственные органы, должностных и иных лиц, которым поручено исполнение государственных функций, принимать необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности. В правовой литературе выделяют следующие виды (механизмы) охраны и защиты прав и свобод граждан: 1) судебную (суды общей юрисдикции); 2) защиту прав со стороны Конституционного Суда; 3) административную защиту, включая прокурорский надзор за соблюдением законодательства по обеспечению прав и сво-

бод; 4) международно-правовую защиту; 5) самозащиту; 6) защиту со стороны общественных объединений (профсоюзов и др.)²⁴. Указанные виды в большинстве своем применимы при охране пенсионных субъективных прав.

Таким образом, под охраной субъективного права в пенсионном обеспечении следует понимать совокупность различных взаимосвязанных мер, осуществляемых государственными органами, общественными объединениями, гражданами, направленных на предупреждение пенсионных правонарушений, устранение причин, их порождающих, защиту нарушенного права и на создание условий для полной и беспрепятственной реализации субъективного права на пенсию.

¹ Тихонова Б.Ю. Субъективные права советских граждан, их охрана и защита: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 1972. С. 11–15.

² Арефьев Г.П. Некоторые вопросы понятия охраны субъективных прав // Проблема защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство: Межвуз. тем. сб. Ярославль, 1981. С. 70.

³ Тарасова В.А. Охрана прав граждан в пенсионном обеспечении. М., 1978. С. 24.

⁴ Реализация прав граждан в условиях развитого социализма / Отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 1983. С. 100–101.

⁵ Боброва Н.С. Об организационно-правовых гарантиях статуса личности // Правопорядок и правовой статус личности в развитом социалистическом обществе в свете Конституции СССР 1977 года (Вопросы теории государства и права, государственного и административного права). Саратов, 1980. С. 234.

⁶ Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М., 1986. Т. 2. С. 729.

⁷ Тихонова Б.Ю. Указ. пр. С. 11–15.

⁸ Горшенев В.М., Шахов И.Б. Контроль как правовая форма деятельности. М., 1987. С. 32.

⁹ Собрание декретов, указов Президента и постановлений Правительства Республики Беларусь. 1999. № 32. Ст. 945; Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2001. № 117. 1/3286.

¹⁰ Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979. С. 204.

¹¹ Мерзин Б.Н. Категория охраны прав граждан // Проблемы гарантии осуществления и защиты прав граждан: Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 175-летию возобновления Тартуского ун-та. Тарту, 1977. С. 33.

¹² Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями). Принята на республиканском референдуме 24 ноября 1996 года. Мн., 1977. С. 53, 57, 61.

¹³ Собрание декретов, указов Президента и постановлений Правительства Республики Беларусь. 1998. № 23. Ст. 613.

¹⁴ Тарасова В.А. Охрана прав граждан в пенсионном обеспечении. М., 1978. С. 25.

¹⁵ Реализация прав граждан в условиях развитого социализма / Отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 1983. С. 101.

¹⁶ Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1996. № 17. Ст. 234.

¹⁷ Юридические гарантии конституционных прав и свобод личности в социалистическом обществе / Под ред. Л.Д. Воеводина. М., 1987. С. 44.

¹⁸ Савостьянова В.Б. Новация принципов пенсионного права в условиях современной пенсионной реформы: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Пермь, 1999. С. 10.

¹⁹ Василевич Г.А. Проблемы непосредственного действия конституционных норм о правах и свободах граждан в Республике Беларусь // Обеспечение непосредственного действия конституционных норм о правах и свободах граждан: опыт, проблемы, перспективы: Сб. докл. и тез. выст., Минск, 17 нояб. 1998 г. / Конст. Суд Республики Беларусь: Академия управления при Президенте Республики Беларусь. Кафедра конст. права БГУ. Мн., 1998. С. 5; Гавриленко Д.А. Основополагающие принципы прав человека: свобода, ответственность, дисциплина. Там же. С. 41.

²⁰ См.: Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. 1999. № 4. Ст. 91.

²¹ Мицкевич А.В. Становление основ нового конституционного строя в Российской Федерации // Государство и право. 1992. № 8. С. 14.

²² См.: Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1991. № 10. Ст. 111.

²³ Копейчиков В.В. Реализация субъективных прав граждан // Советское государство и право. 1984. № 3. С. 15; Ростовщиков И.В. Обеспечение прав и свобод личности в СССР: вопросы теории. Саратов, 1988. С. 45–46.

²⁴ Марышкин А.В. Значение решений Конституционного Суда для обеспечения конституционных прав и свобод граждан // Обеспечение... Указ. пр. С. 16–17.

Михаил Павлович Капыльский – главный специалист юридического управления Аппарата Совета Министров Республики Беларусь.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Проблема обеспечения защиты прав личности на современном этапе актуальна во всех отраслях права. Традиционно в уголовном процессе достаточно обстоятельно разработаны проблемы процессуальных гарантий и, в частности, гарантий прав подозреваемого, обвиняемого на защиту. Мы считаем, что механизм обеспечения защиты прав и свобод личности должен строиться с учетом следующих положений, определенных в законе. Право на судебную защиту имеет любое лицо, вовлеченное в сферу уголовного процесса (ст. 60 Конституции Республики Беларусь), но особым видом данного права является право подозреваемого, обвиняемого на защиту (ст. 17 УПК Республики Беларусь), как право, принадлежащее лицу, судьба которого решается в деле. Защите в уголовном процессе подлежат как права, нарушенные преступлением, так и права, нарушенные действиями органов, ведущих уголовный процесс. Таким образом, защиту в уголовном процессе необходимо рассматривать не только с точки зрения уголовно-процессуального, но и с ее общеправового смысла. На основании имеющихся в юридической литературе положений, с учетом современного законодательства необходимо определить сущность обеспечения защиты прав всех лиц, вовлеченных в сферу уголовного процесса, независимо от их функциональной роли.

Лексическое значение слова «обеспечить» – сделать вполне возможным, действительным, реально выполнимым¹. Понятия, выработанные в теории уголовного процесса и определенные в УПК, вполне согласуются с указанным толкованием слова «обеспечить» в русском языке.

Отметим, что понятие «обеспечение защиты» многогранное. Мы согласны с позицией, что конкретным содержанием процессуальных гарантий являются предписанные законом действия следователя, прокурора и суда, которыми участвующим в деле лицам обеспечивается реальная возможность использовать свои и предоставляемые права². Субъективное право на защиту, как и любое другое субъективное право, реализуется через противостоящие обязанности органов, ведущих уголовный процесс. Принцип обеспечения защиты прав и свобод личности определяет ч. 1 ст. 10 УПК: суд, орган уголовного преследования обязаны обеспечивать защиту прав и свобод лиц, участвующих в уголовном процессе, создавать предусмотренные УПК условия для ее осуществления, своевременно принимать меры по удовлетворению законных требований участников уголовного процесса. Таким образом, легальное определение обеспечения защиты прав личности в принципе соответствует указанному выше пониманию процессуальных гарантий и включает создание условий для осуществления защиты, а также своевременное принятие решений по удовлетворению законных требований участников уголовного процесса. Обеспечение защиты не ограничивается осуществлением соответствующих обязанностей органами, ведущими уголовный процесс. Защита прав личности в уголовном процессе также гарантируется правом на получение юридической помощи (ст. 62 Конституции), деятельностью адвокатуры как профессиональной правозащитной организации. Следовательно, институт обеспечения защиты прав личности получил закрепление не только в ст. 10 УПК, данная норма скорее относится к обеспечению государственной защиты в уголовном процессе.

Однако необходимо не только определить обеспечение защиты как деятельность суда и органов уголовного преследования, но и установить содержание исполняемых ими обязанностей. А.М. Ларин указывает на такой аспект, как обеспечение самозащиты прав, предоставленной участникам

процесса, и определяет обеспечение осуществления прав как создание условий, необходимых и достаточных для того, чтобы обладатель прав мог ими воспользоваться³. В.Я. Понарин определяет обеспечение процессуальных прав и обязанностей как основанную на законе деятельность участников уголовного судопроизводства, направленную на создание определенных условий для реализации процессуальных прав и обязанностей и их непосредственное осуществление, производимое в целях защиты общественных и личных интересов⁴.

Анализ уголовно-процессуальной литературы и уголовно-правового законодательства позволяет нам определить *обеспечение защиты прав личности как деятельность суда и органов уголовного преследования по созданию условий для осуществления процессуальных прав личности, деятельность адвокатуры, способствующая реализации прав участниками процесса, так и непосредственное принятие решений, которыми обеспечивается государственная защита нарушенного права.*

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь 1999 г. существенно усилил обеспечение защиты прав личности. Остановимся на некоторых спорных моментах данного института. Обеспечение защиты предполагает прежде всего надлежащее и своевременное процессуальное оформление участия в уголовном процессе. В отношении потерпевшего это требование определено в теории и практике уголовного процесса как обеспечение права на доступ к механизмам правосудия, которое предусмотрено п. 4 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью 1985 г.⁵ В обеспечении такого права на практике имеются свои трудности. Достаточно актуальной остается проблема уклонения от регистрации преступлений, необоснованного отказа в возбуждении уголовного дела, что не способствует обеспечению защиты прав, нарушенных преступлением. В таких случаях жертвы преступлений не могут быть признаны потерпевшими и наделены соответствующими процессуальными правами.

Существенным шагом к разрешению данной проблемы является закрепление в ст. 138 УПК права обжаловать действия и решения органов, ведущих уголовный процесс, не только участникам уголовного процесса, но и иным лицам, если проводимые процессуальные действия и решения затрагивают их интересы. Но существующий порядок подачи жалоб на данные действия и решения прокурору (ч. 1 ст. 139 УПК) не может обеспечить объективности их рассмотрения в ситуации, когда прокурор ответствен за качество расследования и уровень преступности в соответствующем регионе. В то же время судебный порядок обжалования указанных действий и решений был бы равнозначен возложению на суд обвинительных функций, так как в таком случае необходимо наделить суд правом возбуждать уголовные дела, что недопустимо в правовом государстве. Следовательно, решение, на наш взгляд, следует искать в ином. А.Д. Бойков предлагает предусмотреть создание вневедомственного учета заявлений и сообщений о преступлениях⁶. С нашей же точки зрения, в данном случае наиболее эффективным будет изменение критериев качества работы правоохранительных органов.

С вынесением постановления о привлечении в качестве обвиняемого соответствующее лицо становится обвиняемым и приобретает все права, предусмотренные законом, для защиты своих прав и свобод. В то же время запоздалое предъявление обвинения лишает его возможности воспользоваться представляемыми ему законом правами. В этой связи необходимо указать, что ст. 111 УПК ограничивает обеспечение обвиняемому права на защиту. Задержание обвиняемого для предъявления обвинения предполагает наличие постановления о привлечении в качестве обвиняемого (ст. 240 УПК), но в ч. 3 ст. 111 УПК указывается, что задержанному может не предъявляться обвинение в указанный срок, если до истечения 72 ч с момента

задержания он освобожден из-под стражи с применением меры пресечения, не связанной с содержанием под стражей, или без применения в отношении его меры пресечения. Несвоевременное предъявление обвинения нарушает одно из основополагающих прав, предусмотренных международно-правовыми требованиями, такое, как право быть уведомленным об обвинении (абз. а п. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.⁷), поэтому считаем, что при наличии постановления о привлечении в качестве обвиняемого в любом случае, в том числе, если обвиняемый освобожден из-под стражи, необходимо предъявлять обвинение.

Непременным элементом обеспечения защиты прав личности является обязанность органов, ведущих процесс, разъяснить права его участникам. Лицо, которое не знает и не понимает своих прав, не может быть реально полноправным субъектом правоотношений. В уголовно-процессуальной литературе и уголовно-процессуальном законодательстве обязанности разъяснить права придается особое значение, она выделяется среди других обязанностей органов уголовного преследования и суда⁸. Ст. 195 УПК закрепляет обязанность следователя и дознавателя, а ст. 317–321 УПК – председательствующего в суде разъяснить лицам, участвующим в производстве по уголовному делу, их права и обязанности. Представляется, что такая обязанность должна быть закреплена и в ст. 10 УПК.

Исполнение обязанности разъяснить права не должно быть формальным. Однако это не может обеспечить в полной мере лицам, в отношении которых ведется уголовное преследование, знание ими своих прав. Обеспечить реальность знания обвиняемым и подозреваемым своих прав призвано их право в случае задержания (для подозреваемого) или применения меры пресечения в виде заключения под стражу получить бесплатную юридическую консультацию адвоката до начала первого допроса в качестве подозреваемого (обвиняемого) (п. 5 ч. 2 ст. 41, п. 4 ч. 2 ст. 43 УПК). Причем по смыслу уголовно-процессуального закона обвиняемый может получить такую консультацию и в том случае, если он уже воспользовался данным правом, будучи в статусе подозреваемого.

Обеспечению защиты прав личности призвано служить право на юридическую помощь (ч. 4, 5 ст. 20 УПК). В отношении обвиняемого и подозреваемого это право конкретизируется: гарантией права подозреваемого, обвиняемого на защиту является право иметь защитника, который помогает указанным лицам использовать все их процессуальные права. Закон предусматривает случаи обеспечения обязательного участия защитника (ст. 45 УПК). С учетом необходимости установления баланса в защите прав потерпевшего и лица, в отношении которого ведется уголовное преследование, мы поддерживаем мнение о расширении прав представителя потерпевшего, уравнивании его в правах с защитником, однако нельзя согласиться с необходимостью определения в законе случаев обязательного участия представителя потерпевшего, как это предусмотрено в отношении защитника⁹. Защита прав, нарушенных преступлением, ввиду принципа публичности (ст. 15 УПК) является обязанностью органов уголовного преследования. Нужно подчеркнуть, что согласно ст. 7 УПК именно защита прав личности является первостепенной задачей уголовного процесса. По делам частнопубличного, частного обвинения прокурор вправе возбудить уголовное дело, если лицо, пострадавшее от преступления, не способно самостоятельно защищать свои права (ч. 5 ст. 26 УПК), прокурор также может в любой момент вступить в судебное разбирательство по делам частного обвинения и поддерживать обвинение в суде, если этого требует защита прав граждан (ч. 6 ст. 26 УПК). Таким образом, потерпевший имеет сильного «союзника» в лице прокурора и органов уголовного преследования. Целью же обязательного представления защитника является создание равноправ-

ной стороны, противостоящей государственному обвинению и уголовному преследованию, без чего невозможна реализация принципа состязательности в уголовном процессе (ст. 24 УПК). Таким образом, уголовно-процессуальный закон не будет противоречить демократическим принципам, если не будет предусматривать обязательное участие представителя потерпевшего. Указанное касается процессуальной деятельности и не затрагивает необходимости развивать деятельность правозащитных организаций, оказывающих помощь жертвам преступлений.

Более актуальным мы считаем повышение активности участия потерпевшего на досудебных стадиях и в суде. Как указывает В.Е. Квашиш, в уголовном процессе США федеральным законом предусматривается право потерпевшего советоваться с государственным обвинителем на всем протяжении уголовного процесса. Потерпевший вправе в любой момент прийти к прокурору с тем, чтобы ознакомиться с ходом их дела, узнать, какое наказание будет требовать обвинение для преступника, и высказатель свое отношение к этому. При этом прокурор обязан дать исчерпывающие разъяснения¹⁰.

Обеспечение защиты предполагает гарантированность исполнения своих обязанностей органами, ведущими уголовный процесс. Е.Г. Мартыничик видит гарантированность исполнения обязанностей в контрольных функциях суда и прокурора по проверке того, как реализуется система процессуальных прав и гарантий прав на соответствующих стадиях судопроизводства¹¹. Ю.И. Стецовский рассматривает санкции как гарантию обеспечения защиты в уголовном процессе, причем выделяет уголовно-процессуальные, уголовно-правовые, дисциплинарные и гражданско-правовые санкции¹². Среди уголовно-процессуальных санкций, указанных автором, отметим признание недействительности следственных действий, а также их результатов, при совершении которых не были соблюдены предусмотренные законом права личности, определенные сегодня в ст. 27 Конституции и реализованные в уголовно-процессуальном законе как принцип допустимости доказательств, согласно которому доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы. Раньше редко доказательства признавались недопустимыми ввиду нарушения прав личности при их получении. По свидетельству практических работников сегодня, особенно с введением в действие УПК 1999 г., судами чаще отвергаются доказательства по мотивам их получения с нарушением прав личности. Так, приговором суда г. Борисова от 15 декабря 2000 г. Б. признан виновным в вовлечении в преступную деятельность несовершеннолетнего С. и совершении по сговору с ним многочисленных краж имущества граждан. При вынесении приговора судом были отвергнуты признательные показания несовершеннолетнего С. в качестве свидетеля и протокол следственного эксперимента как полученные с нарушением права на защиту. 22 июля 2000 г. С. был задержан и допрошен в качестве подозреваемого, 18 сентября 2000 г. ему было предъявлено обвинение, 18 октября 2000 г. он не мог быть допрошен в качестве свидетеля и давать показания против самого себя. Неправомерно, в отсутствие защитника с участием С. выполнено важное следственное действие – следственный эксперимент¹³. Требование оценки доказательств с точки зрения допустимости содержится в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2001 г. № 9 «О приговоре суда»¹⁴.

Действенность обеспечения защиты возможна, если она будет построена, исходя из структуры субъективного права на защиту, которое, по нашему мнению, принадлежит всем лицам в уголовном процессе. Обеспечение должно быть гарантировано возможностью обжаловать в суд действия и решения, затрагивающие права управомоченного лица.

Сегодня УПК предусматривает лишь право обжаловать в суд на досудебных стадиях действия и решения, нарушающие право на свободу, неприкосновенность личности. К компетенции суда относится рассмотрение жалоб на действия и решения органа уголовного преследования, в частности, задержание, заключение под стражу, домашний арест или продление сроков содержания под стражей, домашнего ареста (ст. 143–145 УПК); принудительное помещение лица, не содержащегося под стражей, в психиатрическое (психоневрологическое) учреждение – для производства экспертизы (ст. 146 УПК). Кроме того, к компетенции суда относится рассмотрение жалоб на решение органа уголовного преследования о прекращении предварительного расследования уголовного дела (ст. 139 УПК). Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 3 апреля 2001 г. «О праве граждан на обращение в суд по вопросам, возникающим в связи с осуществлением уголовно-процессуальных отношений» снимает все ограничения в праве граждан на обращение с жалобами на действия и решения органов дознания, дознавателя или следователя в суд¹⁵. Необходимость правомерного временного ограничения прав и свобод личности в целях, отмеченных ст. 23 Конституции, предусматривает, что обеспечение судебной защиты в уголовном процессе на досудебных стадиях не может быть безграничным. Полнота обеспечения права на судебную защиту требует расширить перечень категории действий, определенных в УПК, которые могут быть обжалованы в суд, и включить сюда право на обжалования следственных действий, нарушающих конституционные права граждан.

Но необходимо не только предусмотреть возможность обжалования таких действий, но и исключать протоколы следственных действий из материалов уголовного дела, в случае, если они будут признаны произведенными с нарушением прав личности. Исключение недопустимых доказательств, подкрепленное возможностью обжаловать в суд действия органов уголовного преследования, нарушающие права личности, должно стать одним из способов, обеспечивающих защиту прав личности в уголовном процессе. Мы видим положительным изучение для реформирования уголовного процесса в Республике Беларусь правового опыта работы успешно действующей во Франции обвинительной камеры – следственного органа второй инстанции, деятельность которой позволила внедрить принцип состязательности на предварительном следствии. Полномочием этого контрольного органа, не связанного ведомственной корпоративностью, является объявление недействительными следственных действий, признанных незаконными, и изъятие материалов из уголовного дела¹⁶. Полномочия такого органа эффективны для обеспечения защиты прав личности. Защита предполагает не только установление факта нарушения права, но также и ликвидацию последствий такого нарушения. Поэтому если при признании ареста незаконным возможно освобождение лица, то при признании обыска незаконным для устранения последствий возможно лишь изъятие материалов из уголовного дела.

Одними лишь юридическими гарантиями невозможно обеспечить защиту прав личности в уголовном процессе. И.Л. Петрухин определяет закономерность: чем выше уровень правовой культуры народа, чем популярней идея правопослушания, тем меньше мелочных предписаний издается в стране¹⁷. Существуют и иные, глубинные социальные гарантии реализации прав и свобод личности при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности. Нужно мощное изменение в уровне правосознания и правовой культуре как должностных лиц, так и граждан, но данный аспект обеспечения защиты прав личности требует специального исследования.

Таким образом, Уголовно-процессуальный кодекс 1999 г. существенно усилил обеспечение защиты прав личности в уголовном процессе, однако

отдельные проблемы данного многогранного института нуждаются в доработке, уточнении и детализации.

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стер. М., 1986. С. 364.

² Стецовский Ю.И., Ларин А.М. Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту. М., 1988. С. 236.

³ Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986. С. 61.

⁴ Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве. Воронеж, 1984. С. 121.

⁵ Права человека: Сб. междунар. договоров. Нью-Йорк, 1989. С. 298–301.

⁶ Бойков А.Д. Третья власть в России: Очерки о правосудии, законности и судебной реформе 1990–1996 / НИИ проблем укрепления законности и правопорядка. М., 1997. С. 196.

⁷ Права человека. Указ. пр. 1989. С. 21–44.

⁸ Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М., 1972. С. 95–102.

⁹ Квашиш В.Е. Основы виктимологии. Проблемы защиты прав потерпевшего от преступлений. М., 1999. С. 150.

¹⁰ Квашиш В.Е. Указ. пр. С. 107.

¹¹ Мартынич Е.Г., Радьков В.П., Юрченко В.Е. Охрана прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве / Под ред. Т.И. Карпова. Кишинев, 1982. С. 38.

¹² Стецовский Ю.И., Ларин А.М. Указ. пр. С. 240–241.

¹³ Архив суда г. Борисова. Уголовное дело № 1-1082 за 2000 г.

¹⁴ Судовы веснік. 2001. № 4. С. 23.

¹⁵ Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2001. № 35. 6/274.

¹⁶ См.: Шанталь А.Л. Организация предварительного следствия во Франции на современном этапе // Государство и право. 1999. № 1. С. 109–112.

¹⁷ Петрухин И.Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью). М., 1999. С. 59.

Ольга Валентиновна Петрова – аспирантка кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора. Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Беларусь А.А. Данилевич.

Наука и образование на пороге III тысячелетия: Материалы международного конгресса (Минск, 3–6 окт. 2000 г.). Мн., 2001. 825 с.

Выход книги материалов международного конгресса, собравшего в Республике Беларусь более тысячи ученых из 23 стран мира, чтобы обсудить проблемы науки и образования в рамках реализации решений Всемирной конференции по науке (Будапешт, 1999) и Всемирного образовательного форума (Даккар, 2000) при поддержке Бюро ЮНЕСКО в Венеции, стал заметным событием в международном научном сообществе.

Проведение столь масштабного и представительного научного форума в нашей республике, а также актуальность обсуждаемых проблем обусловили значительный интерес к конгрессу не только в профессиональной среде, но и в обществе в целом. Находясь, по существу, на переломном этапе истории, когда вполне реальна смена типа цивилизационного развития человечества, очень сложно предусмотреть последствия дальнейшего интенсивного роста научного знания и широкого использования современных достижений науки. Техногенная цивилизация порождает силы, которые подчас становятся неподвластными человеку, а сам человек нередко утрачивает статус смыслообразующей константы научных и социальных нововведений. Цивилизация, давшая так много достижений, одновременно породила и противоречия, поставившие под угрозу само существование человечества. Новые глобальные вызовы и риски требуют пересмотра и серьезного изменения действующих национальных систем образования, гуманизации научного поиска. Рефреном через все доклады и выступления участников конгресса проходила идея насущной необходимости интеграции образовательного и научного пространства, расширения международных связей, создания необходимых условий для сохранения и дальнейшего развития национальной культуры, ведущих научных школ.

Структура книги в полной мере отражает логику и передает богатство содержания состоявшейся дискуссии. В ней опубликованы все пленарные доклады, с которыми высту-

пили такие широко известные ученые, как академики Б.Е. Платон, Ж.И. Алферов, А.П. Войтович, В.С. Степин, Н.А. Платэ, Н.Л. Добрецов, А.Н. Тавхелидзе; профессора В.Г. Кремень, В.И. Стражев, А.М. Кондаков, Д.Е. Девидсон, А.В. Сидорович и др.

Материалы работы секций и «круглых столов» сгруппированы составителями по трем тематическим разделам: «Гуманитарные, естественные, технические науки и современное образование», «Образование и культура: современные тенденции развития», «Инновационная политика и международное сотрудничество в науке и образовании». В них адекватно раскрывается широкий диапазон проблем, обозначившихся в сфере науки и образования на пороге III тысячелетия. Повышение роли образования в жизни общества, укрепление связи национальных академий наук и образовательных учреждений, разработка национальных и региональных версий стратегии устойчивого развития – эти и другие актуальные проблемы современного этапа социодинамики задают перспективный вектор научного поиска и оптимальных форм освоения научных знаний в технологиях материального и духовного производства.

Общим для участников конгресса, как видно из опубликованной книги, стало стремление к поиску таких парадигмальных ориентаций в научном познании, которые бы органично сочетались антропологическим измерением социального развития с человеком в его единстве с социумом и природой. Именно антропологический фактор рассматривается в рецензируемой работе как один из определяющих векторов развития гуманитарного знания и современных образовательных практик.

Участники конгресса были солидарны, подчеркнули особую роль университетов в современном динамично изменяющемся мире, которая предполагает значительное повышение качества образования, активное внедрение в учебный процесс информационных технологий, подготовку новых поколений учебной и учебно-методической литературы.

Острым остается вопрос обеспечения системы образования научно-педагогическими кадрами, способными не только бережно

сохранять культурные традиции, но и продуцировать системные инновации. Приоритетными должны стать междисциплинарные исследования, синтез естественнонаучных и гуманитарных дисциплин, значительное повышение общей и профессиональной культуры выпускников современной высшей школы. Положительный опыт в этом направлении был проанализирован и обобщен в докладах академиков Ж.И. Алферова (Санкт-Петербург) и Н.Л. Добрецова (Новосибирск); профессоров А.В. Козулина (Минск), А.В. Сидорича, Е.Г. Юдина (Москва) и др.

Материалы конгресса, системно скомпонованные в рецензируемой книге, еще раз убедительно подтверждают высокий статус научных знаний в современной культуре, их социальное значение и мировоззренческую ценность. Они свидетельствуют о принципиальной важности науки как непреложной основы развития наиболее эффективных и социально перспективных форм экономической деятельности. Поэтому вполне органичным представляется вывод авторов книги, согласно которому в современных обществах оптимальные стратегии развития доминируют лишь тогда, когда «основой экономики в стране являются наукоемкие отрасли промышленности и наукоемкие технологии» (с. 158).

Публикация рецензируемого издания отражает безусловную социальную потребность в глубоком профессиональном осмыслении феномена науки и его взаимосвязей с образованием в условиях впечатляющей транзитивности современного мира. Поиск перспективных решений и ответов на глобальные вызовы эпохи не может быть результативным, если он осуществляется вне норм и традиций научной рациональности, адекватно и чутко реагирующей на изменения в стилях жизни и социокультурных реалиях конца XX – начала XXI ст. Этот важный мировоззренческий акцент, корректно и убедительно проведенный в большинстве разделов книги, делает ее весьма современной, посвященной осмыслению подлинно глобальной проблемы нашего времени.

А.И. Зеленков,
доктор философских наук, профессор
А.Н. Данилов,
профессор, член-корреспондент
НАН Беларуси

Выбраныя навуковыя працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта: У 7 т. Мн.: БДУ, 2001. Т. 1: Педагогіка. Псіхалогія. Сацыялогія. Філасофія / Адк. рэд. А.І. Жук. 525 с.; Т. 2: Гісторыя. Філалогія. Журналістыка / Адк. рэд. А.А. Яноўскі. 534 с.; Т. 3: Юрыспрудэнцыя. Эканоміка. Міжнародныя адносіны / Адк. рэд. В.М. Гадуноў. 346 с.

Роль Белорусского государственного университета в развитии науки, культуры и образования республики трудно переоценить. Его коллектив на протяжении более 80

лет истории оказывал и оказывает возрастающее влияние на разные стороны жизни нашего общества, осуществляет подготовку высококвалифицированных специалистов. Университет внес неоценимый вклад в развитие гуманитарных и естественных наук, имеющих не только республиканское, но и международное значение. Об этом красноречиво свидетельствует изданный к юбилею семитомник избранных научных работ.

Достоинством издания являются «панорамность» отражения развития науки в университете за данный исторический период, характеристика различных направлений, объединенных решением наиболее актуальных проблем, обусловленных динамикой общества. Опубликованные труды представлены различными поколениями ученых, демонстрируя тем самым закономерную связь времен и преемственность научного опыта. Анализ роли поколений ученых пополняет наши представления о функционировании универсальной научной системы, которая усложняется и расширяет свои границы, отвечая на требования времени. Лучшим тому подтверждением является возникновение в гуманитарных и естественных науках новых школ и направлений, лабораторий и научно-исследовательских институтов.

Нет необходимости говорить о значении всех научных достижений университета (ибо нельзя объять необъятное). Отметим гуманитарный цикл научных дисциплин, начиная с педагогики и кончая международными отношениями, как совершенно новое и молодое научное направление. Гуманитарные дисциплины в общей структуре юбилейного издания представлены достаточно объемно – составляют три тома, ознакомившись с содержанием которых можно получить представление о творческом состоянии гуманитарных исследований в ведущем вузе республики, их актуальности и высоком научном уровне. Здесь более отчетливо проявляется проблема научной преемственности, творческого развития научных исследований, чем по праву на протяжении всей 80-летней истории гордился университет. К какому бы научно-исследовательскому спектру мы ни обратились, – везде ощущается новаторский подход, глубокая связь с жизнью, социальной и педагогической практикой, стратегической направленностью университетского образования в XXI в. В этой связи отметим статьи А.В. Козулина, Н.А. Березовина, М.А. Гусакковского, А.А. Полонникова и других авторов. Современные тенденции в развитии общества предполагают поиск путей соединения углубленной профессиональной подготовки и активных технологий, ее социокультурной адаптации. Речь идет об адекватном восприятии обществом требований времени, соответственной оценке роли и значения новых научных идей для развития человечества. Высокий уровень научного обобщения демонстрирует широко известная не только в Беларуси, но и далеко за ее пределами «минская школа» в области философии и методологии науки, отдельные ученые и научные коллективы, исследующие историю отечественной и западноевропейской философской мысли, проблемы морали социаль-

ной экологии и современной экологической культуры (А.И. Зеленков, Л.Ф. Кузнецова, В.Ф. Мартынов, М.А. Можейко, В.В. Анохина, А.В. Барковская, Е.В. Хомич, Т.Г. Румянцева, Я.С. Яскевич, Н.А. Кандрин, В.Т. Новиков, А.В. Яскевич, А.А. Легчилин и др.).

Колыбелью развития социологической науки для Беларуси стал Белорусский государственный университет, где с первых дней создания читались курсы по социологическим дисциплинам. В рецензируемой монографии представлены статьи по широкому спектру острых современных проблем, истории, методологии и методике социологических исследований (А.Н. Елсуков, А.Н. Данилов, Д.Г. Ротман, О.В. Терещенко, С.Н. Бузова, Л.Г. Титаренко, Л.Г. Новикова и др.).

В разделе «Психология» представлены статьи ведущих сотрудников кафедры, которые проявляют стремление развивать лучшие университетские традиции, акцентируя направленность своих исследований на проблематике и содержательных особенностях современного трансформационного процесса на постсоветском пространстве, на ведущей роли в нем антропологического фактора (И.А. Фурманов, Е.С. Слепович, Л.Н. Дичковский, С.С. Харин, В.А. Яшук и др.).

Во втором томе представлены материалы, освещающие этапы развития таких наук, как история, филология и журналистика, которые занимают достойное место в системе гуманитарной университетской науки и имеют давние традиции с момента создания университета. С почтением называются имена видных ученых: В.И. Пичеты, Ф.Ф. Туруна, А.Н. Ясинского, В.Н. Перцева, Н.Н. Никольского и т.д. Последнее десятилетие XX в., как явствует из содержания второго тома, в истории Белорусского государственного университета для профессоров, доцентов, научных сотрудников и студентов было особенно плодотворным. Их творческая деятельность не только значительно расширилась, охватив новые научные направления, но и стала более результативной во всех отношениях. Особо отмечены работы Э.М. Загорюльского, И.В. Оржеховского, О.А. Яновского, В.А. Тепловой, А.А. Прохорова, Л.Д. Синьковой, М.В. Хавстовича, А.В. Стрельцова и многих других авторов.

Третий том, посвященный юриспруденции, экономике и международным отношениям, свидетельствует о разветвленности гуманитарных исследований, актуальности проблематики, обусловленной новой исторической ситуацией, а именно обретением суверенности Республикой Беларусь. Ярчайшим примером в этом отношении являются ее международные отношения качественно иного характера и содержания.

В исследованиях экономико-юридической направленности приняли участие известные не только в республике, но и далеко за пределами ученые-юристы: С.Г. Дробязко, А.А. Головкин, Г.А. Василевич, В.Ф. Чигирь, Т.И. Довнар и многие другие. Не менее известные ученые представляют своими работами и достижения экономической науки в университете (П.С. Лемещенко, В.Л. Ключня, Е.М. Воробьева и т.д.).

Итак, в обозрении трехтомника, посвященного развитию гуманитарных наук, необходимо подвести определенные итоги. Во-первых, издание избранных трудов отличается фундаментальностью; во-вторых, оно свидетельствует о сложной, многоплановой и динамичной системе университетской гуманитарной науки; в-третьих, читатель, познакомившись с определенными результатами научных исследований в одной из важнейших духовных сфер нашего общества, получит объемное представление о непрерывном творческом труде большого профессорско-преподавательского коллектива, который, несмотря на различные сложности и трудности, находится на историческом пути развития университета, на передних рубежах науки.

Ю.А. Гусев,
доктор философских наук, профессор

**Выбраныя навуковыя працы
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта:
У 7 т. Т. 2. Гісторыя. Філалогія. Журналістыка / Адк. рэд. А.А. Яноўскі. Мн.: БДУ, 2001. 534 с.**

Да святкавання 80-годдзя Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта выдадзена у 2001 г. сем тамоў "Выбраных навуковых прац Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта", акрамя каштоўных і змястоўных кніг аб рэктарах БДУ, яго дактарах навук і прафесарах. Другі том, прысвечаны працам па гісторыі, філалогіі і журналістыцы, спалучае навуковасць з папулярнасцю, глыбінёй і змястоўнасцю, аргументаванасцю высноў, у ім апублікаваны невядомыя і малавядомыя старонкі гісторыі навукі, прыводзяцца новыя фактычныя дадзеныя.

Кніга адкрываецца артыкулам А.А. Яноўскага "Беларускі ўніверсітэт: ад ідэі да ўвасаблення". Разглядаючы гісторыю ўніверсітэцкай адукацыі з XII ст., аўтар заканчвае свой артыкул падзеямі знамянальнага для БДУ 1921 г. Выкарыстанне матэрыялаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі, Нацыянальнага архіва РБ, ўніверсітэцкага архіва, Музея гісторыі БДУ, перыядычнага друку пачатку 20-х гг. XX ст., іншых крыніц, умелае пераасэнсаванне ўжо вядомых гістарычных фактаў дазволілі А.А. Яноўскаму правесці арыгінальнае навуковае даследаванне па дадзенаму пытанню. Адным з важнейшых вынікаў карэнных зменаў сацыяльных функцый гісторыі ў рашэнні праблем, якія стаяць перад цывілізацыяй, з'яўляецца тэндэнцыя да междисциплинарнасці. Менавіта гэтаму напрамку дзейнасці прысвечаны матэрыялы спецыяліста ў галіне гістарыяграфіі і метадалогіі гісторыі У.Н. Сідарцова. Нельга не згадаць і высноў вучонага, што ў наш час гістарычная навука усё больш абаліраецца не на ідэалагічнае адзінства, а на ўзаемасувязь, узаемаперапляценне метадаў і катэгорый. Выключную каштоўнасць прадстаўляе артыкул аднаго з самых таленавітых беларускіх археолагаў Э.М. Зага-

рульскага “У пошуках славянскай прарадзімы”. На падставе пераканаўчых доказаў ён выказвае меркаванне, што менавіта носьбітаў культуры шаравідных амфар трэба атаясамліваць з першымі славянамі. Грунтоўнае вывучэнне архіўных фондаў Варшавы і Кракава дало магчымасць аўтару матэрыялу “Рэалізацыя акта Люблінскага сойма 1569 г. у гістарычнай рэчаіснасці другой паловы XVI–XVII ст.” П.А. Лойку зрабіць вывад аб неадназначнасці адносінаў паміж ВКЛ і Каралеўствам Польскім, што гарантаванае неумясненнем польскай шляхты ва ўнутраныя справы ВКЛ збліжала ліцвінскі менталітэт з адзінадзяржаўнай кароннай палітычнай элітай. “Сацыяльныя і філалагічныя задачы рыторыкі як вучэбнай дысцыпліны ва ўніверсітэце” – такую назву носіць артыкул беларускага мовазнаўца і педагога Л.А. Мурынай. Аўтар акцэнтуюе ўвагу чытачоў на галоўнай асаблівасці рыторыкі як вучэбнай дысцыпліны у вышэйшай навучальнай установе і адзначае, што яна мае сацыяльныя задачы: выхаванне рытара – дастойнага члена грамадства, кампетэнтнага, з усьвядомленай літаратуразнаўчай пазіцыяй, тэхнікай публічнай аргументацыі, якая забяспечвае эфектыўнае абмеркаванне значымых для грамадства праблем, рытара, які прапагандуе высокамаральныя нормы паводзін і прыёмы арганізацыі рэчавых адносін. Літаратуразнаўца і крытык Т.М. Дасаева прысвяціла свой матэрыял праблеме функцыянавання лірычных матываў у пражаных жанрах. Заслугуе увагі яе выснова, што лірызм у сістэме рамантычных сродкаў дапамагаў пісьменнікам, якія стаялі ў вытокаў беларускай прозы, адыходзіць ад фальклорнай пэтыты, узмацняў суб’ектыўны пачатак, тым самым выяўляючы аўтарскую індывідуальнасць. У цэлым матэрыялы другога тома асвятляюць даволі шырокае кола пытанняў – ад праблем стылістыкі і метадыкі выкладання навуковых дысцыплін да шэрага аспектаў медыяпаліталогіі, этналогіі, археалогіі. Цэнтральнае месца ў выданні займаюць артыкулы аб актуальных праблемах гісторыі, гістарыяграфіі, крыніцазнаўства Беларусі, Заходняй Еўропы, краін Лацінскай Амерыкі, Усходу, ЗША. Вартасць навуковых прац па гісторыі, філалогіі і журналістыцы, якія увайшлі ў рэцэнзуемае выданне, заключаецца ў актуальнасці і шматграннасці ключавых праблем гуманітарных навук. У адрозненне ад многіх навуковых зборнікаў пераважная большасць артыкулаў вызначаецца не толькі пастаноўкай тых ці іншых пытанняў, але і раскрыццём пэўных вынікаў іх даследавання, аргументаванасцю высноў. У той жа час можна адзначыць адсутнасць у многіх матэрыялах хаця б кароткіх гістарыяграфічных аглядаў па некаторых праблемах. Неправамерна мала месца адведзена журналістыцы (усяго шэсць артыкулаў, у той час як гісторыі – дваццаць, а філалогіі – дзевятнаццаць). Матэрыялы другога тома “Выбраных навуковых прац Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта” – гэта значны ўклад не толькі ў

айчынную, але і сусветную навуку і культуру.

Э.Р. Іофе,

доктар гістарычных навук, прафесар
Беларускага дзяржаўнага педагогічнага
універсітэта імя М. Танка

Л.В. Лойко. *Политическое развитие Польши в 70–80-х гг. XX в.* Мн.: БГУ, 2002. 230 с.

Монография посвящена событиям 70–80-х гг. XX в., происходившим в Польше, которые положили начало разрушению основ реального социализма. Книга написана на основе анализа многообразного фактического материала, а также личных наблюдений автора. Использованы многочисленные статистические данные, материалы социологических исследований, научная литература Польши и других стран. Приводятся высказывания партийных и государственных деятелей, биографические справки основных участников политического процесса. В отличие от ряда предыдущих книг Л.В. Лойко эта монография обеспечена научным аппаратом, что дает возможность читателям оценить объективность, научность позиций и мнений автора о столь ответственном периоде истории соседней страны.

Приводится краткий, но достаточно глубокий анализ следовавших один за другим общественно-политических кризисов в Польше (1956, 1970, 1975, 1980), более подробно рассмотрены обстоятельства и причины введения военного положения в этой стране в декабре 1970 г. Не менее обстоятельно характеризуются идейно-политические позиции многочисленных оппозиционных группировок того периода, и прежде всего таких, как Комитет защиты рабочих, Конфедерация независимой Польши, Движение в защиту прав человека и гражданина, Польское независимое соглашение. Раскрыты стратегия и тактика их борьбы с существовавшим общественным строем, взаимоотношения и взаимодействия между оппозицией, действовавшей в стране, политически активной частью переселенческой эмиграции и пропагандистскими центрами западных государств. Автор обращает внимание читателя на функции оппозиционно настроенной интеллигенции в формулировании идеологии и инициировании роли действий антикоммунистических группировок.

Специальный раздел посвящен истории возникновения, развития и профессионального союза «Солидарность», переросшего в многомиллионное массовое движение за ликвидацию реального социализма. Анализируется стратегия и тактика борьбы «Солидарности» с существовавшим режимом, а также социально-психологическое значение ее действий в масштабе мирового социалистического лагеря. В этой части монографии высказываются оригинальные суждения, гипотезы, исторические сравнения.

Не меньшее значение имеет позиция автора по вопросам поведения партийно-

Рецензии

государственного лагеря в общественном конфликте, разразившемся летом 1980 г. Тщательно подобранный исторический материал позволяет проследить причины кризиса правящей Польской объединенной рабочей партии, а также союзнических Объединенной крестьянской и Демократической партий. Рассуждения автора основаны на всестороннем знании им программных документов и материалов ПОРП, высказываний ее лидеров и активистов, характера взаимоотношений между ПОРП и КПСС, Польшей и Советским Союзом.

События 70–80-х гг. XX в. в Польше анализируются на фоне развития международной ситуации с учетом положения в СССР и мировой социалистической системы. Освещение событий ведется объективно: наряду с

трудностями и проблемами показаны также успехи в развитии польского общества во второй половине прошлого столетия. Оценки и выводы заслуживают серьезного внимания. Монография – важный вклад в изучение новейшей истории Польши, она представляет интерес в первую очередь для историков, политологов, международников, а также для всех, кто хочет разобраться в том, как и почему рухнул лагерь социализма, в чем заключаются реальные причины поражения этого строя.

В.В. Беньковский,
кандидат философских наук, директор
Польской высшей гуманитарной школы БИП

ПРАВИЛА оформления статей

1. В редакцию представляется оригинал статьи, набранный на компьютере через 1,5 интервала на бумаге формата А4 с полями с левой стороны не уже 40 мм в редакторе Word (размер шрифта – 12 кегль, гарнитура – Times New Roman, интервал 1,5), и дискета 3,5" с ее файлом (название файла – по фамилии автора). Объем статьи не должен превышать 8 страниц текста (включая таблицы, литературу, не более 3 рисунков или фотографий); кратких сообщений – 3 страницы текста (2 рисунка).

2. Простые формулы и буквенные обозначения величин нужно вставлять, используя Symbol (Ω) (например, Σ , A^1 , β_k , $^{\circ}\text{C}$...). Сложные формулы набираются при помощи редактора формул и по ширине не должны превышать 127 мм.

3. Рисунки (графики, схемы), фотографии, таблицы, отсканированные или подготовленные в дополнениях Windows, представляются в двух экземплярах как на бумаге (твердая копия), так и в виде отдельных файлов на дискете в форматах, совместимых с Winword 98. Их размеры не должны быть более 120×220 мм. Следует избегать повторения данных, содержащихся в таблицах и графиках, а также представления численных результатов одновременно в виде таблиц и графиков.

4. Таблицы (обязательно с заголовками) и подписи к рисункам необходимо печатать на отдельных страницах. Места для таблиц и рисунков указываются на полях рукописи. Кривые на рисунках нумеруются арабскими цифрами, которые расшифровываются в подрисуночных подписях.

5. Сноски на литературные источники даются в порядке цитирования (упоминания) – порядковый номер сноски пишется в верхнем индексе. Список использованной литературы прилагается в конце статьи и должен быть оформлен следующим образом:

а) для книг – фамилия и инициалы авторов, полное название книги, место и год издания, страница;

б) для журнальных статей (коллективных сборников и др.) – фамилия и инициалы автора, после двух «косяков» – принятое сокращенное название издания, год, том, номер выпуска, страница.

6. К статье прилагаются: рекомендация кафедры, рецензия (отзыв) научного специалиста, сведения об авторе (фамилия, имя и отчество полностью, место работы, ученая степень, звание, адрес, номер служебного и домашнего телефона). Для аспирантов – фамилия и инициалы, ученая степень, звание научного руководителя.

7. В случае передачи статьи автору на доработку необходимо вернуть в редакцию окончательный текст и первоначальный вариант.

8. Корректурa статьи должна быть возвращена в редакцию не позднее чем через три дня после получения ее автором. В корректуре допускается только исправление фактических ошибок.

9. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил, редакцией не принимаются.